

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN
№ 4 (6)

Academic Journal

Series:
Records Management and Archival Studies.
Computer Science. Data Protection and Information Security

Moscow
2016

ВЕСТНИК РГГУ

№ 4 (6)

Научный журнал

Серия
«Документоведение и архивоведение. Информатика.
Защита информации и информационная безопасность»

Москва
2016

УДК 651.4(05)+930.25(05)+004(05)
ББК 65.050.2я5+79.3я5+32.81я5

Редакционный совет серий «Вестника РГГУ»

Е.И. Пивовар, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (председатель)

Н.И. Архипова, д-р экон. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е. Ван Поведская (Ун-т Сантьяго-де-Компостела, Испания), Х. Варгас (Ун-т Валле, Колумбия), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), Е. Вятр (Варшавский ун-т, Польша), Дж. ДеБарделебен (Карлтонский ун-т, Канада), В.А. Дыбо, акад. РАН, д-р филол. н., проф. (РГГУ), В.И. Заботкина, д-р филол. н., проф. (РГГУ), В.В. Иванов, акад. РАН, д-р филол. н., проф. (РГГУ; Калифорнийский ун-т Лос-Анджелеса, США), Э. Камия (Ун-т Тачибана г. Киото, Япония), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), С.М. Каштанов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), В. Кейдан (Урбинский ун-т им. Карло Бо, Италия), Ш. Кечкемети (Национальная школа хартий, Франция), И. Клоканов (Восточный Вашингтонский ун-т, США), В.П. Козлов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), М. Коул (Калифорнийский ун-т Сан-Диего, США), Е.Е. Кравцова, д-р психол. н., проф. (РГГУ), М. Крэмер (Гарвардский ун-т, США), А.П. Логунов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Д. Ломар (Ун-т Кёльна, Германия), Б. Луайер (Французский ин-т геополитики, Ун-т Париж-ВШ, Франция), В.И. Молчанов, д-р филос. н., проф. (РГГУ), В.Н. Незамайкин, д-р экон. н., проф. (Финансовый ун-т при Правительстве РФ), П. Новак (Белостокский гос. ун-т, Польша), Ю.С. Пивоваров, акад. РАН, д-р полит. н., проф. (ИНИОН РАН), С. Рапич (Ун-т Вупперталя, Германия), М. Сасаки (Ун-т Чуо, Япония), И.С. Смирнов, канд. филол. н. (РГГУ), В.А. Тишков, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИЭА РАН), Ж.Т. Тощенко, чл.-кор. РАН, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Д. Фоглсонг (Раттерский ун-т, США), И. Фолтыс (Опольский политехнический ун-т, Польша), Т.И. Хорхордина, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.О. Чубарьян, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), Т.А. Шаклеина, д-р полит. н., канд. ист. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), П.П. Шкаренков, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Серия «Документоведение и архивоведение. Информатика.
Защита информации и информационная безопасность»

Редакционная коллегия серии

Т.И. Хорхордина, гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е.П. Мальшева, зам. гл. ред., канд. ист. н., доц. (РГГУ), А.С. Сенин, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.А. Рогонов, зам. гл. ред., канд. техн. н., доц. (РГГУ), Т.Г. Архипова, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.И. Боридько, д-р техн. н., проф. (РГГУ), Ш. Кечкемети (Национальная школа хартий, Франция), В.П. Козлов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Г.Н. Ланской, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.В. Некраха, канд. техн. н., доц. (РГГУ), С.Т. Петров, канд. искусствоведения, доц. (РГГУ), С.П. Расторгуев, д-р техн. н., проф. (РГГУ)

Ответственный за выпуск: Е.С. Герасимова, канд. ист. н. (РГГУ)

СОДЕРЖАНИЕ

Документоведение и архивоведение: история, теория, практика

<i>И.К. Капран</i>	
Нужны ли публикации семейных архивов?	9
<i>Д.И. Раскин</i>	
Архив Министерства народного просвещения (1803–1918): от придатка канцелярии к ученому учреждению	17
<i>Ф.Г. Закирова (Гареева)</i>	
Теоретики и практики архивного дела в дореволюционной России и Башкирском крае	28
<i>С.Г. Гулиева</i>	
Историко-документальное наследие народов Северного Кавказа: собираение и использование в XIX в.	36
<i>Н.Д. Нерозникова</i>	
Из истории становления и развития Национального архива Республики Татарстан в 1928–1938 годы	48
<i>Р.Б. Садькова</i>	
Вклад историка-архивиста Д.Р. Шарафутдинова в развитие архивного дела в Республике Татарстан в конце XX – начале XXI в.	55
<i>И.А. Гордеева, О.В. Заславская</i>	
Хиппи бросают вызов историкам: современные проблемы собирания и публикации документов по истории новых социальных движений	61

Археографические исследования

<i>О.А. Шашкова</i>	
Боевой опыт русской армии: страницы истории военной археографии конца XIX – первой половины XX в. Ч. 2. 1920-е годы	79

В фондах отечественных и зарубежных архивов

А.В. Малиновская

Гордость трех государств: документальное наследие Марка Шагала в России, Белоруссии и Франции 90

Е.В. Карпычева

Документы местных государственных учреждений, обеспечивающих внутреннюю и внешнюю систему отчетности по частной торговле в Тверской губернии (1918–1936 гг.) 102

А.Н. Закатов

Источники по истории православной церкви в архиве Российского императорского дома в изгнании и их введение в научный оборот 111

Информатика

Т.И. Хорхордина

Информационное пространство в трудах болгарского ученого-мыслителя Александры Кумановой 122

А.А. Бастрон, Е.В. Желудева

Медиаконвергенция в СМИ: проблемы и перспективы их решения в журналистском образовании 133

Abstracts 143

Сведения об авторах 149

CONTENTS

Records management and archival studies.

History, theory, procedures

- I. Kapran*
Are the publications of family archives needed? 9
- D. Raskin*
Archive of the Ministry of education (1803–1918). From appendage
to the office towards the establishment of a scientific institute 17
- F. Zakirova (Gareeva)*
Theorists and practicians of archive-keeping
in the pre-revolutionary period in Russia and Bashkir region 28
- S. Guliyeva*
Historical and documentary heritage of peoples
of the Northern Caucasus. Collecting and using the documents
in 19th century 36
- N. Neroznikova*
From the history of formation and development of the National Archive
of the Republic of Tatarstan in 1928–1938 years 48
- R. Sadykova*
The contribution of the historian-archivist D.R. Sharafutdinov
to the development of archives in the Republic of Tatarstan
in the end of 20th – beginning of 21st century 55
- I. Gordeeva, O. Zaslavskaya*
Hippies challenge historians. Issues of collecting
and publishing documents on the history of new social movementes 61

Archeographical research

- O. Shashkova*
Russian army combat experience. Pages of military archeography history
in the late 19th – early 20th century. Part 2. 1920s. 79

In the funds of Russian and foreign archives

A. Malinovskaya

Pride of the three states. Marc Chagall documentary heritage in Russia, Belarus and France 90

E. Karpycheva

Documents of the local public institutions ensuring internal and external systems of the reporting on private trade in the Tverskaya province (1918–1936) 102

A. Zakatov

Sources on the history of the Orthodox Church in the archives of the Russian Imperial House in exile and introducing them into the scientific circulation 111

Computer science

T. Khorkhordina

Information space in the works of Bulgarian scientist and thinker Alexandra Kumanova 122

A. Bastron, E. Zheludeva

Media convergence in the media. Issues and prospects of their solution in journalistic education 133

Abstracts 143

General data about the authors 149

Документоведение и архивоведение: история, теория, практика

И.К. Капран

Нужны ли публикации семейных архивов?

Семейные архивы заслуживают внимания со стороны специалистов, так как содержат не только документальные источники (документы, фото), но и рефлексии людей, которые стали участниками событий в нашей стране. Автор на примере публикации архива своей семьи в виде книги приводит сведения, характеризующие жизнь гражданского населения и солдат во время Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: личные и семейные архивы, исторический источник, доминанты памяти, мемуары, культурное наследие.

Вопрос, вынесенный в заглавие настоящей статьи, могут задать многие люди, в семьях которых сохраняются старые письма, написанные до появления информационных технологий, фотографии и, конечно, эпистолярные документы – дневники и мемуары. В эпоху стремительного развития технологий и гаджетов закрадывается в души сомнение: а так ли важны бумажные свидетельства прошедших эпох? Наш опыт публикации архива своей семьи в виде книги, возможно, поможет сохранить кому-то свой семейный архив. Надо сказать, что типология архивов не включает понятие «семейный архив». На основе закона «Об архивном деле в РФ» выделяют государственные, ведомственные, муниципальные, личные архивы. Под личными архивами понимают архив, принадлежащий отдельному человеку, который содержит его собственные документы, фото, другие информационные ресурсы¹.

Когда личный архив остается на хранение другим членам семьи фондообразователя, то становится уже достоянием семьи. Таким образом, на наш взгляд, возможно предложение термина

«семейный архив». Личные и семейные архивы, как правило, содержат документы по социальной истории общества. Историки, социологи, лингвисты давно обратили внимание на ценность так называемых человеческих документов или «документов жизни»: к ним относятся дневники, мемуары, письма, личные документы, фотографии, оставленные людьми в течение своей жизни².

Крупнейшим архивом, хранящим подобные источники, является Российский государственный архив социально-политической истории. В 1988 г. по инициативе преподавателей и студентов Московского государственного историко-архивного института был создан Центр документации «Народный архив», с 2006 г. его фонды были переданы в Российский государственный архив новейшей истории³. С документами «Народного архива» работала известная российская философ и социолог, д-р философских наук Н.Н. Козлова (1946–2002)⁴. В своей книге «Советские люди. Сцены из истории» она определяет подходы к изучению «человеческих документов»⁵. По мнению Н.Н. Козловой, в гуманитарных науках часто используется антропологический подход к анализу такого рода документов, который предполагает рассмотрение человека вместе со своим жизненным миром в контексте конкретных форм бытия. Именно письменный текст фиксирует доминанты памяти человека и в процессе его написания формируется индивидуальный стиль и «Я – идентичность» самого автора⁶. Мемуары, в отличие от других письменных источников, отличает дистанция во времени и пространстве, позволяющая автору размышлять над описываемыми событиями, давать им оценку. Иногда автор может субъективно оценивать определенные события, и исследователь, как правило, использует дополнительные источники для реконструкции событий. Опираясь на историко-типологический метод и используя конкретные сведения из мемуаров, исследователь может конструировать определенные периоды социальной реальности. Значение личных и семейных архивов в сохранении исторической памяти год от года возрастает, так как иногда в них хранятся уникальные документы и свидетельства исторических событий нашей Родины.

В нашей семье фондообразователем личного архива был мой отец – Константин Степанович Алюшин. Он родился в 1926 г. в с. Боброво Курской области, расположенном недалеко от г. Рыльска. Когда началась война, ему только что исполнилось 15 лет. В семье было семеро детей. С началом войны он оказался самым старшим ребенком в семье, потому что его отец и старший брат Алексей ушли на фронт, а старшая сестра Клава была угнана в Германию на работы. Вместе с мамой и младшими братьями и сестрами он ока-

зался на оккупированной немцами территории с сентября 1941 г. по сентябрь 1943 г. После освобождения территории Курской области от немцев он закончил в 1944 г. школу младших сержантов в г. Борисоглебске и был направлен на фронт в район реки Неман, недалеко от г. Вильнюса. В звании младшего сержанта отец начал свой боевой путь во втором стрелковом батальоне 707-го стрелкового полка 215-й Краснознаменной Смоленской дивизии 5-й армии в составе частей 3-го Белорусского фронта⁷.

Отец стал командиром отделения разведки. В составе своей части он участвовал в сражениях за Вильнюс, Кёнигсберг, боях на территории Восточной Пруссии, затем участвовал в войне с милитаристской Японией, освобождал от японцев китайские города Мулин, Муданьцзян, Дунин, Дзяхохе. После победы над Японией отец продолжал служить в п. Краскино, а в 1949 г. демобилизовался в звании капитана. За время войны был награжден орденом Славы 3-й степени, медалями «За отвагу», «За взятие Кёнигсберга», «За победу над Германией», «За победу над Японией». В мирное время он окончил вечернюю среднюю школу, затем получил высшее образование в Краевой высшей партийной школе при ЦК КПСС и работал в партийных и советских органах власти в Хасанском и Кировском районах Приморского края. Создал семью, в которой родились три дочери. В 1970–1980-е гг. работал первым помощником капитана на судах Владивостокской базы тралового и рефрижераторного флота (ВБТРФ), Востокрыбхолодфлота (ВРХФ), а после выхода на пенсию – в ОАО «Дальпресс».

После ухода отца из жизни в 2011 г. на семейном совете решили часть его архива издать в виде книги для членов нашей семьи, что особенно важно для ее молодого поколения. Книгу легче читать и сразу воспринимать текст и фотографии, чем рассматривать и осмысливать отдельные документы.

Архив отца включал: рукописи воспоминаний, личные документы (удостоверения, справки, характеристики, почетные грамоты и др.), письма, дневники, фотографии. В книгу решено было включить воспоминания за период участия отца в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.) и послевоенный период (1945–1960-е гг.). Большое внимание пришлось уделить рукописям воспоминаний. Они были написаны в 1976–1978 гг. и представляли собой отдельные рассказы. Отец не был профессиональным литератором, поэтому сложно было редактировать текст и максимально сохранить стиль и манеру письма, а также приметы ушедшего времени, которым уже нельзя найти аналогов в современной жизни. Важнее всего было передать не только

биографические факты, но и переживания, отношение героя к описываемым событиям. В работе с текстами принимала участие студентка 2008–2013 гг. обучения по специальности «издательское дело» Анастасия Малышенкова, ей принадлежит и дизайн обложки. Большую помощь оказала профессиональный редактор Л.М. Смирнова. В книгу «Пусть помнят: Из семейного архива» вошли около 70 фотографий и копий документов, дополняющих повествование.

Первый рассказ «Оккупация» (с. 5) описывает события, которые произошли более 30 лет назад, но несмотря на это чувства, испытанные в то время, автор смог передать. В рассказе отец вспоминал, как отступали части нашей армии, как однажды пришел к ним сбежавший из лагеря советский военнопленный, и они его месяц выхаживали. Немцы выгнали их из дома, и они жили в сарае, где зимой было очень холодно. Днем всех подростков гоняли на работу рыть окопы. Несколько раз отца могли угнать в Германию – летом 1942 г. и весной 1943 г., но ему посчастливилось избежать этого (с. 12). Однажды он сбежал уже с перрона вокзала, долго скрывался, а потом отработывал свой побег на работах. За любую провинность его били и могли расстрелять, о чем не раз предупреждали полицаи. Спасала его от наказания немцев мама, она договаривалась с немцами и полицаями, отдавала им продукты, деньги, вещи. Полицаями стали несколько односельчан и проявляли изощренную жестокость. На глазах жителей села были казнены председатель колхоза Н.Т. Нелекаев, партизан Седых (Лысых) (фамилия указана неточно) (с. 19). Ярким эпизодом становится описание пребывания подростков, собранных по окрестным деревням, в лагере военнопленных, с которыми они вместе работали. На обед военнопленным варили похлебку, больше похожую на помой, но они ее жадно ели в отличие от сельских ребят (с. 12). Психологическое состояние людей в оккупации характеризует фраза: «Казалось, что врагами занята вся земля и не будет этому конца. Повсюду, куда бы ты ни пошел, везде маячили немцы, командуя и распоряжаясь. Ох, как тяжело быть притесненным!..» (с. 9). Немцы отбирали у селян скот, насиловали женщин, жестоко относились к гражданскому населению. Не раз пришлось испытать отцу удары плетью и прикладом. Освобождение от оккупантов было радостным событием и в то же время началом фронтовой биографии отца.

Этому периоду посвящен рассказ «Записки советского солдата», состоящий из двух частей – «Западный фронт» и «Восточный фронт». После окончания школы младших сержантов в г. Борисо-

глубе все курсантов отправили в район реки Неман, недалеко от г. Вильнюса. Отец командовал отделением разведки, которое выполняло приказы командования полка. Они узнавали число солдат противника, количество техники и оружия, захватывали «языков» – немецких офицеров. Когда читаешь строки воспоминаний, будто сам оказываешься в том времени и с нашими войсками: то наступаешь, то отступаешь, то находишься в длительной обороне. В этих рассказах переданы тяжелые солдатские будни. Холод, голод, постоянный страх смерти и чувство мщения. Вот характерное описание ночной бомбежки:

«От бомбежки в судорогах вздрагивает земля, а мы спим, глаза открываются и закрываются, успеваем в полусне разглядеть, как лучи прожекторов раскалывают небо, скреживаясь, как кинжалы. Лаяли зенитки, сверкали всполохи разрывов, огненные стрелы “дырявили” звездное небо. Эта ночь на всю жизнь осталась в памяти. Она казалась вечностью. Смерть парила над нами, как летучая мышь, но сон брал свое» (с. 25).

В повествовании упоминаются фамилии командиров, яркие эпизоды боев, марш-бросков, трагические и радостные события. Так, в одном из боев при наступлении разведчики обнаружили труп нашего солдата, которого пытали фашисты, подвешивая над костром. «У него обуглился бок, были видны внутренности. Во время наступления, видимо, он попал в плен. Парень был крепкого телосложения, молодых лет, рыжеватые волосы. Произшедшее было еще одним доказательством тех зверств, которые чинили фашисты на нашей земле. Это возбудило во мне злобу и ярость. Хотелось мстить за товарища, идти вперед и вперед до полной победы!» (с. 29).

В сентябре 1944 г. при форсировании реки Шушупы в Восточной Пруссии погиб двоюродный брат отца, Василий. Они вместе прибыли на фронт и воевали в соседних подразделениях. Василию едва исполнилось восемнадцать лет. Отец так описывает это событие:

Я дал себе обещание отомстить за смерть брата Василия и всех людей, угнетаемых в годы фашистской оккупации, за слезы стариков и детей. Я был уверен, что не погибну, пока не выполню своего обещания. Моя уверенность приободрила меня и придала мне силы (с. 36).

Немногословно, но красочно описаны бои за города Пелькален, Инстербург, Кройсбург, Кенигсберг, Пилау. И в то же время в тексте присутствует описание солдатского быта.

Кормили нас в основном перловкой, солдаты называли ее «кирзухой». Разнообразить меню помогали артиллерийские кони. Бойцы, забив их, варили из мяса суп. И горячая мясная еда придавала силы. Хлеб в дождливую погоду был раскисшим, а в заморозки таким мерзлым, что приходилось штыком его раскалывать и так есть. Вместо котелков использовали каски, они были больше. Иногда, вытащив «внутренность» каски, поешь и первое, и второе, попьешь чай, а потом вставишь все на место и опять наденешь каску на голову (с. 38).

В одном из поселков недалеко от порта Пилау оказались советские военнопленные. «Многие из них попали в плен еще в первые годы войны. Они сохранили свои шинели и пилотки. Шинели обветшали настолько, что были короткими, как пиджаки. И в сплошных дырках. Всех пленных проверяли опергруппы на скорую руку и посылали в части. Второй многолюдной группой были подростки, угнанные на работу в Германию. Среди них встречались молодые девушки с младенцами на руках» (с. 41). Здесь же автор выражает свое отношение к этим людям:

Никогда у меня не возникало к ним чувство презрения, потому что многие попадали в такую обстановку, когда были вынуждены подчиниться обстоятельствам, склонить голову перед врагом, в душе храня надежду на освобождение (с. 41).

В рассказе «Восточный фронт» описывается наступление советских войск в районе Большого Хингана в августе 1945 г. Упомянутся ожесточенные бои за город Мулин, в которых участвовала артиллерия и авиация, но все же полк понес большие потери.

Среди горожан, встречавших солдат-освободителей, были и русские эмигранты. В разговорах с солдатами они интересовались возможностью возвращения в Советский Союз (с. 47).

До мая 1946 г. 707-й полк дислоцировался на станции Дзяохэ, где выполнял обязанности комендатуры и помогал налаживать мирную жизнь. Очень красочно в мемуарах описывается повседневная жизнь китайского населения. Удивляет, что, несмотря на многолетнюю временную дистанцию, память отца сохранила интересные подробности жизни китайцев. Упомянется, например, что очень вкусными показались солдатам китайские блюда, несмотря на непривычные специи. На базаре нужно было торговаться, и часто товар можно было купить за полцены. Советских солдат, в прошлом сельских жителей, «поражало трудолюбие китайских

крестьян на рисовых полях. Они работали от зари до зари, не разгибая спин. <...> Китайцы рис высаживали рассадой, сжинали его серпами, а обмолачивали каменными жерновами с помощью быков. <...> Китайцы отменные портные и башмачники, хорошие фотографы, часовые мастера, продавцы и кулинары. В небольшом ларечке зимой можно было купить помидоры, огурцы и тут же выращенный зеленый лук и укроп...» (с. 48). Присутствует в тексте и описание ритуала погребения:

Одни хоронят умерших рядом с фанзой и носят им пищу в могильники, выложенные из глины. Другие в вырубленных из бруса крашенных гробах вывозят усопших в поле и ставят на холм. Часто весной эти гробы смывал паводок, и они плыли по реке (с. 48).

Зимой и весной 1946 г. на охраняемые советскими военными объекты нападали хунхузы, и полк участвовал в ликвидации этих банд в совместных рейдах с частями китайской армии. В мае 1946 г. население провожало 707-й полк на городской площади Дзяохэ. «Огромные колонны войск со знаменами, горожане с флагами и транспарантами, школьники с бесчисленным количеством флажков проходят мимо трибуны, рукоплещут» (с. 49). На митинге, в котором участвовали представители китайских и советских войск, общественность, школьники, звучали речи на китайском и русском языках. «Выступающие клялись в вечной верности и дружбе, любви и уважении между двумя странами, обещали помогать друг другу в борьбе против капитализма, в строительстве социалистического общества» (с. 49). После митинга под звуки полкового оркестра полк погрузился в вагоны и отбыл на станцию Хунчунь, а затем разместился в поселке Краскино.

Таким образом, систематизируя наш семейный архив, проводя анализ текста воспоминаний, мы получили возможность понять этапы формирования личности отца, осознать степень его участия в истории страны. На наш взгляд, публикация воспоминаний и материалов личного (семейного) архива, сохраняет не только доминанты памяти человека, но и делает доступными документальные источники, которые можно использовать в научных исследованиях. Мы планируем продолжить изучать историю нашей семьи и первая наша публикация семейного архива дает возможность сохранения и передачи молодому поколению необходимой информации для преемственности семейных и культурных традиций, что, в свою очередь, способствует воспитанию патриотизма и любви к своей стране.

-
- ¹ Федеральный закон от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации». [Электронный ресурс] URL: <http://archives.ru/documents/fz/zakon-archivnoe-delo.shtml> (дата обращения: 09.10.2015).
 - ² *Козлова Н.Н.* Советские люди. Сцены из истории. М.: Европа, 2005. С. 24.
 - ³ Центр документации «Народный архив» (ЦДНА). [Электронный ресурс] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9D%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%B0%D1%80%D1%85%D0%B8%D0%B2 (дата обращения: 09.10.2015).
 - ⁴ *Козлова Н.Н.* Указ. соч. С. 34.
 - ⁵ Там же.
 - ⁶ *Элиас Н.* Общество индивидов. М.: Праксис, 2001. С. 256.
 - ⁷ *Алюшин К.С.* Пусть помнят: Из семейного архива. Владивосток: Дальневост. фед. ун-т, 2014. С. 26 (далее ссылки на это издание даны в тексте в скобках).

Д.И. Раскин

Архив Министерства
народного просвещения (1803–1918):
от придатка канцелярии к ученому учреждению

В статье рассматривается история формирования и деятельности одного из интереснейших ведомственных архивов России XIX в. – Архива Министерства народного просвещения. Автор показывает, как на протяжении XIX в. архив превращался из плохо организованного хранилища бумаг в один из лучших по организации хранения, описания и использования архивов страны. В работе показана роль отдельных архивистов в организации работы архива, а также их роль в организации и проведении архивной реформы 1918 г.

Ключевые слова: архив, Министерство народного просвещения, министерская реформа, очерк по истории министерства, Н.П. Барсуков, А.С. Николаев.

Среди ведомственных архивов высших и центральных учреждений Российской империи, наряду с так называемыми историческими, выделяются те, которые к 1918 г. успели подвергнуться централизации, находились в наиболее благоустроенном состоянии и проводили работу по изданию хранившихся в них документов, а также описей и иных архивных справочников. В этом ряду не последнее место по праву принадлежит Архиву Министерства народного просвещения. В судьбе этого архива отразились типичные закономерности развития крупнейших ведомственных архивов дореволюционной России.

Между тем предметом специального исследования история Архива Министерства народного просвещения до сих пор не была.

Своим появлением этот архив обязан министерской реформе 1802 г.

В Министерстве народного просвещения (в отличие от других министерств) с самого начала имелся один архив. Это было связано с наличием в составе министерства единственного департамента – Департамента народного просвещения, в составе которого 7 января 1803 г. и был создан архив.

Архив Департамента народного просвещения начал свою деятельность в 1803 г. Первый архивариус Н.А. Радищев был назначен 24 марта 1803 г.¹ Но его деятельность в архиве была недолгой и заметных следов не оставила. Уже в 1806 г. Николай Александрович Радищев покинул департамент, чтобы записаться в милицию Калужской губернии². Сменивший его Петр Францевич Балеман³ также не отличился на этом посту особыми успехами. Характерно, что в фонде Архива МНП самые ранние документы относятся к 1827 г.⁴ Хотя к концу 1820-х годов в архиве накопилось уже немало дел, как самого Департамента народного просвещения, так и Комиссии об учреждении народных училищ (1782–1803) и Главного правления училищ (ок. 10 тыс. дел), они находились в неупорядоченном состоянии, обычный делопроизводственный справочный аппарат отсутствовал⁵. Причины этого крылись не только и не столько в нерадении служащих архива, сколько, видимо, в малой востребованности его материалов в деятельности департамента и министерства в целом. Во всяком случае, маргинальное положение архива в структуре Департамента народного просвещения в первые два десятилетия его существования заметно.

Если так называемые исторические архивы (и их предшественники) в течение первых десятилетий были все менее и менее востребованы в качестве источника справок (как по запросам правительственных учреждений, так и, в особенности, отдельных лиц) и все больше и больше приобретали значение источника исторических исследований, то для текущих архивов новых высших (Комитет министров, Государственный совет) и центральных государственных учреждений, по мере роста количества завершенных производством дел, все более и более становилась актуальной справочная работа по запросам самих этих учреждений и частных лиц. Все эти архивы, с той или иной степенью успеха, подвергались упорядочению. Создание необходимых условий хранения и изготовление всевозможных описей и алфавитов, позволявших оперативно разыскивать нужные дела и наводить справки, было общей задачей для этих архивов. Этап упорядочения и обеспечения необходимых условий для эффективной справочной работы стал важным этапом в истории развития этих архивов. В большинстве ведомств этому этапу сопутствовала централизация⁶.

Начавшаяся с конца XIX – начала XX в. научно-публикаторская деятельность многих из этих архивов была бы невозможна без этого предшествующего этапа.

В Архиве Министерства народного просвещения (тогда еще – Департамента народного просвещения) этот этап был связан с многолетней (с 26 сентября 1829 г. по 9 ноября 1863 г.⁷) деятельностью начальника архива Василия Петровича Петрова. Его биография во многом типична для архивариусов того времени.

Судя по формулярному списку, происхождения он был разночинного (в прямом и первоначальном смысле этого слова) – «из лекарских учеников». Никакого казенного учебного заведения не окончил. В 1813 г., 18 лет от роду, поступил на службу в Тамбовское губернское правление (в чине губернского регистратора). Перевелся в Тамбовскую казенную палату, затем – в Орловское губернское правление, потом – в Орловский совестный суд. В 1822 г. получил первый классный чин. В 1825 г. перебрался в Петербург, служил в Департаменте горных и соляных дел, с 1827 г. исполнял должность секретаря правления Санкт-Петербургского университета (числясь «старшим письмоводителем при попечителе Санкт-Петербургского учебного округа»)⁸. В 1828 г. он получил чин титулярного советника – максимально возможный в то время для человека с его образовательным цензом. 26 сентября 1829 г. В.П. Петров занял должность начальника Архива Департамента народного просвещения⁹.

К 1834 г. в Архиве Департамента народного просвещения хранилось уже 45 837 дел, книг, планов и т. п. В этом году в архив поступило 8295 новых единиц хранения. В своем отчете В.П. Петров указывал, что все принятые дела размещены по картонам, проставлены номера и на хранящиеся в архиве дела составлены алфавиты. «И вообще архив в устройстве своем, – писал В.П. Петров в своем отчете, – усовершенствован так, что всякую справку удовлетворить можно почти в минуту и дело приискать в несколько секунд»¹⁰.

Хотя такая оценка результатов собственной деятельности (неоднократно повторявшаяся в отчетах В.П. Петрова) может показаться преувеличенной, едва ли она могла кардинально расходиться с действительностью без заметных отрицательных последствий для ее автора.

Составлявшиеся в наиболее благоустроенных ведомственных архивах описи и алфавиты в целом обеспечивали нахождение нужных дел. Особенные надежды (и не без оснований) архивисты того времени возлагали на алфавиты. Алфавиты в российских архивах XIX – начала XX в. были таким же показателем наличия в этих

архивах эффективных поисковых средств, как в настоящее время электронные каталоги и базы данных.

Работа по созданию новых описей и алфавитов (по мере поступления новых дел) велась в Архиве Департамента народного просвещения постоянно.

Наведенный в Архиве Департамента народного просвещения порядок позволил в последующие десятилетия успешно снабжать справками как центральные учреждения Министерства народного просвещения, так и частных лиц, обращавшихся то за подтверждением полученного образования, то за доказательством служебного стажа и т. д. Особенно много таких запросов поступало из Западных губерний (например, в связи с упразднением ряда учебных заведений Виленского учебного округа).

Как и во всех ведомственных архивах действующих учреждений, большую проблему составляло ежегодное поступление массы новых дел – до 15–20% от общего числа хранящихся в архиве. Как писал 18 июля 1835 г. В.П. Петров, «из числа хранящихся в оном дел и бумаг» необходимо выделить для уничтожения «такие, кои ни к каким сведениям и справкам не служат и находятся в оном без всякой надобности и пользы»¹¹. Эта работа также занимала значительное место в деятельности архива.

В 1862 г. В.П. Петров сообщал министру народного просвещения (А.В. Головнину), что в архиве хранятся дела с 1782 г., в том числе материалы Комиссии об учреждении училищ, Главного управления училищ, бывшей Канцелярии министра народного просвещения, Комитета устройства учебных заведений, Царскосельского лицея, упраздненных Виленского университета и Виленской медико-хирургической академии. Всего на 27 сентября 1862 г. в архиве хранилось 140 350 дел, хотя более 100 тыс. дел было уничтожено. Но, как писал Петров в своем отчете, «архив устроен мною, могу сказать, так отлично, что все требования и справки удовлетворяются немедленно». Ко всем делам имелись описи (в трех экземплярах, а для делопроизводства Департамента народного просвещения изготовлен 4-й экземпляр), были составлены алфавиты (черновые и беловые)¹².

А.В. Головнин, будучи до своего назначения в Министерство народного просвещения секретарем вел. кн. Константина Николаевича, главы Морского ведомства, приказал в феврале 1862 г. отпечатать все описи Архива Департамента народного просвещения и при этом «сообразить, как поступлено в сем случае в Морском ведомстве». В.П. Петров докладывал, что это распоряжение исполнить затруднительно¹³, так как предстоит большая работа по раз-

делению поступивших в архив дел на три разряда в соответствии с Правилами о хранении и уничтожении решенных дел по Министерству народного просвещения¹⁴.

18 июня 1863 г. архив был переименован в Архив Министерства народного просвещения.

В том же году В.П. Петрова (дослужившегося до коллежского советника) сменил Дмитрий Иванович Ошemetков¹⁵. Это был также типичный (к этому времени уже довольно престарелый) чиновник, правда, с несколько более благоприятной стартовой позицией. Сын коллежского советника (у родителей имелось 140 душ в Новгородской губ.) он в 1831 г. (18 лет от роду) окончил Санкт-Петербургское высшее училище и был определен на службу в Департамент внешней торговли Министерства финансов. В том же году получил первый классный чин, а в 1834 г. перевелся на службу (помощником столоначальника) в Департамент народного просвещения, где и прослужил всю оставшуюся жизнь¹⁶. Деятельность Д.И. Ошemetкова в основном продолжала то, что было начато при его предшественнике. В частности, в 1864 г. было разобрано 38 706 дел, в 1865 – 7629, при этом выделено к уничтожению 41 056 единиц хранения. На начало 1869 г. в архиве хранилось около 127 тыс. дел, из которых 74 761 дело было «рассмотрено», причем 51 057 дел уничтожено, а 23 704 дела оставлены для хранения. К 1870 г. из 101 460 дел было уничтожено 65 072, а 36 388 оставлено для хранения¹⁷.

До 1863 г. все дела по Департаменту народного просвещения распределялись по отделениям в зависимости от учебного округа. В связи с введенным 10 сентября 1863 г. функциональным разделением делопроизводства Департамента народного просвещения по разрядам (по личному составу, по высшим учебным заведениям, по средним учебным заведениям и т. д.)¹⁸ архиву пришлось проделать большую работу по распределению хранящихся в нем дел в соответствии с новой структурой департамента¹⁹.

В дальнейшем количество хранящихся в Архиве МНП дел постоянно колебалось. Большие объемы выделяемых к уничтожению дел компенсировались потоком новых поступлений. На 1 января 1882 г. в архиве числилось 64 313 дел²⁰, но уже к 1 января 1883 г. это число увеличилось до 73 309²¹, к 1 января 1886 г. – до 77 313²², к 1 января 1887 г. – до 80 779²³, ровно через 10 лет – до 92 271²⁴, на 1 января 1900 г. – 95 981²⁵ и т. д. На 1 января 1907 г. в архиве хранилось 104 143 дела²⁶.

Выделенные к уничтожению дела первоначально (как и в других ведомственных архивах Российской империи) продавались с публичного торга, а в XX в. измельчались в двухмиллиметровые

полоски при помощи специальной машины, принадлежавшей Комитету для усиления средств Елизаветинской общины сестер милосердия Российского общества Красного Креста²⁷.

В 1880 г. Д.И. Ошеметкова сменил Николай Иванович Разумихин²⁸, но его деятельность на посту начальника архива была недолгой и особых следов не оставила.

И руководство Министерства народного просвещения, и ученый мир все больше проникались мыслью, что архив министерства должен служить не только для справок, но и для изучения истории российского просвещения. Поэтому неслучайно 10 января 1883 г. начальником Архива министерства народного просвещения был назначен Николай Платонович Барсуков, получивший (после окончания кадетского корпуса) образование в Петербургском университете (где в 1859–1861 гг. состоял вольнослушателем) – известный историк и археограф, имеющий также значительный опыт архивной работы. До перевода в Архив Министерства народного просвещения он 15 лет прослужил помощником начальника Архива Святейшего Синода, где активно участвовал в подготовке к изданию «Описания документов и дел, хранящихся в Архиве Святейшего Правительствующего Синода»²⁹.

После смерти Н.П. Барсукова начальником архива стал Константин Адамович Военский (де Брезе), выпускник Александровского лицея, видный историк Отечественной войны 1812 г. и археограф.

Новые возможности и новые задачи крупнейших архивов дореволюционной России потребовали новых людей во главе этих архивов. Петровых и Ошеметковых сменили Барсуковы, Военские, Здравомысловы, Блиновы, Шафрановы. Изменился и облик сотрудников этих архивов. Среди них стали преобладать выпускники университетов и Петербургского и Московского Археологических институтов.

В конце XIX в. Архив Министерства народного просвещения стал доступен для исследователей. По данным на 1897 г., получили разрешение для работы в архиве 5 человек и продолжали исследования 6, в 1899 г. получили разрешение 8 и продолжали исследования 46 человек, в 1902 г. соответственно 12 и 44, в 1903 г. вновь допущены 12 и продолжали занятия 5 человек³⁰ и т. д. Среди лиц, допущенных к исследованиям в архиве, были как известные историки, так и студенты. По сегодняшним меркам число исследователей, работавших в Архиве Министерства народного просвещения, можно считать небольшим и при этом не очень стабильным, но для ведомственного архива конца XIX – начала XX в. оно достаточно внушительно.

Несомненным признанием выдающегося места, которое Архив Министерства народного просвещения занимал среди других ведомственных архивов Российской империи, стал факт обращения 7 января 1895 г. Министерства иностранных дел к министру народного просвещения в связи с письмом итальянского посла в России. В Риме была учреждена комиссия для пересмотра положений, касающихся архивов. Желая использовать международный опыт, эта комиссия через итальянских дипломатов обратилась к правительствам ряда стран с просьбой предоставить тексты «законоположений, касающихся архивов в центральных и низших учреждениях»³¹. МИД просил об этом именно Министерство народного просвещения, хотя в принципе «законоположения» (в том числе и об архивном деле) находились в компетенции скорее Министерства юстиции, а в ведении самого МИД были такие архивы, как Московский главный архив МИД и Государственный и Санкт-Петербургский Главный архивы МИД. Здесь, возможно, сыграло роль то обстоятельство, что знаменитая Временная комиссия об устройстве архивов под председательством Н.В. Калачова (1873–1880) состояла при Министерстве народного просвещения.

Важным шагом на пути превращения Архива Министерства народного просвещения из хранилища и аппарата для получения служебных справок в источник исторических исследований и отчасти в научно-исследовательское учреждение стала подготовка юбилейного очерка по истории министерства к 200-летию министерств в России³². Написание очерка было поручено состоявшему на службе в Министерстве народного просвещения и одновременно приват-доценту Санкт-Петербургского университета С.В. Рождественскому. Он был допущен для научных занятий к материалам архива министерства. В подготовке юбилейного очерка, а также других изданий, например, сборника материалов для истории просвещения в России³³, участвовали начальник архива Н.П. Барсуков и его помощник А.С. Раевский³⁴.

На основе хранящихся в архиве материалов были изданы сборники постановлений и распоряжений по Министерству народного просвещения³⁵, обзор деятельности ведомства народного просвещения за время царствования Александра I³⁶. Начата была подготовка к изданию и описания архива, два тома которого успели выйти в свет³⁷.

В разное время при архиве действовали: Комиссия, учрежденная в 1893 г., для разбора и уничтожения дел Инспекторского разряда и Разряда средних учебных заведений Департамента народного просвещения за 1863–1880 гг., Комиссия по отбору для уничтоже-

ния архивных дел (1905–1909), Комиссия по научному описанию Архива Министерства народного просвещения под руководством С.Ф. Платонова (с 3 марта 1915 по 30 октября 1918 г.)³⁸.

С 1916 г. начальником Архива Министерства народного просвещения стал А.С. Николаев³⁹, выпускник Петербургского университета, ранее бывший помощником начальника архива и принимавший участие в научно-издательских работах архива.

5 августа 1917 г. был поставлен вопрос о расширении помещений Министерства народного просвещения (прежде всего, архива) за счет здания, принадлежавшего ранее принцу Ольденбургскому (угол набережной Невы и Лебяжьей канавки, бывший дом И.И. Бецкого, ныне Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств). В работах по приемке здания участвовали начальник Архива МНП А.С. Николаев, его помощник В.В. Снегирев и сотрудницы архива Л.И. Полянская (до 1958 г. бывшая сотрудником ЦГИАЛ), Е.Н. Валк (сестра известного историка) и др.⁴⁰ Но из-за революционных событий 1917 г. переезд архива в это здание так и не состоялся. В 1926 г. материалы Архива МНП были перемещены (под наблюдением А.С. Николаева) в здание бывшего Синода⁴¹.

После архивной реформы 1918 г. А.С. Николаев возглавил IV секцию ЕГАФ в Петрограде. Его деятельность (как и деятельность других сотрудников Архива МНП) в послереволюционный период достаточно освещена в литературе⁴².

Таким образом, Архив Министерства народного просвещения за 115 лет своего существования поделал путь от неупорядоченного собрания бумаг при канцелярии министерского департамента до хорошо организованного архива, служившего базой для исторических исследований и самого осуществлявшего научную и публикаторскую работу. Необходимым этапом на этом пути было приведение архива в надлежащий канцелярский порядок, создание необходимого регистрационно-справочного аппарата и установление несовершенной, но более или менее последовательной системы отбора на постоянное хранение наиболее ценных дел. Поэтому, наряду с несомненными заслугами таких выдающихся историков, археологов и архивистов, как Н.П. Барсуков, К.А. Венский, А.С. Николаев, необходимо отметить и труды их гораздо более скромных предшественников, чиновников-архивариусов.

Более того, представляется, что оценка, данная этим предшественникам А.С. Николаевым⁴³, излишне категорична и реалиям Архива Министерства народного просвещения не соответствовала.

- ¹ Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917: В 4 т. Т. 3: Центральные государственные учреждения / Отв. ред. и отв. сост. Д.И. Раскин. СПб.: Наука, 2002. С. 122, 133.
- ² Русский биографический словарь: В 25 т. Т. 21. СПб., 1901. С. 389.
- ³ Высшие и центральные государственные учреждения России... Т. 3. С. 134.
- ⁴ Российский государственный исторический архив: Путеводитель: В 4 т. 2-е изд., испр. и доп. Т. 2: Фонды центральных государственных учреждений / Под ред. Д.И. Раскина и А.Р. Соколова; Отв. сост. Д.И. Раскин. СПб.: Лики России, 2013. С. 428–429.
- ⁵ РГИА. Ф. 745. Оп. 1. Д. 136. Л. 23–24 об.
- ⁶ Кроме Министерства народного просвещения, такая централизация была осуществлена в Морском министерстве, Государственном контроле, Министерстве государственных имуществ, МВД, Министерстве императорского двора, а также в Министерстве юстиции.
- ⁷ Высшие и центральные государственные учреждения России... Т. 3. С. 134.
- ⁸ К.А. Ильина и Е.А. Вишленкова справедливо указывают на то, что в дневнике А.В. Никитенко (в записи от 15 октября 1827 г.) дается не очень лестная характеристика В.П. Петрова, обозначенного в дневнике как «правитель канцелярии попечителя» (*Ильина К.А., Вишленкова Е.А.* Архивариус: хранитель и создатель университетской памяти // Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов / Под общ. ред. Е.А. Вишленковой и И.М. Савельевой. М.: ИД НИУ ВШЭ, 2013. С. 338). Внешние признаки (в том числе некоторые подробности служебной биографии) действительно указывают на В.П. Петрова. Но хотя некоторая склонность к подчеркиванию своих заслуг видна и в официальных отчетах Петрова, нельзя исключить, что характеристика А.В. Никитенко достаточно субъективна. Впрочем, то, что В.П. Петров «практикою набил руку в канцелярских делах», признавал и Никитенко.
- ⁹ РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1836 г. Д. 22. Л. 338–347.
- ¹⁰ Там же. Ф. 745. Оп. 1. Д. 112. Л. 1. Здесь и далее все подчеркивания и выделения воспроизводят подлинник.
- ¹¹ Там же. Л. 25.
- ¹² Там же. Д. 136. Л. 23–24 об.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ В соответствии с этими правилами дела 1-го разряда («срочные ведомости, кои по получении новых ведомостей окажутся уже излишними, также все вообще дела, не заключающие в себе никакой важности в служебном, административном и историческом отношениях, а равно и такие, в которых не может встретиться надобности») подлежали уничтожению по поступлению в архив, 2-го разряда (дела по временной отчетности, командировкам, претензиям, взысканиям, назначению пенсий и пособий, внутреннему управлению, хозяйственной части и

- движению сумм) – оставлялись на хранение на срок, определенный «начальством, которое заведует ими», а 3-го разряда – предназначались для постоянного (вечного) хранения. 2ПСЗ. Т. 36. № 37503. 19.10.1861.
- ¹⁵ Высшие и центральные государственные учреждения России... Т. 3. С. 133–134.
- ¹⁶ РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 1644. Л. 125–129.
- ¹⁷ Там же. Ф. 745. Оп. 1. Д. 32. Л. 1–5, 22.
- ¹⁸ Высшие и центральные государственные учреждения России... Т. 3. С. 122–123.
- ¹⁹ РГИА. Ф. 745. Оп. 1. Д. 32. Л. 45. К.А. Ильина и Е.А. Вишленкова ошибочно полагают, что в результате этой работы «часть типовых документов была рассредоточена по разным фондам» и даже объединена в «тематические коллекции» (Ильина К.А., Вишленкова Е.А. Указ. соч. С. 341–342). Между тем фонд оставался один – Департамента народного просвещения, а описи в основном соответствовали структуре фондообразователя (до 1863 г. – по учебным округам, после – по делопроизводственным разрядам). Некоторые отступления от этого были вызваны практическими соображениями и в целом принципа происхождения не нарушали.
- ²⁰ РГИА. Ф. 745. Оп. 1. Д. 32. Л. 54.
- ²¹ Там же. Л. 56.
- ²² Там же. Л. 59, 61.
- ²³ Там же. Л. 63.
- ²⁴ Там же. Л. 82.
- ²⁵ Там же. Л. 166.
- ²⁶ Там же. Ф. 745. Оп. 1. Д. 98. Л. 2.
- ²⁷ Там же. Л. 22–23.
- ²⁸ Высшие и центральные государственные учреждения России... Т. 3. С. 134.
- ²⁹ *Осват А.Л.* Барсуков Николай Платонович // Русские писатели: 1800–1917. Биографический словарь. Т. 1 / Гл. ред. П.А. Николаев. М.: Сов. энциклопедия, 1989. С. 164–165.
- ³⁰ РГИА. Ф. 745. Оп. 1. Д. 23. Л. 84 об., 98, 140 об.–141, 144–144 об.
- ³¹ Там же. Д. 30. Л. 83–83 об.
- ³² *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения: 1802–1902. СПб.: Изд-во Мин-ва народного просв., 1902.
- ³³ *Корнилов И.П.* Сборник материалов для истории просвещения в России, извлеченных из Архива Министерства народного просвещения. Т. 1–3. СПб., 1893–1898.
- ³⁴ РГИА. Ф. 745. Оп. 1. Д. 35. Л. 12.
- ³⁵ Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 1–7, 14–16. СПб., 1866–1907; Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1–17. СПб., 1864–1904.
- ³⁶ Обзор деятельности ведомства Министерства народного просвещения за время царствования Александра III (с 2 марта 1881 г. по 20 октября 1894 г.). СПб., 1901.

- ³⁷ Описание дел Архива Министерства народного просвещения. Т. 1–2. Пг., 1917, 1924.
- ³⁸ Высшие и центральные государственные учреждения России... Т. 3. С. 134.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ РГИА. Ф. 745. Оп. 1. Д. 79. Л. 1–7.
- ⁴¹ Там же. Ф. 6900. Оп. 22. Д. 117. Л. 56–58.
- ⁴² *Хорхордина Т.И.* Российская наука об архивах: История. Теория. Люди. М.: РГГУ, 2003. С. 368–388, 441–416 и др.
- ⁴³ «Личный состав ведомственного архива – тоже склад людей, потерявших свою ценность для чиновничьей жизни, людей, вышедших в тираж, которым нужно выбросить кусок хлеба, чтобы дать возможность доживать свою жизнь. Иногда в архив назначают как его руководителя лицо, которому нужно существовать, нужно дать заработок... Всякая попытка со стороны архивных служащих (а эти попытки при убогом их состоянии были, конечно, очень редки) оживить нормальную жизнь архива, встречала беспощадный отказ... <...> Положение человека, пришедшего в архив, было невероятно тяжелым и, предоставленный самому себе, он легко мог потеряться. Университет дал любовь к документу, но не научил, как с этим документом обращаться. Были, правда, кое-какие алфавиты и описи, но канцелярский чиновник, всю жизнь простоявший около них, обыкновенно сознательно не хотел дать хотя бы самых необходимых пояснений относительно пользования ими новому человеку, понимая, что этим самым в значительной степени уничтожается его собственная ценность». Цит. по: *Хорхордина Т.И.* Указ. соч. С. 374, 376.

Ф.Г. Закирова (Гареева)

Теоретики и практики архивного дела в дореволюционной России и Башкирском крае

Статья посвящена освещению деятельности теоретиков и практиков архивного дела в стране и республике в дореволюционный период – Н.В. Калачова, Р.Г. Игнатъева, Д.Я. Самоквасова, членов Оренбургской ученой архивной комиссии (ОУАК), их вклада в развитие архивного дела. В заключение делается вывод о необходимости архивистам-современникам изучать и перенимать опыт предшественников.

Ключевые слова: архивное дело, теория и практика архивного дела, Н.В. Калачов, Р.Г. Игнатъев, Д.Я. Самоквасов, Оренбургская ученая архивная комиссия (ОУАК).

История архивного дела, развитие архивоведения в дореволюционный период связаны, прежде всего, с деятельностью видных теоретиков и практиков архивного дела второй половины XIX – начала XX в.

Значительный вклад в развитие архивного дела в России и регионах внес Н.В. Калачов¹ (1819–1885) – видный архивист и ученый, два десятилетия возглавлявший Московский архив Министерства юстиции. Он явился инициатором проведения Археологических съездов (I – в 1869 г., II – в 1871 г.). В работе I Археологического съезда от Оренбургского губернского статистического комитета принял участие Руф Гаврилович Игнатъев, посвятивший долгие годы изучению архива Оренбургского генерал-губернатора и архивов Поволжья и Урала. II Археологический съезд просил правительство создать особую Временную комиссию об устройстве архивов, которая с 3 февраля 1873 г. стала функционировать под председательством Н.В. Калачова. Комиссия, в которую входили

28 представителей различных учреждений и ведомств, была учреждена при Министерстве народного просвещения. Она разработала проект «Положения» о Главной архивной комиссии, провела анкетное обследование положения архивов в центре и на местах².

23 августа 1873 г. Департамент общих дел МВД направил губернаторам циркуляр «О доставлении сведений о положении архивов по ведомству Министерства внутренних дел», которым извещал об учреждении вышеуказанной комиссии под председательством сенатора Н.В. Калачова. Циркуляр призывал: «архивы не должны стесняться не вполне удовлетворительным состоянием некоторых из них и дать верные и полные ответы на предлагаемые вопросные пункты»³. Программа, приложенная к циркуляру, состояла из 19 вопросов, охватывающих подведомственность архива, название, помещения, состав документов, их размещение, наличие особо ценных документов и т. д. Оренбургский генерал-губернатор Н.А. Крыжановский запросил Уфимского губернатора о его распоряжениях по данному предмету.

Оренбургский гражданский губернатор Щербатский письмом от 23 марта 1874 г. сообщил, что сведения о положении архивов «остаются не доставленными только от Уфимской городской управы, Уфимского уездного предводителя дворянства, Бирской дворянской опеки и Белебеевского полицейского управления»⁴. 13 июня 1874 г. Уфимский губернатор доложил Н.А. Крыжановскому, что сведения о состоянии архивов по Уфимской губернии им доставлены в Министерство внутренних дел⁵.

19 октября 1875 г. генерал-адъютант Н.А. Крыжановский обратился к министру внутренних дел А.Е. Тимашеву с просьбой открыть кредит в размере 6 тысяч рублей в год для разборки архива, который «имеет немаловажное значение не только для истории Оренбургского края, но и для общей государственной истории, насколько события, совершавшиеся в здешних отдаленных местностях, отражались на ходе государственных дел, и некоторые наиболее важные письменные документы, может быть, признано было за нужное перенести на хранение, в Государственный архив»⁶. Министр финансов согласился на отпуск 6 тыс. руб. серебром Оренбургскому генерал-губернатору для комиссии по разбору архива, начиная отпуск этот с 1877 г., впредь на три года⁷. Однако Государственный Совет «ввиду предстоящих Государственному Казначейству чрезвычайных издержек» отклонил представление Министерства внутренних дел. Свое решение Государственный Совет мотивировал еще и тем, что при Министерстве народного просвещения работала вышеуказанная комиссия. «До разрешения этого

общего вопроса, неудобно было бы принимать какие-либо особые, по местностям, меры для коренного переустройства и разработки архивов»⁸.

Руф Гаврилович Игнатьев⁹ приступил к изучению архивов всех учреждений Оренбургского края с намерением подготовить обобщающий труд по их истории в 1870-е гг.: после просмотра архива генерал-губернатора в 1873 г. разбирал архив Уфимского губернского правления, выезжал в Пермскую, Вятскую и Тобольскую губернии «для извлечения из дел тамошних архивов всего, относящегося до истории Оренбургского края»¹⁰. Однако осуществить мечту о подготовке обширной монографии не позволили материальные затруднения и жизненные обстоятельства. В 1879 г. он переехал на запад и более двух лет работал редактором «Минских губернских ведомостей».

Благодаря научным трудам Р.Г. Игнатьев стал действительным членом многих научных обществ (любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете; истории, археологии и этнографии при Казанском университете; Московского археологического; минералогического; вольно-экономического; Русского географического и Уральского любителей естествознания), Вятского, Минского, Оренбургского, Пермского, Тобольского и Уфимского губернских статистических комитетов.

Вернувшись в 1880 г. в Оренбург, Игнатьев попытался приступить к работе по разбору архива Оренбургского генерал-губернатора, на необходимость которой обратил внимание ученого еще в 1873 г. генерал-губернатор Н.А. Крыжановский, но ходатайства местных властей об отпуске средств для оплаты труда хотя бы одного чиновника не были поддержаны сверху: департамент государственной экономии неоднократно отклонял представление министра внутренних дел об учреждении временной комиссии для разбора и приведения в порядок архива¹¹.

Р.Г. Игнатьевым был составлен рапорт с описанием помещения, состава документов и штата архива. Кроме дел управления Оренбургского военного губернатора, генерал-губернатора, здесь хранились бумаги штаба Оренбургского отдельного корпуса; бывших полковых правлений Оренбургского казачьего войска; Оренбургского училища земледелия и лесоводства; решения по уголовным делам бывшей Оренбургской пограничной комиссии по уголовным и гражданским делам киргизов, представленные на утверждение генерал-губернатора; значительные объемы картографической документации. Всего в архиве было около 100 тыс. дел. Отмечая ис-

торическую ценность архива, Р.Г. Игнатъев кратко описал историю его формирования:

Для ознакомления с историей края архив канцелярии Оренбургского генерал-губернатора служит главным источником. Как бы предшественником ему служит архив Тургайского областного правления или бывшей Пограничной комиссии, где хранились дела бывшей Оренбургской экспедиции, комиссии и Оренбургской губернской канцелярии, но дела эти теперь отосланы в Московский архив Министерства юстиции и в Оренбурге их уже нет¹².

С упразднением в 1881 г. Оренбургского генерал-губернаторства вопрос о его архиве был поднят вновь, и 1 сентября тайный советник Гирс направил министру внутренних дел представление, в котором предлагал включить в состав комиссии по упорядочению архива четырех человек, включая Р.Г. Игнатъева. Сенатор Н.В. Калачов, посетивший в 1882 г. Оренбург и давший высокую оценку архиву, учредил комиссию для разбора архивных дел из 4 человек. Официально комиссия действовала в течение четырех лет: на разборку дел из казны за три года было отпущено 10 тыс. руб. Однако с прекращением финансирования работа, в результате которой выявлено 21 194 дела, представлявших научный интерес, была прекращена, хотя требовалось просмотреть еще 72 599 дел¹³.

Оренбургская ученая архивная комиссия (ОУАК) была создана в 1887 г. инициативной группой по рекомендации Археологического института для разборки архивных дел канцелярии генерал-губернатора и архивов других учреждений губернии. Она состояла из неперемennого попечителя, председателя, его товарища, правителя дел, казначея, библиотекаря, почетных и действительных членов. Правителем дел комиссии был учитель гимназии Иван Степанович Шукшинцев. Председателями были: в 1887–1889 гг. – П.Н. Распопов, П.П. Бирк (1889–1900), А.В. Попов (1900–1918). Непременным попечителем являлись Оренбургские губернаторы и наказные атаманы Оренбургского казачьего войска: в 1887 – 4 августа 1899 г. – В.И. Ершов, с 4 октября 1889 г. – Я.Ф. Барабаш.

Основными видами работ комиссии являлись: рассмотрение описей дел, разбор архивных дел, собраний членов комиссии, археологические исследования, руководство работой музея и библиотеки, издание трудов. Например, в 1897 г. при разборе архивных дел было рассмотрено 10 986 дел гражданского отдела бывшего Оренбургского губернатора. Из числа их предназначено к хранению 2556 дел и к уничтожению 8430 дел. Тем и другим составля-

лись описи, заведенные от 1881 до 1860 и от 1797 до 1805 г. В том же году были просмотрены описи дел «других учреждений»: все описи Уфимского губернского правления с 1766 г., дела Тургайского областного правления, Оренбургского губернского правления 1886–1896 гг., 9 описей волостных правлений Оренбургской губернии и др.

В изучении вклада, внесенного ОУАК в становление и развитие делопроизводства, архивного дела, в особенности археографии, большое значение имеют «Описания дел архива Комиссии (гражданский отдел)» за различные годы, а также составленная П.Н. Столпянским «Систематическая опись дел архива ОУАК. Указатель делам, касающимся народного просвещения и промышленности Оренбургского края». Это первый опыт систематизации дел архива – уникальный источник по истории архивного дела в крае.

Члены ОУАК совершали командировки в различные учреждения для просмотра и уничтожения архивных дел, не подлежащих хранению. Так, правитель дел Комиссии И. Шукшинцев в апреле 1897 г. направил Уфимскому губернатору письмо с просьбой о том, чтобы все старые дела Оренбургской губернии были переданы в ОУАК, а дела, касающиеся Уфимской губернии, присланы в Уфу. Оренбургская ученая архивная комиссия также по мере сил пыталась проводить отбор на хранение как можно большего количества источников: архивных документов губернского правления, казенной палаты, управления государственных имуществ, уездных полицейских управлений, учебных заведений, промышленных предприятий и т. д., пытаясь таким образом предотвратить их необоснованное уничтожение.

Директор Московского архива Министерства юстиции Д.Я. Самоквасов¹⁴ в двухтомном труде «Архивное дело в России»¹⁵ подверг резкой критике губернские ученые архивные комиссии, и в первую очередь ОУАК. Общий вывод автора о работе губернских архивных комиссий:

Единственным рациональным средством преобразования губернских архивных комиссий является превращение их в местные ученые общества, подобные обществам западноевропейских государств, имеющим свою задачу только издание и разработку архивных материалов и других источников местной старины. <...> В настоящее время архивная служба в России организована так ненормально, что члены комиссий, наиболее добросовестно и энергично работающие на пользу архивного дела, приносят этому делу наибольший вред, раз-

рушая исторически слагавшиеся архивные фонды своего отечества, составляя из них ничтожные, малополезные собрания отрывочных дел и отправляя на бумажные фабрики миллионы дел, представлявших собою хронологические системы письменных актов деятельности государственных и общественных учреждений¹⁶.

Д.Я. Самоквасов, будучи приверженцем идеи учреждения центрального органа руководства работой архивов России по западноевропейскому образцу, критикует также работы И.Е. Андреевского¹⁷, изучавшего отчеты ГУАК и публиковавшего сводные обзоры их работы в журнале «Вестник археологии и истории»¹⁸. В целом идеи директора Московского архива министерства юстиции (МАМЮ) профессора Самоквасова, безусловно, носят прогрессивный характер и по сути подготовили историков-архивистов и практиков архивного дела к принятию исторического декрета СНК о реорганизации и централизации архивного дела в стране¹⁹.

Д.Я. Самоквасов критиковал Оренбургскую ученую архивную комиссию за то, что комиссия, являясь общественной организацией, получила государственную субсидию для покупки дома для помещения архива комиссии и на ежегодные канцелярские субсидии; ОУАК завладела архивом такого серьезного учреждения, как канцелярия Оренбургского генерал-губернатора; члены комиссии вторгаются в работу архивов государственных учреждений, отбирая дела на хранение и уничтожение; разделила архив на отделы, разрушая тем самым исторически сложившийся архивный фонд, и т. д. В своем отзыве на труд профессора члены ОУАК отметили, что ни одно дело архива не было уничтожено, в комиссии работают не дилетанты, а вполне достойные представители научной интеллигенции края и т. д. Вместе с тем члены ученой архивной комиссии высоко оценили труд профессора Д.Я. Самоквасова в части беспокойства за состояние архивного дела в России и проекта централизации архивного дела в стране.

Деятельность Д.Я. Самоквасова, попытки реформирования архивного дела в России с целью создания центрального органа руководства им, а также его труды стали в последующем основой для принятия декрета от 1 июня 1918 г. «О реорганизации и централизации архивного дела».

Нам, архивистам, и в особенности тем, кто выбирает нашу профессию, необходимо знать и помнить тех, кто посвятил свою жизнь делу сохранения документального наследия России и Башкирского края.

- ¹ *Калачов Николай Васильевич* (26.05.1819–25.10.1885) – русский историк, юрист, археограф, архивист; академик (с 1883). По научным взглядам примыкал к историко-юридической школе. Работал в Петербургской археографической комиссии, был профессором кафедры истории русского законодательства при Московском университете (1848–1852). Участвовал в подготовке реформы 19 февраля 1861 г. (член редакционной комиссии) и судебной реформы 1864 г. (член-редактор комиссии). В 1865–1885 гг. возглавлял Московский архив Министерства юстиции. В 1852–1853 гг. совершил археографическую экспедицию и опубликовал собранные им документы (в «Архиве исторических и практических сведений, относящихся до России»). Калачов положил начало ежемесячному журналу «Юридический вестник», был редактором и составителем публикаций документов. Автор ряда работ по теории и практике архивного дела. Под редакцией Калачова с 1869 г. стало выходить «Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции». Особенно плодотворна деятельность Калачова на архивном поприще. К. – организатор Петербургского археологического института (1877), он стремился к созданию сети центральных и местных архивов, заботился о сохранности документов и пытался сделать их достоянием широких кругов исследователей (Советская историческая энциклопедия: В 16 т. Т. 6. М.: Сов. энциклопедия, 1965. С. 838).
- ² *Самошенко В.Н.* История архивного дела в дореволюционной России. М., 1989. С. 130–133.
- ³ НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 14567. Л. 4.
- ⁴ Там же. Л. 37–37 об.
- ⁵ Там же. Л. 44.
- ⁶ Там же. Л. 59–62 об.
- ⁷ Там же. Л. 65.
- ⁸ Там же. Л. 74–75 об.
- ⁹ *Нугаева Ф.Г.* Р.Г. Игнатъев – историк, архивист, краевед (1818–1886) // Отечественные архивы. 2008. № 2. С. 27–31.
- ¹⁰ *Зобов Ю.С.* Дела и люди ОУАК // Историки Южного Урала: Вторая половина XIX – начало XX в. Оренбург, 1991. С. 129.
- ¹¹ Сборник материалов, относящихся до архивной части в России. Пг., 1917. Т. 2. С. 32–36.
- ¹² Там же.
- ¹³ НА РБ. Ф. Р-4423. Оп. 1. Д. 1. Л. 35.
- ¹⁴ *Самоковасов Дмитрий Яковлевич* (15.05.1843–03.08.1911) – русский археолог и историк русского права. С 1877 г. – профессор истории русского права в Варшавском университете, с 1894 г. – в Московском университете. С 1892 г. – управляющий Московским архивом Министерства юстиции. Самоковасов производил раскопки памятников древности во многих пунктах России. Наиболее

известны раскопанные им погребения воинов-дружинников вокруг Чернигова и курган *Черная могила*. Несмотря на несовершенство методики раскопок, его дневники и описи имеют научное значение. Самоквасов передал в 1891 г. свою богатую археологическую коллекцию в Исторический музей в Москве (Советская историческая энциклопедия. Т. 12. М.: Сов. энциклопедия, 1969. С. 518).

¹⁵ *Самоквасов Д.Я.* Архивное дело в России. Кн. 1: Современное русское архивное нестроение: 1852–1902. Кн. 2: Прошедшая, настоящая и будущая постановка архивного дела в России. М., 1902.

¹⁶ Там же. Кн. 1. С. 49.

¹⁷ *Андреевский Иван Ефимович* (13.03.1831–20.05.1891) – русский историк права, государствовед. Профессор с 1864 г. и ректор Петербургского университета (1883–1887). Автор курсов и общих работ по истории русского права: «О наместниках, воеводах и губернаторах» (1864), «Русское государственное право» (т. 1, 1866), «Полицейское право» (т. 1–2, 1871–1873) (содержит большой фактический материал). Автор одного из первых специальных исследований по истории древнего Новгорода: «О договоре Новгорода с немецкими городами..» (1855). По убеждениям – либерал, сторонник буржуазных реформ.

¹⁸ *Андреевский И.Е.* О деятельности губернских ученых архивных комиссий в 1885 г. // Вестник археологии и истории. 1888. Вып. 7. С. 1–11; и др.

¹⁹ *Хорхордина Т.И.* Д.Я. Самоквасов: консерватор и реформатор // Отечественные архивы. 2000. № 2. С. 26.

Историко-документальное наследие народов Северного Кавказа: собрание и использование в XIX в.

В статье рассматривается история формирования, собрания и использования документального наследия народов Северного Кавказа в XIX в. Анализируется деятельность военных научных обществ по сохранению архивных документов и разбору архивов. Рассматривается публикаторская деятельность военно-исторических отделов и комиссий, а также статистических комитетов Северного Кавказа.

Ключевые слова: архивы Северного Кавказа, военно-историческая комиссия, военно-исторический отдел, статистические комитеты, уничтожение архивных документов, разбор архивов.

В первой половине XIX в. в состав России вошли народы Кавказа, имевшие давние культурные традиции. Этот регион неоднократно захватывали турецкие и персидские войска, что приводило к гибели исторических источников. Документы уничтожались также в ходе феодальных междоусобиц, стихийных бедствий и плохих условий хранения.

В 1860 г. на землях Левого крыла Кавказской линии – системы оборонительных сооружений на Северном Кавказе (от устья Терека до устья Кубани), созданной русскими войсками в XVIII–XIX вв., была образована Терская область. В 1914 г. в состав Терской области входили Владикавказский, Нальчикский, Назрановский, Грозненский, Введенский, Хасавюртовский округа и Моздокский, Сунженский, Кизлярский, Пятигорский отделы¹.

С началом процесса колонизации на Северном Кавказе стали создаваться учреждения царской администрации. В 1844 г. было учреждено Кавказское наместничество (преобразованное в 1859 г.

в Главное управление наместника), при котором были созданы канцелярия и архив. Сюда стали поступать письменные источники о войнах с Ираном и Турцией, взаимоотношениях с этими странами, об экономической, культурной и социальной жизни региона.

После присоединения Кавказа в архиве Управления кавказского наместника было сосредоточено множество дел, которые необходимо было разобрать, систематизировать и описать. Глава гражданского управления Кавказа А.П. Николаи (1821–1899) поставил вопрос об основании Кавказской археографической комиссии, на которую следует возложить разбор дел архива и выявление источников по истории Кавказа. А.П. Николаи составил проект устава комиссии. Был подготовлен доклад, одобренный наместником Кавказа вел. князем Михаилом Николаевичем. В 1864 г. положение и штат комиссии были утверждены. Ученый-кавказовед, археолог и археограф А.И. Берже (1828–1886) стал первым председателем Кавказской археографической комиссии. Комиссия ознакомилась с архивом Главного управления наместника Кавказа, который был не разобран, и установила, что в архиве находится более 350 тысяч дел.

Со второй половины 60-х гг. XIX в. начинается издание многотомного сборника документов «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией». Комиссия издала XI томов актов, где приводятся сведения о «древних документах» крепости Терки². В первом томе были помещены гуджары и другие акты на грузинском, арабском, персидском и турецком языках.

Отметим, что впервые архивы на Тереке упоминаются еще в XVII в., одновременно с основанием русских городов-крепостей Кизляр, Моздок, Владикавказ.

Сеть правительственных учреждений и их архивов на Северном Кавказе была близка к общероссийской. Архив кизлярского коменданта был первым учреждением на Северном Кавказе, куда поступали кавказские, в том числе тюркоязычные, письменные корреспонденции, военные сводки и др. Фонд его начал формироваться с 1745 г. Разборка документов в некоторых архивах Северного Кавказа, предпринятая в 1846–1850 гг., показала, что при комендантской канцелярии в Кизляре хранятся дела, датированные временем, предшествующим основанию города в 1609 г.³ В Кизлярском комендантском архиве были сконцентрированы документы Астаринского, Бакинского, Дербентского, Куринского комендантов, крепостей Терской, Святого Креста и Кизляра, походных канцелярий генералов. Эти материалы содержат сведения о сношениях России с Ираном, Турцией, дагестанскими, кабардинскими и

чеченскими владельцами, строительстве крепостей, ходе военных действий, борьбе горцев за независимость. Сюда также поступали архивные источники о социально-экономическом положении края, развитии кустарной промышленности, количестве скота, урожая, открытии минеральных источников и др.

В Кизлярском архиве сохранились горские документы на тюркском языке, на котором велось письмоводство русских властей с местными народами Северного Кавказа. В XVIII в. Кизлярская комендантская канцелярия вела переписку с местными феодалами и другими жителями северокавказских земель. Представляют интерес тюркоязычные корреспонденции, написанные от имени кизлярских комендантов к эндиреевским, аксаевским, чеченским и другим владельцам. В 1964 г. архив кизлярского коменданта почти полностью вошел в состав Центрального государственного архива ДАССР (ныне ЦГА ДР). Фонд «Кизлярского коменданта» (Ф. 379) в ЦГА ДР насчитывает более 2,5 тыс. тюркоязычных писем.

В середине XIX в. в учреждениях Левого крыла Кавказской линии насчитывалось уже свыше пятидесяти архивов военного и духовного ведомств. Ценными фондами располагали владикавказские учреждения: штаб войск Левого крыла Кавказской линии, войсковое дежурство, канцелярия наказного атамана и комиссия наделения землями Кавказского линейного казачьего войска⁴.

Однако начавшееся в этот период уничтожение дел широко охватило окраины России, в том числе и Кавказ. Много важных материалов было вывезено в Петербург. Так, еще в 1843 г. для А.И. Михайловского-Данилевского, работавшего над историей русско-иранской войны 1804–1813 гг., было отправлено значительное количество документов, причем на месте не осталось даже копий. В 1860–1870-е гг. из архива Главного управления наместника в Государственный архив МИД передали ряд ценных документов, в том числе именные указы и рескрипты Александра I и Николая I кавказским наместникам; в Петербургскую публичную библиотеку – свыше двадцати подлинных гуджаров и фирманов. Кроме того, многие древние документы присваивались местными администраторами, попадали в частные коллекции или в рукописные отделы столичных библиотек и музеев. В 1874 г. половину дел Дмитриевского крепостного архива, включавших документы по истории Кавказской армии, продали с аукциона. Таким образом погибли документы по истории кавказских полков, ростовской полиции, сведения о турецких эмиссарах на Кавказе и т. д.

Поэтому в армии начали создаваться различные научные общества, целью которых являлось выявление и анализ источников – до-

кументов войсковых и частных архивов. Отметим, что еще в 1796 г. последовало Высочайшее повеление о передаче карт, планов и т. д. в создававшееся с.е.и.в. депо карт, в которое император Павел I приказал передать и коллекцию карт и планов, хранившихся в библиотеке Императорского Эрмитажа. Затем сюда стали поступать карты различных местностей России, а также исторические рукописи. В царствование Александра I в депо карт графом Аракчеевым были переданы исторические материалы, в числе которых находилось много документов, касавшихся первой турецкой войны. В 1812 г. депо карт вошло в состав военно-топографического депо. Начиная с 1799 по 1856 гг. по окончании каждой войны России все дела управлений главных штабов армий, донесения военных агентов, а отчасти и дипломатическая переписка сдавались на хранение в архив военно-топографического депо. В 1863 г. он был переименован в военно-исторический архив, а в 1867 г. получил название Военно-ученого архива (ВУА). С этого же времени начинается издательская деятельность архива. В 1870-х гг. ВУА предпринял издание документов, в том числе сборники «Крепости и гарнизоны южной России в 1718 г.» (под ред. А.З. Мышлаевского); «Описание русско-турецкой войны 1877–1878 гг.» и др.

Особенно значителен вклад военных историков в изучение Северного Кавказа. Собранные ими топографические, этнографические, военно-исторические сведения о местных народах являлись источниковой базой для выработки российской политики в регионе.

Важную роль в этом играло войсковое руководство, которое внесло значительный вклад в изучение Северного Кавказа. С завершением войны на Северном Кавказе появилась необходимость подготовки исследований о присоединении Кавказа к России и введении в научный оборот источников. В 1880 г. в Штабе военного округа в Тифлисе был образован военно-исторический отдел. Под руководством генерал-лейтенанта, начальника военно-исторического отдела штаба Кавказского военного округа И.С. Чернявского (1835–1904) был подготовлен и выпущен «Сборник сведений о кавказских горцах» (Вып. I–X. 1868–1881). Военно-исторический отдел издал несколько томов документов и материалов по истории Кавказских войн. И.С. Чернявский был первым редактором «Кавказского сборника», издававшегося с 1876 по 1912 гг., где публиковались выявленные сотрудниками отдела архивные документы и свидетельства очевидцев и современников о Кавказской войне⁵.

В соответствии с планом, подготовленным военным историком, начальником военно-исторического отдела с 1896 г. генералом

В.А. Потто (1836–1911), в задачи военно-исторического отдела в Терской области входил разбор архивов Владикавказа, Кизляра, Моздока, Нальчика, Грозного и некоторых казачьих станиц в целях сохранения исторических источников⁶.

27 марта 1879 г. императором Александром II было одобрено предложение военного министра Д.А. Милютин (1816–1912) о создании Временной военно-исторической комиссии для подготовки истории войн последней четверти XIX в., в результате чего началась работа по выявлению и описанию архивных фондов⁷.

В 1898 г. по инициативе группы офицеров во главе с военным историком, генералом от инфантерии, профессором Николаевской академии А.З. Мышлаевским (1856–1920) было создано Общество ревнителей военных знаний. Целью этого военно-научного общества являлась пропаганда военных знаний, разработка вопросов военной теории и истории. Общество издавало собственный печатный орган – «Вестник Общества ревнителей...», редактируемый в 1897–1907 гг. заместителем председателя Общества Л.В. Евдокимовым.

В конце XIX столетия в провинции начали образовываться губернские ученые архивные комиссии и общества любителей изучения старины, также уделявшие много внимания собиранию и выявлению исторических документов. Из четырех административно-территориальных единиц Северного Кавказа губернская ученая архивная комиссия открылась сначала только в Ставропольской губернии (1906).

Кроме того, по инициативе гражданского губернатора А.А. Волоцкого (1808–1875) был создан *Ставропольский губернский статистический комитет* (1858). Издательская деятельность Комитета началась в 1868 г. и продолжалась до 1920 г. Архивы статистических столов Кубанского и Терского областных правлений позже были переданы во вновь созданные статистические комитеты Северного Кавказа, которые готовили к изданию отчеты губернаторов и наказных атаманов. Терский областной статистический комитет открылся в 1872 г. В 1878 г. секретарь Комитета с 1875 г., писатель и журналист Н.А. Благовещенский (1837–1889) выпустил первый «Сборник сведений о Терской области». За время своей деятельности Комитет подготовил и опубликовал «Сборник статистических сведений о Терской области», «Список населенных мест Терской области (по данным к 1 июля 1914 года)», «Статистический ежегодник: обзор Терской области за 1914 год» и семь выпусков (в 2-х томах) «Статистических таблиц населенных мест Терской области»⁸.

Вопрос о приведении в порядок архивов Северного Кавказа для сохранения историко-документального наследия чрезвычайно беспокоил научную общественность.

Дело в том, что с конца 60-х гг. XIX в. право на уничтожение архивных документов было передано представителям местной власти, более заинтересованным в «разгрузке» своих архивов от ненужных бумаг», что значительно ускорило процесс ликвидации архивных материалов и привело к окончательной потере ценных исторических источников. Необходимость преобразований в области обеспечения сохранности архивных документов становилась все более очевидной. Перестройка государственного аппарата в ходе реформ 60–70-х гг. XIX в. привела к изменению сети ведомственных исторических архивов и поставила вопрос о сохранении документального наследия. Массовое уничтожение документальных материалов, перегруженность архивов, в том числе в связи с огромным количеством архивных бумаг дореформенных учреждений, ждущих часа своего уничтожения, – такова печальная картина состояния архивного дела.

Еще в 1867 г. губернаторы получили право самостоятельно решать вопрос об уничтожении документов в учреждениях, ведомственных Министерству внутренних дел. Ведомствами были разработаны правила об уничтожении архивных материалов, в соответствии с которыми документы делились на три разряда – «всегдашнего» хранения, временного хранения (в основном от 3-х до 20 лет) и бумаги, подлежащие уничтожению. На «всегдашнее» хранение оставлялись дела, содержавшие «высочайшие повеления». На временное хранение оставлялись источники, необходимые для справок: полугодовые и месячные отчеты, дела по личному составу и т. д. По ведомственным инструкциям архивного хранения уничтожению по истечении 10 лет подлежали следующие категории дел: о передвижении и расквартировании войск; о высылке лиц; послужные списки чиновников, за исключением «...служивших собственно по правлению». Немедленному уничтожению (после завершения производством) подлежали адресные книги и другие подобные источники. В эту же категорию попадали материалы, в хранении которых правительство не было заинтересовано. Особенно широко уничтожались источники, освещающие жизнь и быт народов, вошедших в состав России. Многие видные архивисты выступали против продажи выделенных к уничтожению документов, справедливо считая, что материальная заинтересованность может привести к потере ценных документов. Однако администрация не учитывала это законное требование. Инструкции, разрабо-

танные ведомствами, предписывали секретные материалы сжигать, а несекретные – продавать с публичных «торгов или другим законным порядком», предварительно разрезав бумагу на мелкие части. Делалось это для того, чтобы нельзя было ознакомиться с содержанием. Однако такое правило часто нарушалось, так как неразрезанная бумага стоила значительно дороже. Вырученные средства (а они часто бывали очень крупными, так как продавались тысячи и десятки тысяч пудов бумаги) поступали в казну. Позже Министерство финансов специальным распоряжением часть сумм выделило на улучшение оборудования и материальное поощрение «отличившихся» чиновников. В 1891 г. была установлена точная сумма – 50 процентов от вырученных средств передавалась на устройство архива и награды чиновникам, что, конечно, усиливало заинтересованность служащих в уничтожении архивных дел. Массовая гибель материалов, имеющих большую научную и практическую ценность, обеспокоила научную общественность, которая выступила в защиту сохранения архивов, поставив вопрос о реорганизации архивного дела в стране.

В связи со сложившимся положением с уничтожением архивных документов юрист и архивовед Н.В. Калачов (1819–1885) выступил в 1873 г. с инициативой учреждения особой межведомственной комиссии по приведению в известность и составлению описи архивов, принадлежавших различным ведомствам как в столицах, так и в провинции.

Отметим, что еще в 1865 г. Н.В. Калачов занял пост управляющего МАМЮ. Имея к этому времени звание сенатора и титул тайного советника, он воспользовался широкими полномочиями для осуществления активной и независимой деятельности. Его главной целью на первых порах было вывести архив из состояния крайнего беспорядка, который благоприятствовал массовым хищениям и бесконтрольному уничтожению документов.

Однако он понимал, что решать судьбы российских архивов необходимо в масштабах всей страны. В это время Археологическое общество готовилось провести в Москве I Археологический съезд. Как отмечал председатель общества гр. А.С. Уваров, созыв ученого съезда представлял собой одну из мер, но «самую действенную и коренную, для уничтожения равнодушия к русским древностям и для возбуждения общего, живого участия к русской археологии». Калачов решил воспользоваться трибуной съезда, состоявшегося в 1869 г., и выступил на нем с докладом «Архивы» о необходимости архивных реформ. Впервые здесь им была озвучена мысль о том, чтобы превратить архивы из «складочного листа покойников» и

«лабиринтов» в научные учреждения и «богатые сокровищницы, из которых исследователи будут черпать сведения, дающие жизнь и плоть их идеям и соображениям»⁹. Однако, вопреки надеждам Калачова, доклад не вызвал интереса у собравшихся, и никакого решения по нему не было принято. Это объяснялось, в первую очередь, специфическим характером аудитории: среди полутора сотен делегатов не было ни одного профессионального архивиста, а повестка дня включала только археологические вопросы.

Н.В. Калачов решил изменить тактику, проведя огромную подготовительную работу. Он опубликовал текст своего доклада в газете «Русский мир» и добился включения в повестку дня следующего съезда отдельного пункта под названием «Обсуждение мыслей Н.В. Калачова об устройстве архивов»¹⁰.

На II Археологическом съезде, состоявшемся в 1871 г., он зачитал доклад под расширенным названием «Архивы, их государственное значение, состав и устройство», предварительно ознакомив с его содержанием членов специальной комиссии. Делегаты съезда полностью одобрили представленный им проект архивной реформы, который обсуждался уже как коллегиальное мнение членов комиссии. II Археологический съезд просил правительство создать особую Временную комиссию об устройстве архивов, которая с 3 февраля 1873 г. стала функционировать под руководством Калачова. Она осталась в истории архивного дела как «калачовская»: до своей кончины в 1885 г. Н.В. Калачов был ее бессменным председателем. В нее вошли 28 представителей различных ведомств и учреждений, в том числе известные ученые и архивисты. Комиссия начала работу с составления и рассылки по ведомствам анкеты с вопросами для сбора сведений о русских архивах.

Главным содержанием деятельности комиссии была разработка мер в рамках проекта архивной реформы, представленного Калачовым. Однако большинство разработок межведомственной комиссии осталось только на бумаге. Наибольший интерес из них представляют проекты Положения о Главной архивной комиссии, которую предполагалось создать для методического руководства и контроля за ведомственными архивами, особенно в части, касающейся хранения и уничтожения документальных материалов. В соответствии с проектом предназначенные к уничтожению материалы могли быть уничтожены только после окончательного разрешения Главной архивной комиссии, которой должна подчиняться вся архивная сеть. Таким образом, ставился вопрос о создании единого органа управления архивным делом¹¹.

В 1873 г. по результатам работы комиссии и в связи с предпринятым ею изучением ведомственных правил уничтожение документов на местах временно прекращается. Калачов сумел приостановить уничтожение документов. Для более точного определения исторической значимости документов он предлагал включить в разборочные комиссии местных краеведов.

Тем не менее разработать единые правила для всех бюрократических канцелярий и самостоятельных ведомств не удалось. После смерти Калачова массовое уничтожение архивных материалов по собственным ведомственным инструкциям и правилам возобновилось с прежней силой.

Известный военный историк, этнограф, казачий генерал-лейтенант, участник Кавказской и Крымской войн И.Д. Попко (1819–1893), обследовавший оскудевший архив Дмитриевской крепости, обратился с просьбой в Военное министерство разрешить перевезти оставшиеся материалы архива в Ставропольский военный архив. Разрешение им было получено, и в октябре 1876 г. весь архив Дмитриевской крепости (в количестве 48 тюков) был доставлен в Ставропольский военный архив. И.Д. Попко готовил материалы для военно-казачьего отдела Московской политехнической выставки. Под его председательством при войсковом штабе был создан специальный комитет, где на первом его заседании историку черноморского казачества П.П. Короленко (1834–1913) поручалась работа с документами войскового архива. К юбилейным торжествам, приуроченным к празднованию 300-летия Терского казачьего войска, вышел в свет выпуск работ И.Д. Попко, который воссоздал историю появления первых казачьих сообществ на Северном Кавказе.

Проблема сохранения и разбора ценных исторических документов не могла не беспокоить и кавказскую администрацию. Поэтому создавались специальные «комиссии для разбора древних актов», задачей которых, однако, было... избавление от «лишних» документов. Одна из таких комиссий, назначенная по распоряжению Генерального штаба, работала в 1881–1889 г. в Ставропольском архиве. В Ставропольском военном архиве скопились дела, преимущественно относящиеся к истории завоевания Северного Кавказа и покорения горцев. В результате деятельности комиссии на постоянное хранение были оставлены лишь четверть дел, остальные уничтожены. Так погиб почти полностью один из богатейших архивов Северного Кавказа¹².

Чтобы разгрузить Ставропольский архив, были уничтожены или проданы дела десятилетней давности¹³. Только благодаря

действиям начальника края, царского наместника князя М.С. Воронцова уцелели многие архивные дела на Кавказе¹⁴.

По словам председателя и основателя Ставропольской губернской ученой архивной комиссии, краеведа Г.Н. Прозрителева (1849–1933), ему лично приходилось покупать в Ставрополе яблоки, завернутые в мешки, склеенные из дел Дмитриевской крепости, – на некоторых мешках ему даже удалось разглядеть приказы за подписью А.В. Суворова. Дальнейшая судьба Дмитриевского архива складывалась не менее драматично: из Ставрополя его перевезли во Владикавказ, однако военный историк, кавказовед, член Русского военно-исторического общества полковник Б.С. Эсадзе (1864–1914), узнав об архиве, выхлопотал у Военного министерства разрешение перевезти его в Тифлис, где он был помещен в Военно-исторический музей¹⁵.

Даже в 1905 г. Г.Н. Прозрителев констатировал состояние дел следующим образом:

Все старые архивы, за исключением разве Губернского правления, свалены в разных учреждениях в кучу, не только не разобраны, но даже не имеют общих описей, да им и не придает никто никакого значения, и они служат положительно обузой... Несколько лет тому назад нами был случайно обнаружен архив в колокольне Ставропольского кафедрального собора: вероятно, был положен туда временно, и потом о нем забыли. Среди этого последнего архива, между прочим, оказалось и дело о погребении убитого на дуэли поручика М. Лермонтова¹⁶.

Именно поэтому вопрос о создании Ставропольской губернской ученой архивной комиссии назрел задолго до ее учреждения. Еще в 1886 г. известный исследователь Северного Кавказа, секретарь Ставропольского губернского статистического комитета с 1871 г., историк-кавказовед, этнограф, статистик и экономист И.В. Бентковский (1812–1890) подавал просьбу об организации в г. Ставрополе губернской ученой архивной комиссии, однако она не была удовлетворена. А исторические бумаги иногда покупались вместе с едой в качестве упаковки: такая судьба, например, постигла прижизненные указы Петра I и Екатерины II¹⁷. Поэтому обеспечение сохранности архивных документов было его главной заботой.

Так, в связи с окончанием Кавказской войны, реорганизации Черноморского и части Кавказского Линейного войск и образованием Кубанского казачьего войска архив Черноморского казачества в 1870 г. вошел в состав войскового хозяйственного правления. На хранение поступило большое количество дел ликвидированных

войсковых учреждений и строевых частей. Была сформирована особая комиссия для разбора и систематизации документов¹⁸.

В 1884–1886 гг. разборкой архивов Терской области занимались сотрудники военно-исторического отдела Кавказского военного округа, которыми были просмотрены десятки тысяч дел во Владикавказе и Моздоке, а на документы, признанные исторически важными, составлены описи. Однако эта работа не была завершена, и из трех тысяч связок документов Кизлярского комендантского управления, перевезенных в архив войскового штаба Терского казачьего войска, разобранными оказались лишь 119 (62 239 листов)¹⁹.

Кизлярский архив бывшего комендантского управления подвергся обследованию раньше всех других, так как находился в плохом состоянии. Для спасения наиболее значимых документов три тысячи томов кизлярских архивных дел были переведены в 1882 году во Владикавказ и таким образом оказались в Терской области²⁰. Ставропольский военный архив, перевезенный во Владикавказ, был преобразован в центральный архив при управлении Владикавказской местной бригады. В нем (на 1905 г.) числились 30 729 дел. Здесь же хранилась часть Георгиевского архива и Штаба войск Кавказской линии и Черномории²¹.

В 1889 г. началась обработка архивов местных войск Кавказского военного округа. В центральный архив, созданный при управлении 23-й бригады во Владикавказе, были свезены документы воинских начальников, а также ликвидированных частей и учреждений, дислоцировавшихся в Терской области и Ставропольской губернии. Работа осуществлялась специальной комиссией. К началу XX в. на вечное хранение были отобраны более 100 тысяч дел²². Одновременно в связи со сбором материалов для написания истории Терского казачьего войска активизировалась работа по разбору документов местных архивов, координатором которой стал начальник войскового штаба, генерал Ф.Г. Чернозубов (1863–1919), возглавлявший созданное в 1909 г. во Владикавказе «Терское общество любителей казачьей старины». Под руководством Чернозубова в 1910–1911 гг. был завершен разбор документов Кизлярского комендантского управления²³.

Примечания

¹ Цогоев В.Г. Архивное дело в Терской области в 1860–1917 гг. // Отечественные архивы. 2003. № 2. С. 16.

² Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис, 1885. Т. 10. С. VIII–IX; Собриевский А.С. Князь Воронцов и наши архивы // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. Ставрополь, 1911. Вып. 1. С. 1–14.

- ³ *Собривский А.С.* Указ. соч. С. 9–10; *Цогоев В.Г.* Указ. соч. С. 15–20.
- ⁴ *Цогоев В.Г.* Указ. соч. С. 17.
- ⁵ Устав Терского общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1915. С. 1–2.
- ⁶ *Цогоев В.Г.* Указ. соч. С. 20.
- ⁷ *Ипполитов Г.М.* Моральный дух Русской армии: из истории изучения проблемы // Клио. 2007. № 1 (36). С. 18–19.
- ⁸ *Селиванова Н.А.* Издательская деятельность северокавказских губернских и областных статистических комитетов (1868–1917 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2003. С. 53–54.
- ⁹ Труды I Археологического съезда. М., 1871. Т. 1. С. 14.
- ¹⁰ См.: Труды II Археологического съезда. СПб., 1881. Вып. 2. С. 11.
- ¹¹ См.: *Безобразов В.П.* Сборник государственных знаний. СПб., 1877. Т. 4. С. 191.
- ¹² *Колосовская Т.А.* Из истории сохранения и использования документов военных архивов Северного Кавказа в последней четверти XIX – начале XX в. // Отечественные архивы. 2015. № 4. С. 3–11.
- ¹³ Архивы Ставропольской губернии: Доклад действительного члена Ставропольской ученой архивной комиссии Г.Н. Прозрителева, читанный в общем собрании комиссии 17 февраля 1906 г. // *Колесникова М.Е., Логачева А.В., Охонько Я.Н.* Ставропольская губернская архивная комиссия: страницы истории архивного дела Северного Кавказа. Ставрополь, 2007. С. 111.
- ¹⁴ Отчет о деятельности Ставропольской губернской ученой архивной комиссии за 1915 год (Извлечение) // Там же. С. 144.
- ¹⁵ *Стефанов А.Т.* Архив крепости Св. Дмитрия Ростовского и его судьба // Северо-Кавказское краевое общество археологии, истории и этнографии. Вып. 1. Кн. 1 (т. 3). Записки. Ростов н/Д., 1927. С. 19–22.
- ¹⁶ Кавказские архивы... С. 94.
- ¹⁷ *Колесникова М.Е., Логачева А.В., Охонько Я.Н.* Указ. соч. С. 47–48.
- ¹⁸ *Темиров С.Г.* Из истории Государственного архива Краснодарского края // Отечественные архивы. 2013. № 3. С. 6.
- ¹⁹ Сборник Общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1912. № 5. С. 32; *Цогоев В.Г.* Указ. соч. С. 21.
- ²⁰ *Орасов Г.М.-Р.* Тюркоязычная деловая переписка на Северном Кавказе XVII–XIX вв.: (Исследования, тексты и комментарии). Махачкала, 2007. С. 14–15.
- ²¹ Кавказские архивы... С. 94, 96.
- ²² ЦГА РСО-А. Ф. 20. Оп. 1. Д. 10. Л. 4; *Собривский А.С.* Указ. соч. С. 10.
- ²³ Записки Терского общества... С. 93.

Н.Д. Нерозникова

Из истории становления
и развития Национального архива
Республики Татарстан в 1928–1938 годы

В статье освещена история организации и становления первых республиканских архивов: Исторического архива и Архива Октябрьской революции, вклад их руководителей в развитие архивного дела в республике

Ключевые слова: Татцентрархив, Исторический архив, Архив Октябрьской революции, «великое переселение архивов», Национальный архив Республики Татарстан.

Истории архивного дела в регионах сегодня уделяется все больше внимания. Изучение истории архивного дела в Казанской губернии и Татарстане актуализировалось в 90-е годы XX в. на волне возрастания интереса общества к архивам. По заявленной теме необходимо выделить две работы: сборник документов и материалов «Государственная архивная служба Татарстана (1916–2006 гг.)»¹ и монографию канд. ист. наук Р.Г. Шамсутдиновой «Архивное дело в Татарстане (конец XIX в. – 30-е гг. XX в.)», подготовленную по материалам ее кандидатской диссертации², а также статьи, опубликованные в республиканских и российских изданиях³, и сообщения на научно-практических конференциях⁴.

В истории Национального архива Республики Татарстан 1928 год можно считать отправной точкой, когда в отчете Татцентрархива за период с 1 октября 1927 г. по 1 октября 1928 г. в соответствии с Положением об организации Единого государственного архивного фонда РСФСР, утвержденным Центрархивом РСФСР 3 февраля 1925 г., впервые появились Исторический архив (Истарх),

Архив Октябрьской революции (АОР)⁵ и были назначены заведующие этими учреждениями.

Заведующим Историческим архивом был назначен специалист «из бывших» Александр Васильевич Волочков⁶. На момент назначения на должность ему было 63 года.

А.В. Волочков происходил из семьи служащего С.-Петербургской городской управы, окончил историко-филологический факультет С.-Петербургского университета, преподавал латинский язык в Саратовской гимназии, был инспектором старейшей в России Первой Казанской мужской гимназии, директором мужской гимназии в г. Тетюшах Казанской губернии, секретарем Совета и преподавателем Северо-Восточного археологического и этнографического института (Восточной академии), который до создания Главного управления архивным делом и начала работы его уполномоченных на местах занимался сохранением архивов казанских губернских учреждений. После ликвидации института в 1922 г. работал инспектором Татцентрархива и за шесть лет объездил всю республику, обследовал кантональные архивы, а также архивы организаций г. Казани, обучал архивному делу других и одновременно учился сам. «Эта последняя должность, приближая меня к науке в качестве архивного работника, отвечает моему желанию посвятить все свои силы и приобретенные знания по этому делу на пользу государства и народа», – писал он в автобиографии в 1926 г.⁷

В характеристике, данной Волочкову А.В. комиссией по улучшению качественного состава служащих Татцентрархива в апреле 1929 года, отмечается его «преклонный возраст», но вследствие хорошей теоретической и практической подготовки в архивном деле А.В. Волочков был признан соответствующим своей должности⁸. В должности заведующего Истархом А.В. Волочков прослужил пять лет⁹.

Одним из самых ярких событий данного периода можно считать «великое переселение архивов», нанесшее огромный вред архивному делу республики.

К лету 1929 г. Татцентрархив сконцентрировал в отведенных ему помещениях значительное количество архивных документов – до 900 тыс. единиц хранения как дореволюционного, так и советского периодов. Большинство архивных фондов было разобрано и уложено на стеллажи, многие из них стали доступны для описания и научной разработки¹⁰.

В сентябре 1929 г. в соответствии с требованием СНК ТАССР освободить для нужд Наркомата просвещения ТАССР занимаемые Татцентрархивом здания, архивные документы были выброшены

во временные помещения. Вот как это описывает А.В. Волочков в докладной записке от 30 декабря 1930 г.

Крайняя спешность перевозки в связи с необходимостью укладки материалов громадными штабелями на полу необорудованных стеллажами отведенных помещений привела материал в полный беспорядок: в этих группах все перемешалось и сделало невозможным отыскать не только требуемый материал, а подчас даже целый фонд, нередко попавший своими частями в три-четыре помещения. При этой непредвиденной даже за месяц разрухе архивного материала не могло быть и речи о продолжении налаженной работы по систематической разборке архивных материалов и подготовке его к наиболее удобному использованию для научно-исследовательских работ и хозяйственно-плановых заданий учреждений и организаций. Приходилось думать, прежде всего, о постепенном восстановлении нарушенного порядка в разгромленном материале¹¹.

В ноябре-декабре 1929 г. по требованию Татсовнархоза Исторический архив был выселен из двух временных хранилищ, документы «в том же беспорядке» были размещены на полу паперти кафедрального собора в Кремле, выделенного для размещения Архива Октябрьской революции, и на полу одной из церквей Ивановского монастыря¹². В отчете Татцентрархива за период с 1 октября 1929 г. по 1 октября 1930 г. читаем:

Внезапная катастрофа (оставление оборудованного помещения) отбросило архивное строительство в Татарской республике на несколько лет назад. Дореволюционные архивные материалы лежат в огромных штабелях в различных местах... Татцентрархив ждет от ЦАУ РСФСР поддержки перед СНК ТАССР в предоставлении и оборудовании под Исторический архив Воскресенской церкви...¹³.

Проведенное Центрахивом РСФСР в феврале и июне 1930 г. обследование Татцентрархива показало, что по своему состоянию его архивы находятся на последнем месте в РСФСР. «Нигде нет такого положения, чтобы материалы гнили в кучах, а советские органы безразлично относились к этому», – отмечалось в докладе. Далее обращалось внимание на то, что «Татархиву в необходимых средствах на оборудование Исторического архива много раз отказывал СНК Татарской республики»¹⁴.

В мае 1931 г., когда начали сносить церковь Ивановского монастыря, Исторический архив, благодаря самоотверженности кол-

лектива Татцентрархива и энергичному руководству командированного в Казань старшего архивиста-консультанта ЦАУ РСФСР Б.И. Анфилова, в рекордно короткие сроки был перевезен в Воскресенскую церковь. Тем самым архив был «спасен от вторичной разрухи и к большинству его фондов открылся доступ для научно-исследовательской работы при условии дальнейшей детальной их разборки»¹⁵.

Разборкой архивного материала и его погрузкой в Ивановской церкви руководил А.В. Волочков. Как он докладывал на производственном совещании 2 июня 1931 г., работать приходилось в тяжелых и опасных для жизни условиях – «холодно, пыльно, темно, град кирпичей с крыши разбираемого здания»¹⁶.

Последний переезд Исторического архива произошел в 1936 г., когда в соответствии с постановлением СНК ТАССР от 15 июля 1936 г. Татцентрархиву в безвозмездное пользование было передано здание бывшей старообрядческой церкви на ул. Старая¹⁷.

Этим же постановлением в безвозмездное пользование Татцентрархиву было передано и здание кафедрального Благовещенского собора в Кремле, куда в 1929–1930 гг. был перевезен Архив Октябрьской революции.

Документы Архива Октябрьской революции считались приоритетными, поэтому именно их в первую очередь перевозили, приводили в порядок и размещали на построенных в кафедральном соборе стеллажах. Приоритетность этих документов обуславливал также большой наплыв заявлений о выдаче справок (до 2000 в год) от частных лиц и компетентных органов, проводивших чистки аппаратов учреждений. Управлением Татацентрархива к разбору документов АОРа были привлечены сотрудники обоих архивов, архивариусы организаций, а также состоящие на учете на бирже труда¹⁸.

В 1932 г. руководство Татцентрархива обращается с ходатайством в СНК ТАССР о разрешении строительства специального архивного здания для концентрации в нем всех архивных материалов:

Ряд областных и республиканских центров (Самара, Н. Новгород, Кзыл-Орда, Харьков) уже приступили к постройке специальных архивных зданий. У нас же необходимость в этом еще более острая: доказывать важность сохранения всего архивного богатства Татреспублики не приходится. Татцентрархив по количеству и качеству архивных фондов стоит на одном из первых мест в СССР¹⁹.

Совнарком на заседании от 22 сентября 1932 г. признал необходимым концентрацию ценных фондов Татцентрархива в специально оборудованном помещении и определил ориентировочную стоимость строительства в 250 тыс. рублей²⁰. В январе 1933 г. был выделен участок в центре города на ул. Большая Галактионовская (ныне ул. Горького)²¹, в марте 1933 г. подготовлен эскизный проект на основе присланного ЦАУ РСФСР типового проекта краевого архива²².

Проект четырехэтажного здания архива предусматривал читальный, выставочный залы, кабинет архивоведения, библиотеку с каталогом, переплетную мастерскую, дезинфекционную камеру, склад макулатуры, душевые комнаты, столовую с кухней и обеденным залом для сотрудников.

Помещение архивохранилища на 30 тыс. погонных метров стеллажных полок было спроектировано изолированно от служебной части здания. Здание предполагалось оснастить двумя лифтами²³.

Переписка о строительстве велась до 1935 г., когда Госплан РСФСР окончательно отказал в финансировании строительства²⁴.

В 1935 году архивисты вплотную приступили к разборке и описанию перемещенных архивных документов. О необходимости этой работы говорилось на заседании Президиума ЦИК СССР от 27 июня 1935 г., который констатировал, что основной причиной неудовлетворительного состояния архивного дела в СССР является недостаток квалифицированных кадров и в ряду других мер постановил увеличить контингент приема студентов в Московский историко-архивный институт, а также сократить план издательской работы ЦАУ СССР «впредь до полного упорядочения архивного дела»²⁵.

В свою очередь, Президиум ЦИК ТАССР на заседании от 2 декабря 1935 г. обязал Татцентрархив довести разборку и описание архивных материалов государственных архивов в течение 1936 г. до 80 % и рекомендовал на должности научных сотрудников привлекать выпускников Московского историко-архивного института²⁶.

В 1935 г. в соответствии с постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 1 декабря 1934 г. Исторический архив и Архив Октябрьской революции получают статус республиканских архивов²⁷. В архивную службу республики приходят выпускники Московского историко-архивного института: управляющая Татцентрархивом Александра Ивановна Ямпольская, старший научный сотрудник Татцентрархива Владимир Георгиевич Бебешко. Директором Исторического архива со 2 марта 1935 г. назначается Мария Никола-

евна Олимпова²⁸, директором Архива Октябрьской революции в сентябре 1936 г. – Гасим Вагизович Каримов²⁹.

Основная работа по разборке документов завершилась в 1938 г. Свидетельство этому находим в отчете Татцентрархива за первое полугодие 1938 г.

1938 год явился годом завершения архивно-технической обработки, систематизации и описания материалов госархивов Татарии. У нас не имеется совершенно никаких, хотя бы незначительных, залежей архивных материалов...³⁰

Здания старообрядческой церкви на ул. Старая, бывшего кафедрального Благовещенского собора в Кремле и бывшего архива Казанского окружного суда на ул. Международной (ныне ул. Кремлевская) после «великого переселения архивов» на долгие годы остались в распоряжении архивистов.

Здание старообрядческой церкви было передано в ведение Министерства культуры Республики Татарстан 16 апреля 1992 г.³¹ и документы Национального архива перевезены в отведенные ему хранилища бывшего архива Татарского обкома КПСС.

Из кафедрального Благовещенского собора архив выехал в соответствии с постановлением Кабинета Министров Республики Татарстан от 22 мая 1995 г. в перестроенное здание Казанского химического научно-исследовательского института на ул. 8 Марта³².

В здании по ул. Кремлевской Национальный архив Республики Татарстан размещается и по сей день.

Примечания

- ¹ Государственная архивная служба Татарстана (1916–2006 гг.): Сб. документов и материалов / Отв. сост. Д.И. Ибрагимов; Сост. Л.В. Горохова, Н.Д. Нерозникова, Н.А. Шарангина. Казань: Гасыр, 2006.
- ² *Шамсутдинова Р.Г.* Архивное дело в Татарстане (конец XIX в. – 30-е гг. XX в.). Казань: Гасыр, 2007.
- ³ *Садькова Р.Б., Шамсутдинова Р.Г.* Архивы на службе социалистическому хозяйству // Гасырлар авазы. Эхо веков. 2001. № 1/2. С. 235–248; *Нерозникова Н.Д.* Первые руководители Национального архива Республики Татарстан (1928–1938 гг.) // Отечественные архивы. 2009. № 1. С. 3–10.
- ⁴ *Сальникова А.А., Шамсутдинова Р.Г.* Деятельность Татцентрархива по изучению и популяризации источников по истории Татарстана в 20-е гг. XX века // История государственности Республики Татарстан и современность: Материа-

- лы республиканской науч. конф. 8–9 декабря 1998 г. Казань, 2000. С. 106–108; *Шамсутдинова Р.Г.* Архивы Республики Татарстан: использование архивных документов в 1918 – начале 30-х гг. // Историческая наука в Казанском университете: Материалы науч. конф. 3–4 декабря 1999 г. Казань, 2000. С. 150–151; и др.
- ⁵ Национальный архив Республики Татарстан (далее НА РТ). Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 208. Л. 4.
 - ⁶ Там же. Оп. 4. Д. 51. Л. 2.
 - ⁷ Там же. Д. 69. Л. 33 об.
 - ⁸ Там же. Оп. 1. Д. 264. Л. 2.
 - ⁹ Там же. Д. 51. Л. 112.
 - ¹⁰ *Шамсутдинова Р.Г.* Архивное дело в Татарстане... С. 120.
 - ¹¹ НА РТ. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 264. Л. 35 об.
 - ¹² Там же. Л. 36.
 - ¹³ Там же. Д. 272. Л. 71.
 - ¹⁴ Там же. Д. 264. Л. 11 об. –12.
 - ¹⁵ Там же. Д. 308. Л. 43.
 - ¹⁶ Там же. Л. 26 об.
 - ¹⁷ Там же. Д. 665а. Л.12.
 - ¹⁸ Там же. Д. 257. Л. 27.
 - ¹⁹ Там же. Д. 425. Л. 39.
 - ²⁰ Там же. Л. 38.
 - ²¹ Там же. Л. 2, 50–50 об.
 - ²² Там же. Л. 61–72.
 - ²³ Там же. Л. 54–55 об.
 - ²⁴ Там же. Л. 26.
 - ²⁵ Там же. Д. 458. Л. 1–1 об.
 - ²⁶ Там же. Л. 3.
 - ²⁷ Там же. Д. 465. Л. 11.
 - ²⁸ Там же. Д. 51. Л. 130.
 - ²⁹ Там же. Д. 494. Л. 2.
 - ³⁰ Там же. Д. 565. Л. 51.
 - ³¹ Там же. Оп. 9. Д. 576. Л. 1–2.
 - ³² Там же. Ф. Р-128. Оп. 3. Д. 2222. Л. 6, 8.

Вклад историка-архивиста Д.Р. Шарафутдинова
в развитие архивного дела в Республике Татарстан
в конце XX – начале XXI в.

Статья посвящена памяти известного историка-архивиста, доктора исторических наук, лауреата Государственной премии Республики Татарстан в области науки и техники, главного редактора журнала «Гасырлар авазы – Эхо веков», заслуженного работника культуры Российской Федерации и Республики Татарстан Дамира Рауфовича Шарафутдинова, его деятельности на посту начальника Главного архивного управления при Кабинете министров Республики Татарстан.

Ключевые слова: Архивная служба Республики Татарстан, история архивного дела Татарстана XX в., научно-документальный журнал «Гасырлар авазы – Эхо веков».

Имя Дамира Рауфовича Шарафутдинова (1940–2014) хорошо известно в Республике Татарстан и за ее пределами. Доктор исторических наук, лауреат Государственной премии Республики Татарстан в области науки и техники, главный редактор журнала «Гасырлар авазы – Эхо веков», заслуженный работник культуры Российской Федерации и Республики Татарстан, член Союза журналистов и Союза писателей Республики Татарстан, Почетный архивист Российской Федерации, председатель Геральдического совета при Президенте Республики Татарстан. А еще он был председателем Федерации ТАССР по татаро-башкирской борьбе, председателем научно-консультативного совета и Общественного совета при Главном архивном управлении при Кабинете министров РТ, членом правления Общества историков-архивистов Татарстана, автором многочисленных публикаций.

Большую часть своей жизни Дамир Рауфович Шарафутдинов посвятил архивной отрасли. В 1993–2005 гг. возглавлял Главное

архивное управление при Кабинете министров Республики Татарстан. Но новичком в архивном деле не был: в 1985–1990 гг. являлся заведующим партийным архивом Татарского обкома КПСС.

Возглавив Архивное управление, Д.Р. Шарафутдинов начал, в первую очередь, с укрепления материально-технической базы архивов, расширения сети архивных учреждений, поднятия их статуса.

28 июня 1993 г. Кабинетом министров Республики Татарстан принято постановление «Об обеспечении сохранности архивных документов», которым были намечены меры по созданию межведомственных архивов по личному составу, а также преобразованию городских и районных госархивов в архивные отделы администраций городов и районов¹. В развитие данного документа 26 декабря 1994 г. постановлением Кабинета министров Республики Татарстан № 602 был создан Центр хранения документов по личному составу (ныне Государственный архив документов по личному составу РТ), основными задачами которого стали прием, хранение, учет и использование документов по личному составу реорганизованных и ликвидированных министерств, ведомств, независимо от формы собственности².

7 марта 1996 г. Кабинетом министров Республики Татарстан принято постановление № 185, в соответствии с которым Архивное управление было преобразовано в Главное архивное управление при Кабинете министров Республики Татарстан, ЦГА РТ – в Национальный архив Республики Татарстан, ЦХИДНИТ – в Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан³. Таким образом, к концу XX в. сложилась сеть архивных учреждений республики, которая пополнилась в 1999 г. созданием Центрального государственного архива аудиовизуальных документов Республики Татарстан⁴.

13 июня 1996 г. Государственным советом РТ был принят закон «Об Архивном фонде Республики Татарстан и архивах». Во исполнение данного закона постановлением Кабинета министров РТ от 23 мая 1997 г. «О реализации Закона Республики Татарстан “Об Архивном фонде Республики Татарстан и архивах”» было утверждено Положение об Архивном фонде РТ. Закон и Положение стали основными правовыми документами, регламентирующими вопросы организации комплектования, хранения, учета и использования документов АФ РФТ и управления архивами⁵.

В июне 2001 г. вступил в силу закон Республики Татарстан «Об административной ответственности за нарушение архивного законодательства Республики Татарстан», направленный на усиление

мер по обеспечению сохранности Архивного фонда республики. В целях практической реализации закона в Главном архивном управлении была определена должность главного архивного инспектора, призванного контролировать исполнение закона⁶.

Работа по обеспечению сохранности документов Архивного фонда РТ была для Д.Р. Шарафутдинова одной из приоритетных. 22 мая 1995 г. постановлением Кабинета Министров РТ принято решение о передаче 5-этажного здания Казанского химического научно-исследовательского института Архивному управлению РТ⁷. После реконструкции корпуса в 1997 г. в него начали перемещать документы Национального архива Республики Татарстан из Благовещенского собора г. Казани и подвального помещения здания по ул. Кремлевская, д. 2а, а также Центра хранения документов по личному составу Республики Татарстан. На этом, как у нас говорят, закончился «церковно-подвальный» период истории архивов республики.

Работа по улучшению условий хранения документов не только государственных, но и муниципальных и ведомственных архивов проводилась на всем протяжении деятельности Д.Р. Шарафутдинова на посту начальника Архивного управления. Так, только в течение 1990-х гг. более 25 архивных отделов администраций городов и районов улучшили свои условия – получили новые здания или дополнительные площади, провели ремонт имеющихся помещений, были обеспечены огнетушителями, компьютерной и множительной техникой, оборудованы пожарно-охранной сигнализацией⁸.

В практике работы Главного архивного управления традиционным стало подписание совместных приказов с министерствами и ведомствами, которые предусматривали комплекс мер по своевременной передаче в государственные архивы документов Архивного фонда РТ. Такие приказы, в частности, были подписаны с Прокуратурой РТ, министерствами сельского хозяйства и продовольствия, лесного хозяйства, юстиции, культуры, строительства и жилищно-коммунального хозяйства, Потребительским союзом республики.

Большое внимание Д.Р. Шарафутдинов уделял развитию международных связей и много сделал для того, чтобы, с одной стороны, о документах, хранящихся в архивах Татарстана, узнали далеко за его пределами, а с другой – чтобы благодаря этим связям в республиканские архивы возвращались копии документов по истории нашего края и его народов. Начало международной деятельности было положено в октябре 1994 г., когда Архивная служба РТ по

рекомендации Росархива была принята в Международный совет архивов⁹. Членство в МСА дало возможность участвовать в конгрессах Генеральной ассамблеи Совета, ежегодных конференциях по проблемам архивного дела, пользоваться международными изданиями архивного характера. И уже в сентябре 1995 г. Д.Р. Шарафутдинов представлял Архивную службу РТ в Вашингтоне на XXXI Международной конференции круглого стола архивов. В рамках конференции состоялись его встречи с Генеральным секретарем Международного совета архивов Шарлем Кечкемети, с руководителями государственных архивных служб США, Великобритании, Германии, Монголии, Пакистана, Польши, Эстонии, в ходе которых поднимались вопросы из различных аспектов перспективного сотрудничества в области архивного дела.

В августе 1995 г. в Казани с официальным визитом находился генеральный директор государственных архивов при премьер-министре Турецкой Республики Исмет Бинарк. В рамках визита состоялось подписание Протокола о сотрудничестве между Архивным управлением при Кабинете министров РТ и Генеральным управлением государственных архивов при премьер-министре Республики Турция, который продлевался в последующие годы. С того времени в Национальный архив РТ поступили уже сотни копий документов по истории Татарстана и татарского народа, которые составили коллекцию «Татарика». Эта коллекция в дальнейшем пополнилась документами из архивов Швеции, Польши, Литвы, других стран.

В 1996–1999 гг. Соглашения о сотрудничестве были заключены с Генеральной дирекцией государственных архивов Республики Польша, архивными службами Российской Федерации, Республики Кыргызстан, Чувашской Республики, Удмуртской Республики, Республики Марий Эл, Республики Башкортостан.

Как известно, в декабре 2000 г. было создано еще одно международное сообщество – Евроазиатское региональное отделение МСА – ЕВРАЗИКА. Главное архивное управление при Кабинете министров РТ в 2002 г. подало заявку на вступление в эту организацию. В ноябре 2003 г. в Минске прошла IV Общая конференция ЕВРАЗИКИ, на которой Главное архивное управление при Кабинете министров РТ было принято полноправным членом ЕВРАЗИКИ¹⁰.

Одним из направлений деятельности архивов, которое активно развивалось при Д.Р. Шарафутдинове, была работа по подготовке, переподготовке и повышению квалификации архивных работников. Так, в 1994 г. на базе профессионального лицея № 9 была организована подготовка специалистов средней квалификации по

специальности «делопроизводство и архивоведение» с дневной и заочной формой обучения. Учащимися заочного отделения являлись сотрудники государственных и ведомственных архивов, архивных отделов администраций городов и районов. Всего обучение прошли около 200 человек¹¹.

С сентября 2000 г. на базе инженерно-экономического факультета Казанского государственного энергетического университета начала обучение группа студентов по специальности «историко-архивоведение». Кафедральный коллектив, а затем кафедру «истории и архивного дела» на протяжении ряда лет возглавлял Д.Р. Шарафутдинов. В течение 10 лет осуществлялась подготовка специалистов на этой кафедре. Ряд выпускников и сегодня работают в архивах республики. Дамир Рауфович не просто возглавлял кафедру, но и читал лекции, являлся руководителем научных работ студентов и аспирантов.

В сентябре 2001 г. подготовка историков-архивистов начала осуществляться на заочном отделении Казанского филиала Российского государственного гуманитарного университета. Студентами отделения стали работники республиканских, районных и ведомственных архивов, а также архивисты регионов РФ.

Привлечению внимания общественности, в том числе научной, к работе архивистов, способствовало создание в декабре 1993 г. Общества историков-архивистов РТ¹². Приоритетными направлениями деятельности Общества стали участие в организации документальных выставок и историко-просветительских чтений, которые проводились совместно с государственными архивами, музеями, библиотеками, учебными заведениями республики и с привлечением известных ученых, политиков, деятелей культуры и искусства. Опыт работы Общества историков-архивистов РТ неоднократно получал положительную оценку правления Центрального Совета РОИА.

Конечно, наиболее ярким событием в деятельности Д.Р. Шарафутдинова стал выпуск научно-документального журнала «Гасырлар авазы – Эхо веков», бессменным редактором которого он являлся почти 20 лет. В мае 1995 г. вышел в свет первый номер журнала, и в 2015 г. он отметил свой 20-летний юбилей. В настоящее время познакомиться с его содержанием возможно и в электронном виде. В 2011 г. журнал был удостоен Государственной премии Республики Татарстан в области науки и техники.

В 2002 г. с целью расширения круга читателей журнала и его приложений Главное архивное управление передало в дар сельским библиотекам республики более тысячи экземпляров журнала

за 1996–2001 гг. Эту традицию архивисты Татарстана стараются поддерживать и сегодня, передавая в дар учебным заведениям республики издания, подготовленные Главным архивным управлением и госархивами.

Д.Р. Шарафутдинов был не только государственным, научным и общественным деятелем. Все, кто знал его, скажут, что это был человек с очень широким кругозором, интересная, творческая личность. В 2011 г. Дамир Рауфович выпустил книгу раздумий и изречений, написанных в поэтической форме. В этом издании отразился жизненный опыт, характер и душа автора, и оно стало его своеобразным завещанием¹³.

Очевидно, что вклад Д.Р. Шарафутдинова в архивную отрасль Республики Татарстан очень весомый. Хочется верить, что архивисты республики будут достойно продолжать начатые им дела.

Примечания

- ¹ Государственная архивная служба Татарстана (1916–2006 гг.): Сб. док. и материалов / Отв. сост. Д.И. Ибрагимов; сост. Л.В. Горохова, Н.Д. Нерозникова, Н.А. Шарангина. Казань: Гасыр, 2006. С. 289–290.
- ² Там же. С. 291.
- ³ Там же. С. 293.
- ⁴ Там же. С. 306.
- ⁵ Там же. С. 297–298.
- ⁶ *Ибрагимов Д.И.* История архивной службы Республики Татарстан (вторая половина XX – начало XXI в.) / Главное архивное управление при Кабинете министров РТ. Казань, 2011. С. 325.
- ⁷ Государственная архивная служба Татарстана... С. 292.
- ⁸ Там же. С. 310.
- ⁹ Там же. С. 290.
- ¹⁰ *Ибрагимов Д.И.* Указ. соч. С. 344.
- ¹¹ Там же. С. 193.
- ¹² Там же. С. 285.
- ¹³ *Шарафутдинов Д.Р.* Мысли вслух: Раздумья. Изречения. Казань, 2011.

И.А. Гордеева, О.В. Заславская

Хиппи бросают вызов историкам:
современные проблемы собирания
и публикации документов
по истории новых социальных движений

В статье дается анализ перспектив сохранения документального наследия новых социальных движений (НСД) на примере независимого мирного движения в СССР. Решение этой проблемы особенно актуально в связи с тем, что социально-политическая и культурная специфика подобных движений не способствует документированию их истории, что значительно осложняет работу профессиональных историков. В статье, в том числе и на опыте самих участников НСД по формированию «виртуального архива» своего движения, показана актуальность и намечены перспективы развития информационных технологий, цифровой гуманитаристики и методов сетевой гражданской науки и их применения в архивной и археографической практике.

Ключевые слова: цифровая гуманитаристика, новые социальные движения, низовое мирное движение, пацифизм, негосударственные архивы, советские хиппи, реконструкция архивных фондов, краудсорсинг, сетевая гражданская наука.

Социальные движения, как «свободно организованные коллективы, действующие совместно в неинституализированной форме для того, чтобы произвести изменения в обществе»¹, являются важнейшей частью современной жизни, они «позволяют взглянуть на возможные сценарии будущего и являются в известном смысле средствами его воплощения»². Н. Луман рассматривает социальные движения как одну из самовоспроизводящихся подсистем общества, объясняя их сущность как протест «жизненного мира» против колонизации «системой»³. С его точки зрения социальные движения выполняют функцию иммунной системы

общества, указывая на нарушения общественной коммуникации, являясь, таким образом, чуткими индикаторами состояния общества, его явных и скрытых проблем и достижений.

Развитие теории социальных движений привело к появлению новых подходов и терминов, их описывающих. В современной историографии особенно актуальным является вопрос о роли неполитического измерения в изучении современных социальных движений (в первую очередь – молодежных). Исследователи разделяют традиционные и новые социальные движения (НСД): если первые преимущественно ставят перед собой цель борьбы за политическую власть, то НСД в первую очередь направлены на изменение ценностей и стилей жизни⁴.

Изучение истории социальных движений – одна из важных исследовательских задач для представителей разных дисциплин. Как отмечала в 2008 г. исследователь панк-движения в России О. Аксютина, «российское академическое сообщество до недавних пор упорно обходило своим вниманием как молодежные субкультуры, так и современные низовые протестные движения и контркультуры»⁵. С тех пор ситуация почти не изменилась; если социологи, политологи и антропологи хоть в какой-то степени проявляют интерес к НСД, то, к сожалению, историки не спешат заняться их изучением. На наш взгляд, одна из главных причин такой ситуации связана с проблемой поиска исторических источников, необходимых для изучения данного феномена.

В данной статье основное внимание будет уделено особенностям источниковедческой базы для изучения НСД на примере низового мирного движения в Советском Союзе в период позднего социализма и первые годы перестройки, а также современному состоянию и перспективам археографического освоения этой базы. Необходимо отметить, что природа социальных движений, особенно в условиях авторитарных режимов, создает особые сложности для идентификации документальной базы для их изучения. В отличие от политических партий и организаций, являющихся субъектами традиционных общественных движений, группы, участвующие в НСД, мало обращают внимания на документирование своей деятельности и очень редко оставляют после себя целостные архивные фонды, что связано с рядом причин, на которых мы остановимся ниже.

Начнем с того, что любое социальное движение обладает «диффузной коллективностью с низким уровнем формальной организации»⁶, а НСД к тому же имеют пеструю социальную базу, которая самоорганизуется в разветвленные социальные сети. Сам характер

самоорганизации НСД не способствует документированию их активности; хотя социальные движения «существуют дольше, чем толпы, массы и сборища, и более интегрированы по сравнению с ними», но, тем не менее, они «децентрализованы и не принимают формы жесткой, иерархической организации»⁷. Для их организационной структуры характерна децентрализация, самоуправление, горизонтальные коммуникации, сознательно противопоставляемые строению иерархически-бюрократических структур институциональных организаций и старых движений. Характерные для НСД неформальное членство и неустойчивая численность также делают проблематичным собирание и сохранение их документального наследия.

Наглядным примером тех сложностей, которые возникают в процессе формирования документального наследия НСД и современных проблем с его публикацией, является проблема источниковой базы по истории низового мирного движения в СССР (также известного как пацифистское движение). Это движение – одно из НСД, возникших в странах Восточной Европы в позднесоветский период. Хотя в последнее время появились работы, посвященные низовому мирному движению в странах Восточной Европы⁸, аналогичное движение в Советском Союзе остается неизученным.

В историческом плане советское низовое мирное движение является связующим звеном между правозащитным движением и новейшими НСД: возникнув в конце 1970-х годов, оно заявило о себе в публичном пространстве в 1982 г. и сошло на нет в начале 1990-х. Будучи тесно связанным с неформальными движениями и первыми протопартийными формированиями периода перестройки, оно имеет свои корни в общественно-политических идеях мировой научной общественности периода «холодной войны», движения отказников, а также в субкультуре советских хиппи. При этом структурно и идеологически независимое мирное движение ближе к российским НСД 1990–2000-х гг.

Среди основных неформальных групп, составлявших это движение, можно отметить, во-первых, такие объединения, как *Группа за установление Доверия между СССР и США (Востоком и Западом)* с ее отделениями в разных городах; семинар *Демократия и гуманизм* (Москва); группа *Дружба и диалог* и семинар *Мирные и социальные исследования* (г. Долгопрудный); группа *Свободная инициатива*; социальная сеть советских хиппи («Система»); *Инициативная группа защиты прав инвалидов в СССР* и ее зарубежное представительство; экуменический кружок Сандр Риги; *Транснациональная радикальная партия (ТРП)* и ее отделения в советских

республиках; партия *Демократический союз* (в ранний период своей истории); *Радикальная ассоциация за мир и свободу (РАМС)*, *Антимилитаристская радикальная ассоциация (АРА)*. Кроме того, это ряд неформальных организаций перестроечного периода, связанных с проблемами эмиграции и народной дипломатии (*Вахта мира*, *Братство диалога*, *Свобода эмиграции для всех*, *Дипломатия граждан*); общедемократические и анархистские объединения, участники которых в той или иной степени разделяли пацифистскую повестку дня (Конфедерация анархо-синдикалистов (КАС), Коммуна-1 и Движение молодежи за мир и свободу в Пскове. Также с движением были тесно связаны зарубежные группы, созданные с целью солидарности и поддержки низового мирного движения в СССР (U.K. Trustbuilders, голландская Groepna Doverija, социальная сеть Neither East Nor West, Peace Magazine и др.)

Социальная база низового мирного движения разнообразна и весьма парадоксальна. В 1980-е годы к нему принадлежали отказники⁹, участники еврейского эмиграционного движения, физики, математики, инженеры и другие ученые, художники-нонконформисты и рок-музыканты, пятидесятники из незарегистрированных общин, инвалиды. Принимали участие в движении и отдельные диссиденты и представители советского леворадикального подполья. На разных этапах развития движения численное соотношение представителей тех или иных группы было различным. Кроме того, почти каждая из упомянутых групп была сложно структурирована, что хорошо видно на примере хиппи.

Движение хиппи появилось в СССР в конце 1960-х годов. «Система», как они сами себя называли, представляла собой весьма пестрое сообщество «хиппующей, божественной, просто неприкаянной публики», которая выделялась своим внешним видом, собиралась на свои тусовки, путешествовала автостопом по стране¹⁰, увлекалась рок-музыкой, экспериментировала с наркотиками, заявляла о своей приверженности идеалам пацифизма и свободной любви, при этом находилась в интенсивном религиозном поиске. Хиппи, как носители неофициальной, контркультурной идеологии, активно контактировали с рок-тусовкой, диссидентами, художниками-нонконформистами, писателями и поэтами, музыкантами и другими представителями богемы, с религиозными кругами, фарцовщиками.

История советских хиппи и прочих представителей «автономных сообществ» 1970–1980-х годов находится на пересечении социальной, политической, интеллектуальной и культурной истории и выводит исследователей на изучение проблемы генезиса НСД.

Первое, с чем сталкивается историк советских хиппи и прочих протестных субкультур – практически полное отсутствие источников в государственных архивах. В случае с хиппи ситуация осложняется еще и тем, что это преимущественно молодежное движение. Молодым людям редко свойственно заботиться о документировании своей деятельности, следы которой тем не менее можно найти в документальных массивах тех или иных контролирующих структур государства, предметом пристального наблюдения и дисциплинарного воздействия которого является молодежь.

НСД, как правило, в своем составе имеют маргинальные группы и представителей самых различных меньшинств: национальных, сексуальных, религиозных и других. Более того, в силу особенностей социальной истории, в ходе своей жизнедеятельности представители этих групп еще больше маргинализируются (становятся тунеядцами, алкоголиками, наркоманами, бродягами, практикуют суицид, лишаются родительских прав, попадают в тюрьмы и психиатрические больницы и т. п.). Собрание и сохранение источников, созданных в таких маргинальных средах, всегда было большой проблемой. Точка зрения государства и его экспертов (социологов, культурологов, этнографов и религиоведов) на подобные явления является весьма пристрастной, а потому источники официального происхождения в данном случае будут малоинформативными.

Советские неформалы 1970–1980-х годов, стремясь уйти от внимания государства, создавали альтернативные социокультурные пространства, что также препятствовало складыванию документальных комплексов. Участники неформальных движений были склонны к социальному эскапизму и экспериментам с образом жизни, что порождало нетрадиционные гендерные, брачные, демографические практики, формы образования и самообразования, трудовой занятости («поколение дворников и сторожей») и расселения (флэты, коммуны, сквоты и т. п.). Кроме того, для них характерно крайне негативное отношение и к социалистической идеологии, и к капитализму с его культурой потребления, а также дисциплинарным институтам государства. Критикуя эти явления, они создавали идеологические тексты, которые редко попадают в поле внимания исследователей. Эти тексты можно найти в музыкальной культуре, самиздате и фольклоре, они хранятся чаще всего в частных коллекциях, и, соответственно, постоянно находятся под угрозой уничтожения.

НСД нередко зарождаются в пространстве художественного, литературного и музыкального андеграунда, который оставляет после себя весьма нестандартные литературные и художественные

источники. Также они тесно связаны с религиозными поисками, интересом к традиционным и нетрадиционным религиям и духовным практикам. Религиозные обращения нередко приводили к уничтожению личных архивов за более ранний период биографии участников НСД, который с точки зрения обретенной веры переоценивался негативным образом.

Еще одна особенность НСД, негативно влияющая на документирование их деятельности, состоит в том, что такие движения «живут внутренней, политически невидимой жизнью», они игнорируют «политическую борьбу» в традиционном смысле этого понятия – как борьбу за власть. НСД стремятся изменить общество посредством изменения культуры, ценностей, норм, символов, стилей жизни, идентичностей. Традиционной политической борьбе они противопоставляют политику «от первого лица», политику стилей жизни, политику «повседневности», суть которой – восприятие «частного» как «политического». Соответственно, спонтанный, стихийный, внеинституциональный характер носят и формы коллективных действий НСД, выражаясь в методах прямой демократии (демонстрации, митинги, марши протеста, захваты территорий и зданий и т. п.) и в различных методах продвижения в обществе желаемых культурных новаций.

Пацифистское движение изначально строилось по сетевому принципу («Система» советских хиппи, участвовавших в движении, – это в том числе и система «вписок», флэтов, опорных точек коммуникаций в виде кафе, тусовок и автостопа; аналогичным образом было устроено движение евреев-отказников, из которого рекрутировались участники Группы Доверия). Соответственно какая-либо организованная система сбора и хранения документов и артефактов не существовала.

Поиск первоисточников по истории низового мирного движения весьма непросто еще и по причинам, связанным с особенностями восприятия участников НСД в СССР. Как правило, они рассматривались представителями советской власти не как общественное движение, а как социальная девиация (тунеядцы, хиппи-наркоманы и т. п.), в качестве таковой они фиксировались в документах официальных организаций и карательных органов. Не только у представителей властей, но и в целом в «большом» обществе они не находили понимания, им отказывали в искренности. К тому же и сами участники движения далеко не всегда осознавали себя именно в качестве общественных деятелей. Как общественные активисты они были гораздо лучше известны за рубежом, чем в России. В связи с этим неудивительно, что наиболее крупные массивы до-

кументов по истории низового мирного движения можно найти за рубежом, в архивах самиздата.

При этом представители НСД, в том числе и хиппи, становились объектами правозащитной деятельности и героями самиздата диссидентов – своих старших более опытных и политизированных товарищей по борьбе. Так, в ведущем издании правозащитников Хроника текущих событий (ХТС) упоминаются несколько человек из среды хиппи, которые подвергались преследованиям, среди них и Ю. Бураков (Солнце) – лидер «Системы» начала 1970-х годов¹¹. Коллекции самиздата являются самым перспективным направлением с точки зрения поиска исторических источников для изучения НСД.

Хорошо описанный и каталогизированный Архив Самиздата, хранящийся в Будапеште, является одним из самых важных источников для изучения НСД¹². Он содержит в себе в том числе и тематические подборки самиздата и материалов советской и зарубежной прессы – сотни уникальных, ранее нигде не публиковавшихся и не цитировавшихся документов по истории независимого мирного движения в СССР. В основном это документы, освещающие деятельность Группы Доверия, неформальной организации советских хиппи Свободная инициатива и Инициативной группы защиты прав инвалидов в СССР. Оказалось, что история этих групп, практически не представленных в работах профессиональных историков, настолько хорошо обеспечена материалами, что, например, историю Группы Доверия можно реконструировать на базе этих источников чуть ли не по дням.

Настоящим сюрпризом для историков стал тот факт, что ныне здравствующие участники низового мирного движения, а именно советские хиппи, не дождавшись, когда их начнут изучать профессиональные исследователи, занялись реконструкцией истории своего движения, используя для этого все доступные средства, в том числе и виртуальное пространство¹³. Хиппи даже сами занялись устной историей¹⁴. На интернет-форумах бывших советских хиппи и прочих специализированных ресурсах¹⁵ ведутся дискуссии о самом феномене советских хиппи и их историческом опыте. Казалось бы, исчезнувшее, уже более двадцати лет не существовавшее сообщество советских хиппи сумело возродить себя в виртуальном пространстве, причем значительную часть в этом возрождении занимает публикация воспоминаний и коммуникация по поводу прошлого – одновременно и ностальгическая и критическая. Многочисленные ресурсы в Интернете предоставляют площадку для хранения огромного фотографического и художественного насле-

дия советской контркультуры, общения и споров, стихийного развития *digital humanities* (цифровая гуманитаристика) силами самих оставшихся в живых представителей этих субкультур.

Особое место среди публикаций занимают львовские издания – воспоминания, художественные произведения и прочие материалы по истории львовской неформальной тусовки¹⁶. Страничка львовского хиппи Алика Олисевича (Алик Львовский) в фейсбуке даже содержит специальный раздел с отсканированными материалами прессы.

Выход в свет сборников львовских хиппи является целиком заслугой львовского врача-анестезиолога И. Банаха, чуть раньше него восстанавливать память о львовских неформалах начал бывший участник рок-группы «Вуйки», а ныне краевед Илько Лемко (И. Семенов). Основателем ресурса hippu.ru является близкая к хипповой идеологии Л. Малышева.

Историки и архивисты, как, впрочем, и представители других гуманитарных наук, сильно отстают от самих участников изучаемых ими событий в плане собирания и публикации первоисточников. Тем не менее их профессиональное участие в деле сохранения памяти об истории социальных движений в позднесоветское и постсоветское время крайне необходимо по ряду причин. Во-первых, почти тотальный аполитизм подавляющего большинства хиппи и представителей музыкального и художественного андеграунда, который с конца 1980-х в большинстве случаев только возрастал, привел к тому, что они отказывают в общественной значимости инициативам тех своих современников, которые целенаправленно занимались общественной борьбой, указывая на их сугубо корыстные мотивы или объясняя их деятельность с помощью теорий заговора.

Во-вторых, это изолированность восприятия: зачастую создатели «ностальгических» ресурсов, посвященных контркультурам, не осознают, что их друзья и они сами были участниками общественного движения, достойного сохранения своего документального наследия и академического изучения.

В третьих, значительная часть сообщества хиппи в настоящее время представляет из себя субкультуру православных воцерковленных, склонных отрицать значимость отдельных аспектов своего контркультурного прошлого, и в первую очередь – активного участия в перестройке или процессах, которые к ней привели.

Инициатива хиппи, внесших значительный вклад в публичную историю своего движения, без сомнения, должна быть поддержана академическим сообществом, и в первую очередь историками.

Однако прежде чем историки смогут приступить к своим исследованиям, необходимо более подробно рассмотреть вопросы, связанные с источниковедческой базой, с учетом тех возможностей, которые открылись в связи с новейшими разработками в области применения информационных технологий, цифровой гуманитаристикой (digital humanities) и методами цифровой истории (digital history) в том числе. Кажется целесообразным использовать рост исторического самосознания бывших участников движения (простимулированный, с одной стороны, современной социально-политической ситуацией в России, а с другой – возможностями интернет-технологий) для мобилизации их усилий по архивированию источников, в том числе из личных архивов.

Как показала история, ни государственные, ни существующие сегодня в России общественные архивы и библиотеки не готовы заниматься сбором и публикацией архивов и других материалов по истории НСД. Крупнейшие государственные библиотеки России – РГБ, ГПИБ, РНБ – приступили в 1989 г. к комплектованию своих фондов материалами альтернативной периодической печати, но к настоящему времени это направление сохранено лишь у ГПИБ¹⁷.

Помимо того, в России есть масса проблем как объективного (тайна персональных данных), так и субъективного (ведомственность, ужесточение политики секретности) характера с доступом к источникам официального происхождения позднего советского времени. Многие из них связаны в том числе и с тем, что постсоветские архивы – точно так же как и советские – не соответствуют «культурно-гуманитарной» модели архива¹⁸, являются институциями государственной, а не общественной памяти и даже не ставят перед собой цели способствовать осуществлению горизонтальных коммуникаций в гражданском обществе. Понятно, что при таком подходе рассчитывать на полноценное комплектование современных государственных архивов документами по истории гражданского общества не приходится.

Комплектованием фондами политических партий и общественных организаций занимаются такие государственные архивы, как РГАСПИ, РГАНИ, ЦАОПИМ и ГАРФ¹⁹. Они крайне слабо и несистематично комплектуются документами новейших политических партий, общественных организаций и НКО. Состав фондов, связанных с историей общественных движений последних тридцати лет, в этих архивах беден, их содержание в основном нерепрезентативно. Малочисленные, часто случайные по составу и содержанию, эти фонды никак не отражают многообразия

активности российского гражданского общества позднего советского и постсоветского периодов. Ситуация напоминает положение с комплектованием документами частного бизнеса 1990–2000 гг.: они не поступали на государственное хранение и практически совсем утрачены²⁰.

Казалось бы, альтернативой государственным архивам в области собирания и публикации такой документации могли бы стать общественные и частные хранилища и библиотеки. НСД возникли еще в позднее советское время и долгое время сосуществовали с диссидентским движением в одном культурно-информационном пространстве. Материалы самиздата и новой политической прессы – бесценный источник для изучения предшественников новых движений 1970–1980-х годов, однако они расплывлены по многим хранилищам, часть из которых в последнее время просто прекратила свое существование²¹. Практически все крупные фонды и коллекции самиздата и альтернативной периодической прессы были основаны в 1988 – начале 1989 г., но период их активного комплектования был недолог (как правило, до начала 1990-х годов); в течение 1990-х годов почти все они были закрыты, а собрания либо переданы в государственные библиотеки, либо утрачены²². Одними из немногих собраний, доступных в настоящее время исследователям, являются коллекции ИНПЦ Мемориал (Москва) и архив А.Д. Сахарова, однако они не занимаются комплектацией документов НСД и современных общественных организаций.

В подобной ситуации внимание историка, находящегося в поиске исторических источников для изучения НСД, перемещается на Запад. Действительно, западная архивная россика позднего советского и раннего постсоветского периода представляет собой нечто вроде Клондайка, доступность которого стремительно растет в связи с развитием электронных НСА. Так, например, многочисленные документы по истории советского низового мирного движения можно найти в Архиве Открытого общества (Будапешт)²³, в архиве Международного института социальной истории (Амстердам)²⁴, в архиве Лондонской школы экономики²⁵, в Digital Archives Wilson Center²⁶, в архивах различных западных правозащитных и мирных организаций, в сетевых online-архивах зарубежной прессы, в личных фондах правозащитников и мирных активистов, во множестве других хранилищ международных и общественных организаций.

Такое разнообразие архивных коллекций за рубежом объясняется транснациональным характером пацифистских движений, который выражался в контактах его советских и российских участников с единомышленниками за рубежом, в трансграничной цир-

куляции текстов, в проведении совместных акций и мероприятий, в постоянном деятельном внимании зарубежной общественности к деятельности активистов низовых инициатив в СССР. Поиск следов таких контактов, взаимосвязей и взаимовлияния – сложная и продуктивная задача для историков и архивистов²⁷.

Дополнительным способом архивирования и публикации документов по истории НСД может стать виртуальное пространство, перспективы использования которого интуитивно почувствовали представители сообщества бывших советских хиппи, пытаясь написать собственную историю online. Насколько возможности современных информационных технологий могут способствовать решению проблем, связанных с реконструкцией «гипотетического» архива социальных движений? Мы предлагаем подход, основанный, во-первых, на теоретических наработках в области методов реконструкции фондов, а во-вторых, в археографическом плане с учетом специфики электронной публикации документов.

В отечественной архивоведческой традиции существует особое направление теоретического поиска – реконструкция архивных фондов²⁸. В практическом плане такая реконструкция означала, согласно определению, данному в «Словаре современной архивной терминологии социалистических стран»: «1) восстановление основного содержания частично или полностью утраченного архивного фонда в его первоначальном или близком к первоначальному виде с помощью идеальной (гипотетической) описи²⁹; 2) воссоединение в одном архиве разрозненных частей архивного фонда и составление его реальной³⁰ описи»³¹.

Изначально методика реконструкции архивных фондов имела своей целью именно восстановление утраченных *архивных фондов* и основана на сочетании источниковедения с методиками архивоведения, историографии, исторической антропологии и других гуманитарных дисциплин. Однако важно различать *архивный* и *документальный* фонды, где последний есть «совокупность документов, образующихся в процессе деятельности организации или лица (лиц)», возникающая «как следствие деятельности того или иного учреждения, а не как результат усилий архивиста»; в то время как *архивный* фонд – это «документальный фонд или его часть, принятые на государственное хранение, либо сформированная в архиве обособленная совокупность документов, исторически и/или логически связанных между собой (является учетной и классификационной единицей ГАФ)»³². Таким образом, одним из возможных решений задачи преодоления распыленности источников по истории НСД может стать виртуальная реконструкция документального фонда,

представляющего собой некую гипотетическую совокупность³³ документов, которые были созданы в процессе жизнедеятельности несостоявшегося фондообразователя. При этом речь идет о реконструкции не только фондов, но и коллекций по истории таких движений.

Уже советские архивисты, помимо необходимости физического воссоединения фонда в одном архивохранилище, рассматривали возможность решения проблем реконструкции фондов «путем использования средств *гипотетической реконструкции* – создания гибких НСА, улучшения информационной деятельности, уточнения профилей комплектования архивов и использования множительной техники»³⁴. В идеале такие проекты должны были заканчиваться «пофондовыми публикациями» («не только воспроизведение материалов одного архивного фонда, а введение в научный оборот всего комплекса документов, образованного тем или иным учреждением, организацией, лицом, независимо от места хранения») ³⁵. Западная архивная мысль развивалась в том же направлении, особенно в связи с развитием информационных технологий, которые позволили разработать и принять международные стандарты архивных описаний на основе принципа совместимости архивных фондов.

Методику реконструкции утраченных фондов, разработанную российскими архивистами, можно применять и для конструирования фондов и коллекций НСД. Такая задача требует в том числе и выявления и приведения в систему *закономерности поиска документов* по их истории (по мнению В.Н. Автократова, эвристические закономерности «проявляются и повторяются при наложении типических поисковых задач на существующие средства архивного поиска, которые также имеют свои закономерности») ³⁶. Смысл реконструкции – не просто найти некоторое количество документов того или иного движения, а попытаться установить между ними связь, уловить качественную закономерность образования данной совокупности и поддерживать ее целостность³⁷.

Начальным этапом такой реконструкции является конструирование историками схемы сетей, составляющих основу того или иного социального движения и состоящих из различных групп, кружков, клубов и других организаций, семинаров, персоналий, печатных изданий, информационных событий и т. п. Следующий этап – это коллекционирование в виртуальном пространстве документов, созданных как самими участниками сети, так и внешними наблюдателями. Это коллекционирование сопровождается описанием известных и утерянных документов и материалов через так

называемые следы (footprints). Так, работая над проектом «Советская периодика самиздата» (основной целью которого было создание базы данных периодических изданий неподцензурной прессы позднего советского периода), исследователи столкнулись с тем, что к моменту описания некоторые издания были безвозвратно утрачены по ряду причин (потеряны, уничтожены, конфискованы при обысках и т. д.), однако о них сохранилась информация в воспоминаниях, интервью или в других периодических изданиях³⁸.

Методика и результативность поиска подобных «следов» зависит от многих факторов, далеко не всегда удается получить более или менее убедительную информацию о тираже изданий, количестве сохранившихся экземпляров, редакторах и авторах; кроме того, такой подход требует дополнительных материальных средств на информационную эвристику, поиск свидетелей и т. д. Подобные трудности довольно часто приходится преодолевать при работе с документальным наследием социальных движений как отдаленного прошлого, так и существующих в настоящее время. Однако развитие информационных технологий позволяет внедрять новые методы поиска и архивирования распыленных и разрозненных документальных источников.

В качестве примера можно привести опыт европейского культурно-информационного портала *Europeana*, который можно описать таким термином, как «краудсорсинг» (crowdcoursing)³⁹. В рамках по крайней мере двух проектов *Europeana* использовала этот метод для пополнения своей виртуальной коллекции, причем не только при помощи обычного в таком случае призыва «пришлите мне ваши документы», но через организацию специальных кампаний в разных странах и городах, в рамках которых обладатели частных архивов и коллекций могли прийти и на месте подготовить документы и артефакты (предметы, произведения искусства и т. д.) к электронному архивированию (digitalization, или создание цифровых копий); при этом оригиналы могут оставаться как в частных коллекциях, так и передаваться на хранение в традиционные архивы⁴⁰.

Краудсорсинг, таким образом, позволяет передавать неструктурированные ресурсы (неописанные документы) профессиональным структурам, которые могут решать сложные проблемы, связанные с обработкой, сохранением и публикацией исторического документального наследия в форме их цифровых репрезентаций (копий). Однако только достаточно крупные организации могут позволить себе подобную практику (в основном за счет грантовой поддержки), поэтому встает вопрос о возможностях повседневного онлайн-краудсорсинга. Вопрос заключается в том, насколько

подобная мобилизация может иметь стабильную структуру и привести к новой, низовой по природе, форме самоорганизации фондообразователей и коллекционеров. Для этого разрабатываются различные методы, среди которых особое место занимают онлайн-презентации (online demonstrations, или online demo), разного рода виртуальные платформы, открытые аннотации (online annotations) и игры.

Одним из примеров онлайн-платформы может служить *Parallel Archives* (Параллельный архив) – цифровой проект Архива Открытого общества, целью которого является реализация возможности взаимного обмена документами историками и другими гуманитариями. На базе этой платформы исследователи получают возможность пользоваться архивными ресурсами совместно, не дожидаясь, пока необходимые им документы будут оцифрованы в централизованном порядке⁴¹.

Parallel Archives позволяет хранить и организовывать оцифрованные архивные документы как в закрытом, так и открытом доступе. Несомненным достоинством этой программы является возможность перевода цифровых копий в текстовый формат при помощи программы оптического распознавания объектов. Недостатком программы (над устранением которой сейчас работают создатели платформы) пока остается отсутствие функции создания и управления онлайн-группами (community-based features). Появление таких групп, построенных по принципу функционирования социальных сетей, является еще одним знаковым феноменом и свидетельством тех фундаментальных изменений, которые происходят в современной научной коммуникации под влиянием развития интернет-технологий, заново обративших внимание профессионального сообщества на проблемы социальной пользы науки, необходимость обсуждения результатов научных исследований и т. д.⁴²

Не менее широко для описания участия любителей и непрофессионалов в научных исследованиях стал использоваться тесно связанный с понятием краудсорсинга термин *citizen science*, или сетевая гражданская наука⁴³ – «систематический сбор и анализ данных, разработка технологий, тестирование естественнонаучных феноменов и распространение результатов подобной деятельности на преимущественно добровольной основе»⁴⁴.

Январский номер *Harvard Magazine* посвятил этой теме большую часть своего выпуска⁴⁵, но основной упор был сделан на естественные науки, где практика применения сетевой гражданской науки дала наибольший результат. Тем не менее она нашла своих

последователей и среди гуманитариев, став одним из важных элементов *digital humanities* (ДН)⁴⁶. При этом, как отмечают многие специалисты, «цифровые гуманитарные науки предполагают не только использование компьютера как исследовательского инструмента, но и расширение цифрового историко-культурного наследия путем публикации электронных ресурсов, реконструкций и визуализаций. Без таких публикаций исследование может быть компьютеризированным, но не может относиться к направлению ДН»⁴⁷.

В дальнейшей перспективе сбориание, сохранение и публикация исторических источников по истории новых социальных движений может с успехом использовать технологии ДН, включая элементы сетевой гражданской науки и краудсорсинга. Существующие наработки в этой области делают вполне реальной реконструкцию таких социальных движений, как независимое мирное и пацифистское движения, экологическое, феминистское, ЛГБТ-движения, панк- и прочие молодежные движения, движение в защиту прав инвалидов и в защиту прав потребителей, движение «новых левых», различных праворадикальных движений, а также антифашистского движения, в защиту прав животных и вегетарианского движения.

Реконструкция документального фонда независимого мирного движения позднесоветского периода и публикация найденных документов важна не только для воссоздания истории этого феномена, но является неотъемлемой частью политики памяти, призванной скорректировать коллективные воспоминания, связанные с историей общества позднесоветского и постсоветского времени. Выполнение подобной задачи послужило бы цели гуманитаризации позднего советского и постсоветского архивного наследия, его ориентации на развитие самосознания гражданского общества.

Примечания

¹ Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С. 339.

² Гидденс Э. Последствия современности. М., 2011. С. 306.

³ Луман Н. Социальные системы: Очерк общей теории. СПб., 2007.

⁴ Scott A. Ideology and the New Social Movements. L., 1990. P. 19.

⁵ Аксюткина О. «Если я не могу танцевать, это не моя революция!»: DIY панк/хардкор сцена в России. М., 2008. С. 27.

⁶ Штомпка П. Указ. соч. С. 339.

⁷ Там же. С. 339–340; см. также: Scott A. Op. cit. P. 33.

- ⁸ См., например: *Kenney P.* Framing, Political Opportunities, and Civil Mobilization in the Eastern European Revolutions: A Case Study of Poland's Freedom and Peace Movement // *International Journal*. 2001. № 2. P. 193–210; *Szulecki K.* "Freedom and Peace are indivisible": On the Czechoslovak and Polish Dissident Input to the European Peace Movement 1985–1989 // *Transnational Perspectives on Dissident and Opposition in Central and Eastern Europe*. Warsaw, 2012.
- ⁹ Отказники – «люди, которым отказывали в выездной визе» (*Морозова М.А.* *Анатомия отказа*. М., 2011. С. 9).
- ¹⁰ *Щепанская Т.Б.* Смеховой мир тусовки и проблема оформления групповых границ // *Школьный быт и фольклор*: В 2 ч. Ч. 1. Таллинн, 1992. С. 162.
- ¹¹ См. полнотекстовый вариант ХТС. [Электронный ресурс] URL: <http://www.memo.ru/history/diss/chr/> (дата обращения: 1.08.2016).
- ¹² HU OSA 300-85 Samizdat Archives, Radio Free Europe/Radio Liberty Research Institute, Open Society Archives.
- ¹³ Личные сайты бывших советских хиппи: «Владимир Солдатов» (<http://vladimir-soldatov.narod.ru/>); «Берлога старого Лонга» [В. Бояринцев] (<http://bazilevs.narod.ru/>); «Авторский сайт Володи Бороды» (<http://vlboroda.narod.ru/>); «В гостях у Пони» (<http://www.ponia1.narod.ru/>); «Хиппи. Папа Леша» (<http://papa-lesha.ru>) (особ. см. библиотеку сайта: <http://papa-lesha.ru/vokrug/index.htm>); «Владимир В. Видеман» (<http://www.guzmanmedia.com>) и др. Также имеются многочисленные блоги: <http://pessimist-v.livejournal.com/>; <http://caps-lo.livejournal.com/profile>; <http://nectarius.livejournal.com/>, которые содержат в себе интереснейшие материалы, в том числе и исторического плана.
- ¹⁴ Например, «хип-архив Глаши Мо». [Электронный ресурс] URL: <http://www.youtube.com/user/arhivglashamo/videos> (дата обращения: 29.08.2016).
- ¹⁵ <http://www.hippy.ru>; <http://hippydom.kamrbb.ru>; <http://dirtyhippy.kamrbb.ru>; <http://sistemafriend.ucoz.ru>. Лишь два интернет-ресурса были созданы профессиональными исследователями: <http://www.hippy.ru/>; <http://hipiji.lv> (Л. Золнєровица); <https://www.facebook.com/soviethippies> (Т. Тоомисту).
- ¹⁶ *Лемко И.* Львів понад усе. 2-ге вид. доп. Львів, 2007; *Лемко І.* Сні у Святому Саду. Львів, 2010; *Хіппі у Львові: Альманах.* Львів, 2011; *Хіппі у Львові: Альманах.* Вип. 2. Львів, 2012; *Олісевич А.* Революція квітів. Львів, 2013 и др.
- ¹⁷ *Струкова Е.Н.* Альтернативная периодическая печать в истории российской многопартийности (1987–1996). М., 2005. С. 17–18.
- ¹⁸ *Глебова И.И.* После советского: Какой архив мы выбираем? // *Социальная память в институциональном измерении: Постсоветский архив*. М., 2010. С. 67, 75, 76, 79.
- ¹⁹ *Изварин А.В.* Пополнение госархивов документами современных общественно-политических объединений (на примере РГАСПИ и ЦАОПИМ) // *Отечественные архивы*. 2006. № 5. С. 39–43.
- ²⁰ *Социальная память в институциональном измерении: Постсоветский архив*. М., 2010. С. 24.

- 21 Подробнее о таких архивах: Бюллетень Германского исторического института в Москве. 2010. № 4.
- 22 *Струкова Е.Н.* Указ. соч.
- 23 Open Society Archives (OSA). [Электронный ресурс] URL: <http://www.osaarchivum.org> (дата обращения: 30.10.2016).
- 24 Международный институт социальной истории (Амстердам). [Электронный ресурс] URL: <http://socialhistory.org/en/archives> (дата обращения: 30.10.2016).
- 25 Архив Лондонской школы экономики. [Электронный ресурс] URL: <http://archives.lse.ac.uk/Record.aspx?src=CalmView.Catalog&id=END> (дата обращения: 30.10.2016).
- 26 Цифровой архив Центра Вильсона. [Электронный ресурс] URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/theme/cold-war-history> (дата обращения: 30.10.2016).
- 27 При этом недостаток зарубежных архивов состоит в их распыленности и дороговизне поездок к месту хранения материалов.
- 28 *Курляндский И.А.* Проблемы реконструкции архивных фондов (в работах советских исследователей 1917–1991 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994; *Белиловская М.Е.* Институт живого слова, 1918–1924 гг.: Опыт реконструкции фонда: Дипломная работа студентки V курса дневного отделения. М.: ИАИ РГУ, 1997. [Электронный ресурс] URL: https://www.academia.edu/29607084/Институт_Живого_Слова_1918-1924_гг._Опыт_реконструкции_фонда (дата обращения: 02.11.2016); *Горяева Т.М.* Реконструкция: От методик и технологий до исторических полотен и системных исследований // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания: Докл. и тез. XIV Науч. конф., Москва, 18–19 апр. 2002 г. М., 2002. С. 177–180.
- 29 *Идеальная опись* архивного фонда – архивная опись, в которой зафиксированы все единицы хранения, относящиеся к данному архивному фонду, как хранящиеся в архиве, так и находящиеся вне его, а также погибшие и уничтоженные, о которых имеются соответствующие сведения (Словарь современной архивной терминологии социалистических стран. Вып. 2. М., 1988. С. 50).
- 30 *Реальная опись* – архивная опись, в которой зафиксированы все реально существующие единицы хранения данного фонда, находящиеся в одном архиве (Словарь современной архивной терминологии... С. 140).
- 31 Словарь современной архивной терминологии... Вып. 1. М., 1982. С. 143.
- 32 Там же. С. 23.
- 33 *Автократов В.Н.* О некоторых путях восстановления состава и содержания утраченных архивных фондов: На примере фонда военного приказа // Исторический архив. 1961. № 6. С. 151.
- 34 *Белиловская М.Е.* Указ. соч. С. 24.
- 35 Там же.
- 36 Цит. по: *Белиловская М.Е.* Указ. соч. С. 27.
- 37 Там же. С. 31.

- ³⁸ Komaromi A. About Samizdat. [Электронный ресурс] URL: <http://samizdat.library.utoronto.ca/content/about-samizdat> (дата обращения: 29.08.2016).
- ³⁹ Краудсорсинг (от английского слова *crowdsourcing*, где crowd – толпа и sourcing – подбор ресурсов) – это особая практика работы над проектом, которая предполагает привлечение добровольцев (чаще всего неспециалистов).
- ⁴⁰ Описание таких проектов, как Europeana 1914–2014, посвященного истории Первой мировой войны, и Europeana 1989: We Made History [Электронный ресурс] URL: <http://www.europeana1989.eu/en/> (дата обращения: 30.10.2016).
- ⁴¹ Parallel Archive – цифровой проект OSA [Электронный ресурс] URL: <http://www.parallelarchive.org> (дата обращения: 30.10.2016).
- ⁴² Kulczycki E. Transformation of Science Communication in the Age of Social Media // *Teorie Vdy / Theory of Science*. 2013. Vol. 35. № 1. P. 3–28.
- ⁴³ Другие названия – crowd science, crowd-sourced science, civic science, или networked science. Иногда гражданская наука описывается через такие термины, как «участие общественности в научном исследовании» (public participation in scientific research).
- ⁴⁴ Проект “OpenScientist” [Электронный ресурс] URL: <http://www.openscientist.org/2011/09/finalizing-definition-of-citizen.html> (дата обращения: 30.10.2016).
- ⁴⁵ Изложение на русском языке смотри на сайте Теории и практики [Электронный ресурс] URL: <http://theoryandpractice.ru/posts/8396-popular-science> (дата обращения: 30.10.2016).
- ⁴⁶ Володин А.Ю. Digital Humanities (цифровые гуманитарные науки): В поисках самоопределения // *Вестник Пермского университета. История*. 2014. Вып. 3 (26). С. 5–12.
- ⁴⁷ Defining Digital Humanities: A Reader / M. Terras, J. Nyhan, E. Vanhoutte (eds.). Ashgate Publishing Ltd, 2013. Цит. по: Володин А.Ю. Указ. соч. С. 77.

Археографические исследования

О.А. Шашкова

Боевой опыт русской армии: страницы истории военной археографии конца XIX – первой половины XX в. Ч. 2. 1920-е годы

Серия статей посвящена проблемам организации военно-исторической службы русской армии и использования боевого опыта Российской империи периода Первой мировой войны в начале – середине XX в., а также судьбам археографических проектов, связанных с публикацией военных документов. Основное внимание уделено деятельности и изданиям военно-исторических комиссий Главного (затем Генерального) штаба империи, в советский период – Всероссийского Главного штаба РККА. Прослеживаются судьбы военных редакторов и готовившихся ими изданий военных документов, прежде всего, по истории Первой мировой войны. Особый акцент сделан на проблемах организации работы и вопросах археографии и источниковедения военной истории, связанных с изучением истории «Великой войны».

Ключевые слова: военная археография, Первая мировая война, источниковедение военной истории.

Комиссия по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг. (ВИК – Военно-историческая комиссия) при Всероглавштабе, после реорганизации в ноябре 1918 г., продолжила работу под руководством генерал-майора Александра Андреевича Свечина (в царской армии являлся командиром дивизии; 1878 – июль 1938).

Но уже с 15 августа 1918 г. к работе в ВИК приступила редколлегия, назначенная приказом Наркомвоендела № 688 от 13 августа. Первый начальник Комиссии, генерал В.Н. Клембовский

(1860 – июль 1921), хотя и перешел на сторону Красной армии, был сторонником другой политической силы, и его временный маневр в сторону большевиков по определению не мог закончиться удачей. Именно это обстоятельство способствовало тому, что Свечин (в тот краткий момент – начальник Всероглавштаба) начал активно подключаться к будущей работе. К тому же после его жестких столкновений с главнокомандующим вооруженных сил РСФСР И.И. Вацетисом генерала, склонного к теоретической и штабной работе, нарком Л.Д. Троцкий решает целиком подключить к исследованию опыта минувшей войны.

Основные идеи генерала воплотились первоначально в его совместной с начальником оперативного управления Кузнецовым служебной записке (еще до начала активной работы в ВИК) от 3 сентября 1918 г. Здесь Свечин говорит о необходимости подбора наиболее квалифицированных авторов, хотя их имена сегодня почти ничего не говорят читателям – по причине последующих репрессий прежде всего (судьба самого руководителя комиссии оказалась близка к рядовым сотрудникам). От генералов и полковников бывшей армии требовалось знать «все литературные труды, которые появились уже к настоящему времени или будут появляться – как на русском, так и на иностранном языке», активно использовать формировавшийся архив Первой мировой войны. По собственному убеждению генерала, основанному на широком знакомстве с историей войн, быстрое использование их опыта способствует появлению военной литературы, а умолчанию – забвению. За этим стояла цель – «сформировать армию и внести в нее новые приемы и понятия о военном искусстве новейшего времени, т. е. сделать ее боеспособной»¹.

Война Гражданская шла буквально рядом с изучением опыта той, из которой выросла. Отчасти это способствовало идее издавать две серии трудов ВИК: стратегические очерки по каждому из 7 периодов войны – в виде отдельных брошюр объемом в 8–10 печатных листов, и очерки боевых действий по отдельным фронтам, которые не должны были превышать 5 печатных листов каждый (тогда печатный лист равнялся 64 тыс. знаков). Но главной задачей Свечин считал подготовку стратегического очерка войны и исследование наиболее «поучительных стратегических и тактических операций». При этом он дает свою периодизацию событий, выделив 7 основных этапов ведения боевых действий, существенно отличавшихся друг от друга по своим задачам². В весьма подробной инструкции по созданию будущей «официальной истории» войны (осень 1918 г.) генерал предполагает поручить коллективу

во главе с семью ответственными редакторами составление общего стратегического очерка определенного этапа войны, «не выпуская из рук общего очерка»³. Эту громадную работу А.А. Свечин предполагал завершить за 3–4 месяца, не считая составления карт, однако, даже несмотря на максимально форсированный темп, закончить составление «локальных очерков» за это время не удалось. Зато более четко вырисовывался план, в соответствии с которым ежемесячные выпуски предполагалось создавать объемом около 30 а. л. каждый, тиражом до 500 экз. Но даже несмотря на довольно значительный творческий коллектив (в соответствии с приказом по Всероглавному штабу № 355 временный штат Комиссии на 10 декабря 1918 г. составлял 51 человек), работа длилась почти до середины 1920-х гг.

Одновременно Свечин предпринимает ряд организационных усилий: в соответствии с приказом Наркомвоендела № 775 при Комиссии создается морской отдел. Среди командного состава Красной армии распространяется анкета «о практическом использовании опыта войны 1914–1918 гг.», где, в частности, требовалось дать оценку управлению войсками: в бою, службе Генштаба, охарактеризовать службу связи, современный бой, существовавшую связь между родами оружия, боевое использование местности, подготовку и ведение пешей и конной разведки и т. п. Одновременно составляется «Инструкция по сдаче материалов о текущей войне в Военно-ученый архив», который тогда располагался в Москве в Староконюшенном пер., 1. Здесь давался примерный перечень документов и материалов, которые подлежали сдаче, образец оформления описи. Генерал прекрасно сознавал, что оперативная подготовка истории войны позволит почти в прямом смысле слова «не утонуть» в архивных делах, которых только к началу июля 1918 г. накопилось уже почти 1 млн.

Самым удивительным в истории этой Комиссии было то, что ей удалось получить финансирование, и оно не было мизерным, хотя девальвация рубля сыграла свою роль. Если в конце декабря 1918 г. фактически Комиссия получала за два последних месяца года 883 235 тыс. руб., то поступивший в начале января 1919 г. аванс составил 630 300 руб., причем за труд «творческих работников» причиталось 266 400 руб., а на оборудование 40 комнат (первоначально на Пречистенке, 14) – 150 000 руб. Но за первое полугодие 1919 г. Комиссии причиталось уже 1 894 890 руб.⁴ Интересно, что за все время работы никаких претензий материального характера от военно-исторической службы к ней не предъявлялось.

Судя по результатам деятельности, ВИК в значительной степени выполнила свою задачу, подготовив в общей сложности более 50 работ, из которых почти 40 относилось к Первой мировой войне, а остальные – к истории войны Гражданской. Ее работы публиковались фактически на протяжении всех 20-х годов⁵, но наиболее ценным и концентрированным их выражением стал созданный самим генералом А.А. Свечиным «Стратегический очерк войны 1914–1918»⁶, и сегодня являющийся классикой военного искусства, и не только по отношению к войнам начала XX века. Здесь впервые на основе анализа значительного количества материалов была дана общая картина боевых действий на Русском (Восточном) фронте в сухопутных частях. Это глубокое исследование позволило Александру Андреевичу сделать важнейший вывод построения стратегии военных действий, сохраняющий свое значение: ведение войны «на измор», навязывая противнику, значительно превосходящему силой и выигравшему время и пространство, крупные перегруппировки, длительные марши. К сожалению, эти выводы генерала впоследствии начали оспариваться сторонником «блицкрига» М.Н. Тухачевским и его соратниками и были подтверждены лишь в результате упорных боев под Сталинградом во время Великой Отечественной войны⁷.

В 1921 г. ВИК была переподчинена – из ведения Всероглавштаба она перешла под руководство Политуправления РККА, но первоначально реформа не затронула ее деятельность. Однако в 1923 г. А.А. Свечина сменил на посту председателя ВИК В.А. Антонов-Овсеенко и деятельность в области изучения военного опыта была на время свернута.

Затем военно-историческая служба была передана в Штаб РККА, по-прежнему имея задачей исследование и использование опыта войны путем публикации трудов и документов. В разные годы (а существовала она с перерывами до 1972 г.) Комиссия называлась Военно-исторической, Историческим отделением, Военно-историческим отделом, Научным военно-историческим отделом, пока не стала безликим 9-м (позднее 10-м) отделом ГШ РККА⁸. В сложный период 1929–1932 гг. отдел почти перестал существовать⁹: по «делу Национального центра» был арестован целый ряд важных сотрудников, в том числе и А.А. Свечин.

Но именно к этому времени относится начало подготовки военно-исторической службы Генерального штаба фактически единственного на сегодняшний день, неполного по охвату проблематики и материалов многотомного документального издания «Сборник документов мировой войны на русском фронте». Название

было дано маршалом Борисом Михайловичем Шапошниковым (1882–1945) и сохранилось даже после его опалы. История подготовки этого собрания документов сполна отражает борьбу в самых высших эшелонах военной власти, исторической науки и судьбы русских военных историков. После ареста, хотя и кратковременно, Свечина, на свободе оставались его бывшие сподвижники, среди которых необходимо назвать генерал-майора Евгения Захаровича Барсукова (1866 – январь 1957), с 1924 г. состоявшего «для особых поручений» при военно-исторической службе; также генерал-майора Павла Павловича Сытина (1870 – август 1938), сотрудника военно-исторической службы РККА, а после 1927 г. сотрудника архива Красной армии. Именно их энергии военная наука обязана появлением концепции и самой идеи издания собрания подлинных документов по истории Первой мировой войны.

В докладной записке от 29 ноября 1929 г. вновь назначенному начальнику Штаба РККА генералу А.И. Егорову¹⁰ Е.З. Барсуков, в частности, писал:

Первоначально работа по составлению сборника сосредотачивалась при военной секции Комакадемии, с 1929 г. Весной 1930 г. это предположение отпало и составление сборника было возложено на Штаб РККА под непосредственным руководством начальника Штаба Б.М. Шапошникова, так как по постановлению РВС издание сборника имело в виду научно-историческое обоснование для оперативно-тактической деятельности РККА, для военно-технической и военно-экономической и военно-политической подготовки обороны СССР. Комакадемия в разрешении этих вопросов непосредственно не заинтересована и относительно далеко стоит от жизни РККА. Составленный ею сборник, несомненно, отличался бы строго марксистской академичностью, но мог бы не совсем отвечать жизненным запросам РККА и требованиям обороны нашего Союза. Напротив, «Сборник» отвечал бы запросам и требованиям при условии составления его по заданиям РВС под высшим руководством начальника Штаба РККА как ответственного за оборону СССР, и согласования окончательной военно-политической редакции всего «Сборника» с Комакадемией¹¹.

Исходя из того, что целый ряд докладных записок генерала продолжал оставаться без движения, а составлялись они регулярно на протяжении 1930–1931 гг., нетрудно предположить, что работа где-то серьезно тормозилась. (Одновременно с этим изданием обнаружилось и параллельное, планировавшееся В.Д. Бонч-Бруевичем в 9 томах.) Одним из самых активных противников выпуска этой

серии в действительности был М.Н. Тухачевский, давний критик генерала Свечина. Уже с конца 1920-х гг. Тухачевский предлагал передать составление «Сборника» Комакадемии, а «технику издания» поручить Центрархиву. Итак, пока разворачивались предварительные работы, шло формирование общих представлений и концепций, на поистине минное поле исследований вступили другие учреждения, существенно деформировав общий план практических работ.

* * *

Конец 1920-х гг. не только в СССР, но и за рубежом стал периодом крайнего обострения напряженности. В Европе рост военных расходов происходил почти лавинообразно. Так, к 1926 г. военные бюджеты Англии, Франции, Италии и США совокупно, по сравнению с 1913 г., увеличились на 80%, составив 3 трлн 500 млн руб. золотом, а количество военных заводов, в сравнении даже с 1923 г., увеличилось более чем в 2 раза¹². Целая серия международных провокаций по отношению к Советскому Союзу в Великобритании, Китае, ответных угроз со стороны СССР дали толчок не только к форсированной индустриализации в нашей стране, но и к экстренной разработке предшествующей первому пятилетнему плану пятилетке военной¹³. Подобные сдвиги в политической сфере не могли оставаться без ответа в области военно-исторической, которая в межвоенный период имела явный идеологический привкус. Именно здесь одну из ведущих ролей была призвана сыграть Коммунистическая академия, ее Военная секция.

Определенные предпосылки для этого появились еще в годы Гражданской войны, когда в 1919–1920 гг. недавно образовавшаяся Социалистическая академия общественных наук (с 1924 г. – Коммунистическая академия) пыталась подключаться к деятельности по изданию материалов Великой войны. Так, еще 6 октября 1918 г. в ее составе была организована специальная комиссия по публикации источников, куда вошли И.И. Скворцов-Степанов, В.П. Волгин, А.А. Богданов и др. во главе с М.Н. Покровским. На общем собрании академии М.Н. Покровский поставил вопрос о публикации материалов Первой мировой, однако на протяжении ближайших десяти лет лишь обсуждался вопрос об организации секции, название которой постоянно менялось: Военная секция, Секция истории войн и революций, Секция истории войн и вооруженных восстаний. Вероятнее всего, на тот момент создание секции только декларировалось (это было в стиле работы Комакадемии), но организационных шагов не предпринималось, основная часть сотруд-

ников работала вне штата. Столь же неопределен был и профиль ее деятельности: история Первой мировой войны, история Гражданской войны, либо изучение обоих, и т. п. Вместе с тем вопросы, которые гипотетически ставились на заседаниях президиума Комакадемии и касались проблематики Военной секции, были весьма злободневны: экономика войны, военная психология (психотехника, психогигиена, как тогда говорилось), история Первой мировой войны на различных этапах.

Оживление деятельности, связанной с историей войн России начала XX в. в целом в Комакадемии пришлось именно на то время, когда существование военно-исторической службы РККА находилось под вопросом. Это и было использовано Комакадемией, чтобы начать деятельную борьбу за свой «кусок» исследований (а значит, и финансирования).

Если армейских стратегов интересовали сугубо практические вопросы – в свете будущих военных столкновений, в которых никто не сомневался, то историки и обществоведы из Комакадемии стремились переквалифицировать их в русло классовой борьбы – тем более что и ситуация, на первый взгляд, подталкивала к этому.

Важнейшей идеей, на время существенно изменившей ситуацию, стала мысль А.М. Горького создать военно-историческую и классовую одновременно «Историю Гражданской войны». Совершенно очевидно, что ее лейтмотивом должна была стать политическая, межсословная борьба как таковая, развертывавшаяся на фоне войн мировой и гражданской. В сентябре 1930 г. Горький пишет первым лицам страны письмо, где настаивает, что «нужно сделать книгу, которая преследует цель социалистического воспитания массы, была бы интересна и увлекательна для малограмотного взрослого и для юноши. Этого трудно достичь, но это совершенно необходимо и должно быть достигнуто. Это – первый и крайне ответственный опыт: дать массе рабочих и крестьян яркую – широкую картину недавнего прошлого, в событиях которого непосредственно участвовали десятки тысяч будущих читателей этой книги. Со всей прямотой и суровостью подлинной истории нужно показать массе ее роль в “Гражданской войне”»¹⁴.

Если сюда добавить, что вопросы кадрового обеспечения нового издания должны были, по мысли писателя, решать военредакторы, которые назначались по решению Менжинского или Ягоды, то последствия такого подхода представляются очевидными, хотя в начале 1930-х гг. все выглядело более вариативно.

После образования Главной редакции «Истории Гражданской войны» вопрос создания истории этой страшной междоусобицы, как произведения литературного и идеологического одновременно, обретает осязаемые черты и в стенах Комакадемии, где к теме начинают присматриваться партийные историки. 16 марта 1929 г. на очередном заседании президиума Комакадемии отдельным пунктом 3 стоял вопрос «Об организации в Комакадемии военной секции», докладчиком был назначен ее руководитель А.С. Бубнов, совмещавший к тому периоду массу постов, в том числе наркома просвещения РСФСР. Не без его влияния в конце 1929 г. возникает вопрос об издании «Записок Военной секции», и вероятнее всего, эта тема несколько отвлекла академиков от вопроса издания материалов по истории Первой мировой войны. Действительно, в 1930 г. выходит первый том «Записок», на следующий год – еще три тома¹⁵. Тома 5 и 6, о содержании которых в материалах фонда Комакадемии идет речь, так и не появились. Содержание выпущенных томов показывает, что Комакадемию действительно мало волновали вопросы использования практического опыта «Великой войны», для нее они являлись скорее проблемой идеологического характера. Более того, о публикациях материалов речи вообще не шло.

К январю 1930 г. состав Военной секции был существенно расширен, помимо прежних членов туда вошли еще 15 человек, а вскоре был утвержден состав ленинградского отделения секции по изучению проблем войны. Среди ленинградских военных историков-партийцев видим Бочарова, Анулова, Барандохина, Баранцева, Алякрицкого, Нижечека, Семенова, Смирнова, Бирюкова и некоторых др.¹⁶ Осенью 1930 г. в структуре Комакадемии начинает функционировать Бюро исторической подсекции¹⁷, которое стремилось организовать работу по составлению «Истории Гражданской войны» согласно постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) и информировало о том, что по проблеме собирается библиография, схемы операций, списки деятелей, отличившихся частей, а также появляется идея (нереализованная) выпуска периодических сборников «Архив Гражданской войны».

Однако эти планы были слабо обеспечены кадрами, и даже тогда, когда они появились (к декабрю 1931 г. в секции числилось 153 человека, которых требовалось чем-то занять), их квалификация и владение предметом оставляли желать лучшего. По мнению того же Барсукова, ознакомившегося с постановкой дела в военно-исторической подсекции Комакадемии, занятой созданием истории Гражданской войны, без усиления ее научными и техническими сотрудниками она была просто не в состоянии выполнить

еще и огромный и ответственный труд по составлению «Сборника документов мировой войны».

Хотя материалы секции не дают никакого представления о ее собственном вкладе в разработку проблем истории Первой мировой войны, это не мешало, вероятно, ученому секретарю Вольпе сообщать о результатах работы секции на 1931 г.:

...Важность и серьезность работы по изучению и изданию истории мировой войны выдвинула перед исторической подсекцией необходимость создать для этого специальную комиссию... ее задача – разработка плана и программы и методологии исследования истории мировой войны. ...Работа координируется с деятельностью по этому вопросу Штабов РККА, Военной академии и Центрархива. Комиссия разработала основные методологические установки программы по истории мировой войны и приступила к разработке самой программы и группировке всего необходимого материала. На основе этой программы приступлено совместно со Штабом РККА к составлению сборников важнейших документов по мировой войне с соответствующими к ним комментариями по нижеприведенному плану: ...Том 1 – подготовка войны: оперативная работа главного управления Генерального штаба и округов; мобилизация и сосредоточение. Том 2 – операции 1914 г., наиболее полно. Том 3 – операции 1915 г., наиболее полно маневренный период. Том 4 – операции 1916 и 1917 года, позиционная война. Том 5 – разложение армии в 1917 г. и демобилизация; устройство тыла и изменения во время войны. Том 6 – военная техника, экономическая подготовка к войне, экономика в ходе самой войны, мобилизационная подготовка промышленности. Сейчас работа уже проводится в Центрархиве по отбору соответствующих документов¹⁸.

Однако отчеты о работе Военной секции свидетельствуют, что основной формой ее деятельности были доклады, выступления с лекциями, по большей части касавшимися истории Гражданской войны, – т. е. популяризация, а также подготовка монографий. Именно последнее и стало основным пунктом разногласий с военно-исторической комиссией РККА.

Но позиция М.Н. Тухачевского продолжала быть неизменной – историю Гражданской войны, объемлющей и события Первой мировой, должна писать Комакадемия. Концепции документальных серий свободно перемещались между Штабом РККА и Комакадемией. Настолько свободно, что очередная записка генерала Е.З. Барсукова на имя М.Н. Тухачевского от 19 ноября 1931 г. начинается покаянными признаниями:

После некоторого ознакомления со структурой Военной секции Коммунистической Академии я пришел к заключению, что мне не следовало касаться вопросов организации работы по составлению «Сборника документов гражданской войны», т. к. эта работа ведется в Военно-исторической подсекции Ком. Академии при ближайшем участии тов. Кадишева, хотя в несколько ином разрезе¹⁹.

На следующий день в новой докладной, которой, как полагал генерал, будет заменена его записка от 19 ноября, он пишет, что «поспешил», «поверхностно ознакомился», что нельзя было «вмешиваться в вопросы гражданской войны», что «согласен с Кадишевым» и т. д.

Но упорство генерала было серьезным, ибо касалось принципиальных вопросов. Прежде чем он был уволен из рядов РККА в 1933 г., Барсуков вместе со своими коллегами успел представить самый полный план издания документов по истории Первой мировой войны. Этот план относится к декабрю 1931 г., и ему не было суждено осуществиться²⁰, хотя к началу 1930-х гг. не только в ведущих странах Западной Европы, но и в США уже появились фундаментальные публикаторские серии, которые создали наглядную картину первенства стран Антанты в событиях войны, но отнюдь не России. Самым же важным являлось то, что эти зарубежные серии способствовали быстрому усвоению опыта недавней войны, что было продемонстрировано меньше чем через 10 лет.

(окончание следует)

Примечания

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1038. Л. 18–18 об.

² Первым этапом генерал считал временной промежуток с 15 июля до 15 ноября 1914 г. – от начала до падения наступательной способности армии; вторым – до окончания отступления из Царства Польского и устройства ее на оборонительной линии внутри России – с 15 ноября 1914 г. по октябрь 1915 г.; третьим – позиционную войну с октября 1915 г. по февраль 1917 г. с переходом в наступление Юго-Западного фронта и Кавказской армии; четвертым – с начала Февральской революции и до Брестского мира – с 28 февраля 1917 г. по 3 марта 1918 г. и т. д.

³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1038. Л. 1–2.

⁴ Там же. Л. 30–30 об.

⁵ Краткий стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Русский фронт. Вып. 1–2. 1918–1919; Военно-исторический сборник. Труды военно-исторической комиссии. Вып. 1–4. М., 1919–1920; Стратегический очерк мировой войны 1914–1918 гг. Румынский фронт. М., 1922; *Зайончковский А.М.* Мировая война

1914–1918 гг. М., 1923; *Свечин А.А.* История военного искусства: В 3 ч. М.; Л., 1922–1923; *Сытин П.* Разведывательная служба. М., 1925; *Барсуков Е.З.* Подготовка России к мировой войне в артиллерийском отношении. М., 1926. 216 с.; *Петров М.А.* Подготовка России к мировой войне на море / Предисл. М. Павловича. М.; Л.: Госвоениздат, 1926; и др.

⁶ *Свечин А.А.* Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. В 7 т. М., 1920–1923.

⁷ *Думби Ю.Ф.* Военная и научная деятельность Александра Андреевича Свечина. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. С. 170–189, 204–216.

⁸ Материалы этой Комиссии, начиная с конца 1920-х годов, сохранились в РГВА (ф. 39352. 99 ед. хр.).

⁹ После Великой Отечественной войны, с 1946 г., он был преобразован в Военно-историческое управление (1946–1953 гг.), затем в Военно-исторический отдел (1953–1972 гг.), однако после 1945 г. опыт Первой мировой стал неактуален.

¹⁰ В официальной биографии будущего маршала А.И. Егорова (звание присвоено в 1935 г.; 1883 – февраль 1939 гг.) указывается, что начальником Штаба РККА он являлся с июня 1931 по сентябрь 1935 г.

¹¹ РГВА. Ф. 39352. Оп. 1. Д. 50. Л. 32.

¹² РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 172. Л. 177, 180.

¹³ *Кен О.Н.* Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920 – середина 1930-х гг.). СПб.: Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге, 2002. С. 19, 25.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 300. Л. 1–2.

¹⁵ Записки секции по изучению проблем войны. Т. 1. М., 1930; Т. 2–4. М., 1931.

¹⁶ РГВА. Ф. 39352. Оп. 1. Д. 311. Л. 3, 84.

¹⁷ АРАН. Ф. 375. Оп. 1. Д. 16. Л. 1.

¹⁸ Там же. Л. 56–57.

¹⁹ РГВА. Ф. 39352. Оп. 1. Д. 50. Л. 26.

²⁰ Там же. Л. 61–65.

А.В. Малиновская

Гордость трех государств: документальное наследие Марка Шагала в России, Белоруссии и Франции

Данная статья посвящена биографии великого авангардиста, его творческому пути, музейному и архивному наследию. В статье рассматриваются фонды РГАЛИ, Национального исторического архива Беларуси, Национальных архивов Франции, Отдела рукописей Третьяковской галереи, а также ряда музеев России, Белоруссии и Франции, содержащих документы о деятельности М.З. Шагала.

Ключевые слова: Марк Шагал, художник, РГАЛИ, Национальный исторический архив Беларуси, эмиграция, авангард.

«Я не хочу быть похожим на других, я хочу видеть мир по-своему»¹ – таков секрет успеха и жизненное кредо великого авангардиста Марка Шагала. Его яркие, богатые цветом и эмоциями полотна невозможно не узнать, его творчество не ограничивается одной сферой, его соотечественниками с гордостью называют себя в России, Белоруссии и во Франции. Этот уникальный, разносторонний, талантливый человек действительно на других не похож.

Мойша Сегал, именно так первоначально звали великого художника, родился 7 июля 1887 г. на западе Российской империи в местечке Лиозно, недалеко от Витебска², в черте оседлости, которая была определена еще Екатериной II для проживания евреев. Семья Сегалов была очень простая, религиозная. Отец работал коптильщиком рыбы, мать содержала лавку, где эта рыба продавалась. Мойша был девятым ребенком в семье, имел восемь сестер и одного брата.

Казалось, ничто не предвещало Мойше мирового признания. Он учился в школе при синагоге, затем в светской гимназии. Обу-

чаться в гимназии Сегалу не нравилось. В своей автобиографической книге «Моя жизнь» он пишет:

Не знаю, почему, я начал тогда заикаться. Может, из чувства внутреннего протеста. Я отлично знал уроки, но не мог заставить себя отвечать³.

Тем не менее свои первые художественные навыки Сегал приобрел именно в гимназии. «Больше всего я любил геометрию. Здесь мне не было равных. Прямые углы, треугольники, квадраты – чудный, запредельный мир. Ну а на рисовании мне не хватало только трона. Я был в центре внимания, мной восхищались, ставили в пример»⁴. Уже в подростковом возрасте Мойша старался во всем добиваться наивысшего результата. Однажды он увидел красиво перерисованную его одноклассником иллюстрацию из «Нивы»⁵ и не мог с этим смириться: «Когда я увидел рисунок, меня словно ошпарило: почему не я сделал его, а этот болван?!»⁶. Сегал тут же бросился в библиотеку, где взял журналы и начал перерисовывать одну иллюстрацию за другой. Эти рисунки увидел его товарищ и тогда впервые назвал Мойшу художником. «Слово “художник” было таким диковинным, книжным, будто залетевшим из другого мира... в нашем городке его никто никогда не произносил»⁷. Этот момент стал для Мойши поворотным, именно тогда он решил поступить в Школу живописи и рисунка художника Юрия Моисеевича Пэна⁸. «Конец маминым планам сделать из меня приказчика, бухгалтера или, в лучшем случае, преуспевающего фотографа»⁹.

Стоит отдать должное родителям Мойши, на тот момент они не принимали всерьез его увлечение живописью, но несмотря на это, все же нашли деньги и отдали сына в школу Пэна. Здесь у будущего великого художника начал вырабатываться собственный стиль. «Один из всех учеников Пэна я пристрастился к фиолетовым тонам. Пэн был так поражен моей дерзостью, что с тех пор я посещал его школу бесплатно»¹⁰. Своего наставника Пэна Шагала очень уважал и помнил на протяжении всей своей жизни. «Пэн мне мил. В моей памяти он живет рядом с отцом. Сколько раз я готов был умолять его: не надо мне славы, только бы стать таким как вы, скромным мастером»¹¹.

В возрасте 17 лет¹² Мойша отправился в Петербург. Чтобы жить в Петербурге, ему был необходим специальный вид на жительство, из-за черты оседлости, которую евреи не имели права переступать. Через знакомых отец достал ему временное разрешение, выдавая его за помощника купца, ехавшего получать товар. В Петербурге Мойша поступил в школу Общества поощрения

художеств, руководимую Николаем Рерихом¹³, затем занимался в частной студии С.М. Зейденберга¹⁴ и школе Е.Н. Званцевой¹⁵, где его наставником стал живописец, график, театральный художник Лев Самуилович Бакст¹⁶.

Петербургская жизнь оказалась недолгой: в 1910 г. депутат Государственной Думы и меценат Максим Винавер¹⁷ предоставил художнику стипендию, дающую возможность отправиться на учебу в Париж. «Винавер сделал из меня художника. Без него я, может быть, застрял бы в Витебске, стал фотографом и никогда бы не узнал Парижа»¹⁸. Прибыв во Францию, Мойша Сегал взял себе творческий псевдоним. Теперь он – Марк Шагал, на французский манер. Молодой художник поселился в павильоне под названием «La Ruche», что в переводе означает «Улей». Это было деревянное здание, в котором располагалось более ста неопрятных, некомфортабельных, но дешевых мастерских, сдающихся в аренду живописцам и скульпторам, приехавшим во французскую столицу со всего мира.

Итак, я проник в самое сердце французской живописи 1910 года. Я попал под ее обаяние. Никакая академия не дала бы мне всего того, что я почерпнул, бродя по Парижу, осматривая выставки и музеи, разглядывая витрины и даже толкаясь на рынке...¹⁹

Шагал набирался опыта, посещая занятия в свободных художественных академиях. Молодой художник не тратил времени даром: он работал ночами, а дневные часы проводил на выставках и в галереях, изучая творения знаменитых мастеров – Делакруа, Сезанна, Ван Гога и многих других. Прекрасно чувствуя цвет и схватывая знания налету, он быстро осваивал и использовал приемы фовизма и кубизма.

В 1912 г. Марк Шагал впервые выставился на Осеннем салоне²⁰ в Париже, а всего два года спустя, в июне 1914 г., в Берлине открылась его первая персональная выставка, которая включила в себя большинство созданных во Франции полотен. Творчество Шагала оказало большое влияние на молодых немецких живописцев, положило начало экспрессионистскому движению.

Первая мировая война заставила Шагала остаться в Витебске, куда он отправился на каникулы после берлинского вернисажа. «Я не почувствовал в Берлине, что меньше чем через месяц начнется кровавая комедия. Никакое предчувствие не остерегло меня от поездки в Россию. Я собирался съездить месяца на три»²¹. В 1914–1915 гг. Марк Шагал много писал Витебск, его жителей, свою семью – была создана серия из семидесяти с лишним работ.

Летом 1915 г. состоялось бракосочетание Марка Шагала и Беллы Розенфельд, его неизменной музы, которую он встретил еще в 1909 г. «С тех давних пор и по сей день она парит на моих картинах, озаряет мой путь в искусстве»²². Шагал называл Беллу невестой задолго до свадьбы – до нее в момент создания картины оставалось шесть лет. На картинах Шагала Белла стала воплощением вечной женственности. Одна из первых работ, посвященных Белле – «Моя невеста в черных перчатках» (1909)²³.

Через год после бракосочетания у них родилась дочь Ида. На протяжении двух лет местом жительства семьи Шагалов стал Петроград.

Жена хочет в большой город. Она любит культуру. И она права. Я же никогда не понимал, чего ради люди сбиваются в кучу, теснятся в одном месте, когда за пределами городов простираются во все стороны тысячи и тысячи километров свободного пространства²⁴.

В Петрограде Марк Захарович тяжело переживал антисемитские гонения. «Немцы наступали, а еврейское население уходило, оставляя города и местечки. Как бы я хотел перенести их всех на свои полотна, укрыть там»²⁵.

В свой родной Витебск художник возвратился после Октябрьской революции. Здесь он организовал Народное художественное училище, куда привлек в качестве преподавателей Мстислава Валериановича Добужинского, Юрия Моисеевича Пэна, Казимира Малевича. Но в результате деятельности художника Казимира Севериновича Малевича в витебской школе сложилась конфликтная ситуация, которая вынудила Шагала уйти из школы и уехать в Москву в июне 1920 г. «Те, кого я пригрел, кому дал работу и кусок хлеба, постановили выгнать меня из школы. Мне надлежало покинуть ее стены в двадцать четыре часа»²⁶. В Москве М. Шагал сотрудничал с театрами, делая декорации, а в летние месяцы работал учителем в колонии для беспризорников²⁷. Это время было непростым для художника – страна, в которой он родился и рос, казалась ему чужой. Устав от изнурительной, не приносящей удовольствия деятельности, задержек оплаты работ и непонимания соотечественниками его взглядов в искусстве, Марк Шагал принимает решение покинуть территорию России.

Хватит, не хочу быть ни учителем, ни директором. Хочу писать картины. Уеду куда угодно: в Голландию, на юг Италии, в Прованс... Ни царской, ни советской России я не нужен...²⁸

В 1922 г. Марк отправился в Берлин, чтобы узнать о судьбе выставленных перед войной работ. Стремясь не останавливаться на достигнутых умениях, в Берлине М. Шагал обучился новым для себя техникам – офорту, сухой игле, ксилографии, благодаря которым затем создал серию иллюстраций к его книге «Моя жизнь». Спустя год, по приглашению парижского галерейщика А. Воллара²⁹ художник переехал в Париж для создания цикла иллюстраций к роману Н.В. Гоголя «Мертвые души» и «Басням» Лафонтена. Завершив эти работы, художник много путешествовал по провинциям Франции и, вдохновленный ландшафтами, создавал многочисленные шедевры.

В 1931 г. М. Шагал совершил путешествие по Сирии и Палестине, выполняя новый заказ Воллара – иллюстрации к Библии, ставшие основой огромного цикла гравюр, рисунков, картин, витражей, шпалер, керамических скульптур, рельефов, получившего название «Библейское послание Марка Шагала».

В 1933 г. мастер пережил сокрушительный удар – в Мангейме по приказу Геббельса нацисты изъяли из музеев свыше 50 его работ, публично сожгли их на костре. Гонения на евреев в фашистской Германии, предчувствие приближающейся катастрофы окрасили произведения М. Шагала в мрачные тона: в предвоенные и военные годы одной из основных тем его искусства стало распятие³⁰.

В 1937 г. М. Шагал принял французское гражданство, но с началом Второй мировой войны жизнь во Франции стала слишком опасной и в мае 1941 г. по приглашению нью-йоркского Музея современного искусства художник с семьей переехал в Америку, где в основном работал для театра: он оформил балет «Алеко» по мотивам поэмы «Цыганы» А.С. Пушкина, а также балет Игоря Федоровича Стравинского «Жар-птица».

В августе 1944 г. семья Шагалов с радостью узнала об освобождении Парижа и мечтала поскорее вернуться во Францию. Но 2 сентября от сепсиса умерла Белла. «Все покрылось тьмой». Художник был совершенно парализован постигшим горем и в течение девяти месяцев не брал в руки кисти.

В 1948 г. М. Шагал решил окончательно переехать во Францию и поселился в предместье Ниццы. С 1960-х годов М. Шагал занимался такими видами искусства, как мозаики, витражи, шпалеры. На счету великого мастера мозаики и шпалеры для здания парламента в Иерусалиме, роспись плафона парижской Гранд-опера по заказу самого президента Франции Шарля де Голля, панно для Метрополитен-опера в Нью-Йорке, мозаика «Четыре времени года» в здании Национального банка Чикаго.

В 1973 г. по приглашению Министерства культуры Советского Союза М. Шагал посетил Ленинград и Москву. Ему организовали выставку в Третьяковской галерее, и художник подарил СССР несколько своих работ.

В 1977 г. Марк Шагал был удостоен высшей награды Франции – Большого креста почетного легиона, а спустя год в Лувре была организована выставка работ художника, приуроченная к его 90-летию.

До самых последних дней М. Шагал не прекращал трудиться. Он писал картины, работал над мозаиками, витражами, скульптурами, керамикой, выполнял декорации к постановкам в театрах. 28 марта 1985 г. на 98-м году жизни Марк Шагал скончался в лифте после рабочего дня, проведенного в мастерской. Его насыщенный, наполненный трудом и непрерывным стремлением к развитию жизненный путь по сей день вдохновляет и мотивирует не только людей творческих, но и каждого, кто стремится прожить свои дни с пользой для себя и для общества. Великому деятелю искусства посвящено немало фондов, выставок, фильмов, среди которых есть не только документальные, но и художественные, а также большое количество книг, статей как в России, так и за рубежом. О Марке Шагале подробно и экспрессивно писал в своей книге Василий Иванович Ракитин³¹, родному Витебску и отчету дому художника посвятил свой очерк Аркадий Львович Шульман³², особые главы, посвященные М. Шагалу, имеются в путеводителе Владимира Григорьевича Счастливого³³ и в книге Юрия Коваленко³⁴. Редкие, неожиданные факты о жизни художника в 1945–1952 гг. изложены в мемуарах его гражданской жены Вирджинии Хаггард³⁵. Неудивительно, что большое количество публикаций, посвященных Марку Шагалу, было издано за границей. Среди них, к примеру, монографии Джеки Вуллшлагер³⁶, Сюзан Тумаркин³⁷, Федерики Таммарацио³⁸, Бенджамина Харшава³⁹ и многих других авторов.

Великую ценность представляют архивные документы и предметы быта, рассказывающие о жизни и творчестве Марка Шагала. Их можно отыскать в разных уголках мира, которые художнику удалось посетить на различных этапах своей жизни. Особенно же богаты материалами архивы и музеи трех родин Марка Шагала – России, Белоруссии и Франции, о которых и пойдет речь далее. В 1997 г. в Витебске, на Покровской улице, в построенном в начале 1900-х годов отцом художника доме, где мастер появился на свет, был открыт Музей имени Марка Шагала. В музее представлены оригинальные предметы быта рубежа XIX–XX веков, а также копии архивных документов и работ М. Шагала, рассказывающие

о жизни его семьи в Витебске. Экспонаты для наполнения музея покупались у частных лиц, а также в антикварных магазинах в Витебске, Санкт-Петербурге, других городах. Интерьер комнат воссоздавался на основе рисунков М. Шагала и его автобиографической книги «Моя жизнь», а также архивных документов. Некоторые вещи, в частности посуду, музею передали его племянницы, жившие в Санкт-Петербурге. По семейным легендам, эти предметы ведут историю с детских лет художника.

В архивных фондах различных учреждений бывшей Витебской губернии и города Витебска, хранящихся в Национальном историческом архиве Беларуси, также имеется целый ряд документов, связанных с родословной Марка Шагала и его жизнью в Витебске. Наиболее ранний из документов датируется 1874 г. Это «Общий список евреев мужского пола, проживавших в 1-й части г. Витебска»⁴⁰.

Отдельную группу документов представляют материалы, связанные с имуществом, принадлежавшим отцу будущего художника в г. Витебске. Сохранились документы о домовладении в Витебске на Большой Покровской улице конца XIX – начала XX в. В архивном фонде «Первое Витебское 4-х классное городское училище» сохранились очень интересные документы об учебе Марка Шагала. Например, в «Списке лиц, желающих поступить в Витебское городское училище в 1898 г.» под № 62 значился Мойша Сегал, мещанин, вероисповедания иудейского, родившийся 24 июня 1887 г.

В классных и балловых журналах училища за 1900–1905 гг. есть сведения об успехах в учебе М. Шагала. Есть списки учеников, в которых стоят отметки о внесении платы за обучение. Сохранились также экзаменационные списки с отметками будущего художника. Удалось найти и автографы ученика 2-го класса 2-го отделения М. Шагала. Это две экзаменационные работы по русскому языку – диктант и изложение на тему «Краткая история Отечественной войны 1812 года», которые датированы 7 мая 1902 г. За диктант М. Шагал получил 5, а за историческое изложение – 4 с минусом.

Российский государственный архив литературы и искусства не менее богат материалами, касающимися жизни и творчества великого художника. Наиболее интересны для рассмотрения материалы фонда № 672⁴¹, в котором отложилось поздравительное письмо художника М. Шагала к 50-летию юбилею его учителя Ю. Пэна; фонда № 988, включающего записи к выступлениям Шагала в Берлине во время гастролей, перечень вопросов слушателей, пригласительный билет на выставку акварелей Шагала⁴²; фонда

№ 2335, содержащего дружеский шарж на М. Шагала, нарисованный художником Ю. Гомбаргом⁴³. Фонд № 2712 также представляет большую ценность, так как содержит эскиз костюма к опере С.В. Рахманинова «Алеко», созданный М.З. Шагалом⁴⁴. О деятельности по увековечению памяти великого художника можно узнать, изучив документы фондов № 3160⁴⁵ и 3192⁴⁶. Переписку М.З. Шагала с дирекциями Государственной Третьяковской галереи, Международного художественного бюро, Государственного Еврейского театра, а также с такими известными людьми, как К.В. Кандауров, Л.Б. Яффе, В.Э. Мейерхольд, Э. Триоле, С.М. Михоэлс, можно изучить, поработав с фондами № 336, 665, 769, 938, 962, 990, 994, 998, 1204, 2577, 2693⁴⁷.

Тот факт, что достижениями творческой деятельности М.З. Шагала можно насладиться в стенах Государственной Третьяковской галереи, ни для кого не покажется удивительным, ведь именно этот культурно-исторический центр хранит так много знакомых нам со школьной скамьи шедевров русских художников, иконописцев, скульпторов. Но в Третьяковской галерее находятся не только изобразительные работы великого мастера – здесь, в фонде знакомого М.З. Шагалу по школе Е.Н. Званцевой художника и искусствоведа Александра Григорьевича Ромма, можно найти посвященные ему в переписке стихи Марка Захаровича. О своих поэтических экспериментах М.З. Шагал упоминал и в книге «Моя жизнь», говоря, что попытки сочинительства не увенчались успехом и были брошены. Письма к А.Г. Ромму, свидетельствующие об обратном, были приобретены сотрудниками галереи у вдовы Александра Григорьевича в 1957 г.⁴⁸ В Отделе рукописей также хранятся письма Марка Захаровича к его учителю, театральному художнику Л.С. Баксту⁴⁹, другу юности, живописцу и графику А.М. Нюренбергу⁵⁰, две неизданные автобиографии художника⁵¹, а также интереснейший рисунок М.З. Шагала, сохраненный в альбоме археолога С.Ю. Юренева и сопровождаемый собственноручным комментарием художника: «Я не мастер афоризма – обратись к творцам Супрематизма»⁵².

Безусловно, материалы, посвященные Марку Шагалу, не могли не отложиться в музеях и архивах столь любимой художником Франции, которой он посвятил более 50 лет своей жизни. Национальный музей Библейского послания Марка Шагала в Ницце, который был торжественно открыт 7 июля 1973 года, содержит цикл из семнадцати полотен на сюжеты из Ветхого завета, созданный Шагалом между 1962 и 1967 годами. Собрание дополняет серия гуашей, также тематически связанных с Библией, но созданных

мастером значительно раньше, в 1930–1932 годах. Эти два цикла были принесены художником в дар французскому правительству.

Необычайно ценные документы отложились также в фондах Национального архива Фонтенбло. Более 100 единиц хранения данного архива позволяют исследователям более подробно изучить этапы жизни и творчества великого деятеля искусства в период его проживания во Франции. Здесь можно найти материалы, сопутствовавшие выставке произведений М. Шагала, объединенных в цикл «Библейские образы», которая открылась в Лувре в 1967 г.⁵³, – письма, презентации, переписка о порядке организации и открытия выставок, пригласительные, подготовка каталогов. Сохранились также документы, свидетельствующие об участии Марка Шагала в других выставках⁵⁴.

Имеется здесь и документация, связанная с основанием Музея Библейского послания Марка Шагала в Ницце⁵⁵, сотрудничеством художника с театрами⁵⁶, заказами на произведения художника⁵⁷.

Интересен тот факт, что документы, связанные с творчеством Марка Шагала, содержатся в личных фондах известных и уважаемых людей. Так, например, в личном фонде президента Франции 1947–1954 гг. Венсана Ориоля отложились документы, повествующие о покупке картин М. Шагала⁵⁸.

Нельзя не отметить, что в архиве помимо документов находятся несколько работ Марка Шагала – натюрморт «Ваза с фруктами»⁵⁹, а также один из изготовленных им витражей⁶⁰.

Богатое архивное наследие, оставленное Марком Захаровичем Шагалом в разных уголках мира, снова и снова заставляет нас восхищаться этим сильным и вместе с тем светлым творческим человеком, чьей фантазии и трудолюбия хватило на воплощение колоссального числа работ различных сфер и направлений. Именно архивные документы позволяют нам узнать детали детской и подростковой жизни М. Шагала, увидеть его почерк, получить информацию о выставках, в которых он участвовал, а также о знакомстве художника с такими известными людьми, как М. Торез, С.А. Есенин, Э. Триоле, В.Э. Мейерхольд и многие другие. Эти факты могут быть полезными для написания еще большего количества книг, сценариев, оформления выставок. Спустя год наступит день 130-летней годовщины со дня рождения Марка Шагала, день, к которому с трепетом будут готовиться в России, Белоруссии и Франции, день, который покажет, что искусство действительно способно объединять.

- ¹ *Шагал М.* Моя жизнь / Пер. с фр. Н. Мавлевич. СПб., 2014. С. 102.
- ² В настоящее время Лиозно принадлежит Белоруссии.
- ³ *Шагал М.* Указ соч. С. 54.
- ⁴ Там же. С. 56.
- ⁵ «Нива» – русский иллюстрированный еженедельный журнал для семейного чтения, выходивший в Петербурге в 1870–1918 гг. (Большая Советская Энциклопедия / Гл. ред. А.М. Прохоров. М., 1974. Т. 17. С. 555 (далее – БСЭ)).
- ⁶ *Шагал М.* Указ соч. С. 57.
- ⁷ Там же. С. 58.
- ⁸ Пэн Юрий Моисеевич (1854–1937), советский живописец. Учился в Имперской академии художеств (г. Санкт-Петербург). С 1891 г. жил в Витебске, где основал первую в Белоруссии художественную студию (1892–1918) (БСЭ. Т. 21. С. 280).
- ⁹ *Шагал М.* Указ. соч. С. 58.
- ¹⁰ Там же. С. 64.
- ¹¹ Там же. С. 109.
- ¹² В Петербург Мойша Сегал отправился в 1907 г. Если вести отсчет от даты рождения, 7 июля 1887 г., можно сделать вывод о том, что отчий дом он покинул в возрасте двадцати лет. На самом же деле Сегалу на тот момент шел восемнадцатый год. Такое расхождение объясняется тем, что отец художника в свидетельстве о рождении указал более раннюю дату, «желая выгадать какие-то привилегии для младшего брата» (*Шагал М.* Указ. соч. С. 74).
- ¹³ Рерих Николай Константинович (1874–1947), русский живописец, археолог, путешественник, общественный деятель. Учился в Петербурге в Академии художеств (БСЭ). Т. 22. С. 42.
- ¹⁴ Зайзенберг С.М., современный художник, изображает жизнь провинциальных евреев (Большая биографическая энциклопедия. М., 2009. [Электронный ресурс] URL: http://enc-dic.com/enc_biography (дата обращения: 01.02.2016)).
- ¹⁵ Званцева (Званцова) Е.Н., художник, ученица И.Е. Репина, основательница студий рисования и живописи в Москве и Санкт-Петербурге (Большая биографическая энциклопедия. М., 2009. [Электронный ресурс] URL: http://enc-dic.com/enc_biography (дата обращения: 01.02.2016)).
- ¹⁶ Бакст Лев Самойлович (настоящая фамилия – Розенберг) (1866–1924), русский живописец, график, театральный художник. Один из ведущих декораторов «Русских сезонов за границей» и антрепризы С.П. Дягилева (балеты: «Клеопатра», 1909; «Жар-птица», 1910; «Нарцисс», 1911; «Дафнис и Хлоя», 1912; и др.) (БСЭ. Т. 2. С. 542).
- ¹⁷ Винавер Максим Моисеевич (1863–1923), юрист, депутат I Государственной думы, один из основателей и руководителей партии кадетов (*Шагал М.* Указ. соч. С. 217; комментарии Н. Апчинской).
- ¹⁸ *Шагал М.* Указ. соч. С. 103.

- ¹⁹ Там же. С. 65.
- ²⁰ Осенний салон (фр. *Société du Salon d'automne*, также *Salon d'automne*) – объединение деятелей искусства во Франции, основанное в 1903 г. архитектором Францем Журденом в сотрудничестве с такими художниками, как Жорж Руо, Эдуар Вюйяр, Альбер Марке.
- ²¹ *Шагал М.* Указ. соч. С. 125.
- ²² Там же. С. 131.
- ²³ Шагал // Художественная Галерея. 2005. № 35. С. 3.
- ²⁴ *Шагал М.* Указ соч. С. 131.
- ²⁵ Там же. С. 137.
- ²⁶ Там же. С. 144.
- ²⁷ Речь идет о детской колонии имени III Интернационала в Малаховке (Там же. С. 183).
- ²⁸ Там же. С. 156.
- ²⁹ Там же. С. 187. *Воллар* Амбруаз (1868–1939), издатель, автор мемуаров о художниках. В 1920–1930-е гг. был заказчиком многих произведений Шагала (Там же. С. 219; комментарии Н. Апчинской).
- ³⁰ «Белое распятие», 1938; «Распятый художник», 1938–1940; «Мученик», 1940; «Желтый Христос», 1941; и др.
- ³¹ *Ракитин В.И.* Марк Шагал. М., 2010.
- ³² *Шульман А.Л.* Местечко Марка Шагала. Минск, 2010.
- ³³ *Счастный В.Г.* Художники Парижской школы из Беларуси. Минск, 2010.
- ³⁴ *Коваленко Ю.* Русская палитра Парижа: Беседы с художниками. М., 2012.
- ³⁵ *Хаггард В.* Моя жизнь с Шагалом. Семь лет изобилия / Пер. с англ. Е. Серегинной. М., 2007.
- ³⁶ *Wulschlager J.* Chagall: Love and Exile. L., 2008.
- ³⁷ *Tumarkin S.* Chagall and the Artists of the Russian Jewish Theater. N.Y., 2008.
- ³⁸ *Tammarazio F.* Marc Chagall: Amore e Musica Nellopera Pittorica. Firenze, 2006.
- ³⁹ *Harshav B.* Marc Chagall and his Times. Stanford, Calif., 2004.
- ⁴⁰ Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 1416. «Витебское губернское правление». Оп. 1. Д. 2680 «Общий список евреев мужского пола, проживавших в 1-й части г. Витебска».
- ⁴¹ РГАЛИ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 1004: Материалы к 50-летию художника М.Ю. Пэна: биография художника, поздравительное письмо художника М. Шагала, фото М.Ю. Пэна.
- ⁴² Там же. Ф. 998. Оп. 1. Д. 827: Записи к выступлениям в Берлине во время гастролей ГостИМ. Приложен перечень вопросов слушателей, на Л. 1 об – приглашительный билет на выставку акварелей Шагала.
- ⁴³ Там же. Ф. 2335. Оп. 1. Д. 140: Дружеский шарж на М. Шагала.
- ⁴⁴ Там же. Ф. 2712. Оп. 1. Д. 408: М.З. Шагал. «Алеко». Эскиз костюма к опере С.В. Рахманинова.

- ⁴⁵ Там же. Ф. 3160. Оп. 2. Д. 2773: «О художнике Марке Шагал»: Дело фильма. Производство: фирма «Лондон Уикенд Телевижн» (Англия).
- ⁴⁶ Там же. Ф. 3192. Оп. 18. Д. 2498: «Шагал»: Киноповесть Горенштейна Ф.Н.
- ⁴⁷ Там же. Ф. 336. Оп. 7. Д. 89; Ф. 665. Оп. 1. Д. 1; Ф. 769. Оп. 1. Д. 210; Там же. Ед. хр. 262; Ф. 938. Оп. 2. Д. 311; Ф. 962. Оп. 7; Ф. 990. Оп. 1. Д. 123; Ф. 994. Оп. 7. Д. 38; Ф. 998. Оп. 1. Д. 2602; Ф. 1204. Оп. 2. Д. 364; Ф. 2577. Оп. 1. Д. 1429; Д. 1654; Ф. 2693. Оп. 1. Д. 158, 280, 334.
- ⁴⁸ ОР ГТГ. Ф. 62. А.Г. Ромм. Ед. хр. 52–69.
- ⁴⁹ Там же. Ф. 111. Л.С. Бакст. Ед. хр. 2619.
- ⁵⁰ Там же. Ф. 34. А.М. Нюренберг.
- ⁵¹ Там же. Ф. 31. Ед. хр. 1968, 2073.
- ⁵² Там же. Ф. 4. Ед. хр. 2199.
- ⁵³ Archives Nationales. Culture; Cabinet et services rattachés au Ministre (19890127/1-19890127/52).
- ⁵⁴ Ibid. (20010112/1-20010112/23); Direction du Patrimoine (19890535/1-19890535/91); Direction Musées de France (1936–1991) (19930361/1-19930361/25).
- ⁵⁵ Ibid. Direction de la musique et de la danse (19880264/1-19880264/37), Fonds privés; Archives personnelles et familiales; Archives d'Auguste Bostsarron (1928–1964) (20000012/1-20000012/3).
- ⁵⁶ Ibid. Direction patrimoine (1887–1987) (19950180/1).
- ⁵⁷ Ibid. Fonds Vincent Auriol (552AP/1-552AP/269).
- ⁵⁸ Ibid. F/21/6731.
- ⁵⁹ Ibid. Direction des musées de France (19950288/1-19950288/20); Caisse nationale des monuments historiques et des sites (1967–1998) (20040375/1-20040375/69).
- ⁶⁰ Ibid. F/21/6915.

Документы местных государственных учреждений,
обеспечивающих внутреннюю
и внешнюю систему отчетности
по частной торговле в Тверской губернии
(1918–1936 гг.)

Статья посвящена анализу отчетной документации государственных учреждений Тверской губернии (1918–1936 гг.). В Государственном архиве Тверской области выявлены делопроизводственные документы, представленные внутренней и внешней отчетностью местных государственных учреждений по частной торговле. Автором был проведен анализ формуляров основных видов и разновидностей отчетной документации, выявлены информативные возможности этих документов. Проведен анализ подлинности и достоверности заключенной в них информации. Выявлены взаимосвязь и взаимодополняемость делопроизводственных документов отчетного характера, регулирующих управленческие процессы осуществления контроля над частной торговлей в государственных учреждениях.

Ключевые слова: документооборот государственного учреждения, отчет, рукописный документ, машинописный документ, типографский документ.

В ходе реализации новой экономической политики (НЭП) РСФСР в 1921 г. возникла проблема реформирования системы налогообложения, так как предыдущая налоговая система была уже не в состоянии решать поставленные перед ней новые задачи. Делопроизводственная документация, обеспечивающая внешнюю систему отчетности, – совокупность исторических источников, содержащих информацию о деятельности местных государственных учреждений в отношении реализации законодательных актов и указаний центральных государственных учреждений, даваемых местным органам власти через циркуляры по вопросам организации и контроля частной торговли в Тверском

регионе. Документы, обеспечивающие внутреннюю систему отчетности, служили, с одной стороны, формой контроля над осуществлением частной, торговли с точки зрения соблюдения всех предусмотренных законодательными актами норм и правил со стороны тех граждан, которые непосредственно занимались этим родом деятельности. С другой стороны, для соответственного государственного учреждения (губисполкома, райисполкомов) они являлись своего рода первоисточником при составлении отчетов для вышестоящих органов власти в отношении частной торговли по Тверскому региону, так как содержали данные, непосредственно интересующие их: виды и формы осуществляемой на территории Тверского региона частной торговли, ее характер, уровень охвата подобным родом деятельности населения и причины занятия им, уровень социальной стратификации среди частных торговцев с точки зрения объема осуществляемой торговли и тому подобную информацию.

Из отобранной автором совокупности делопроизводственной документации этого типа – *заявление на получение промыслового патента* – очень важный источник по изучению частной промысловой деятельности в период НЭПа. Согласно Положению о государственном промысловом налоге, принятому ВЦИК и СНК РСФСР в августе 1921 г.,¹ частное лицо или организация, прежде чем начать торговлю или заниматься каким-либо промыслом, должны были получить в (губ)райфинотделе патент, предоставляющий право на данное занятие. С этой целью писалось заявление по стандартной форме, в котором проситель указывал подробные сведения о себе, виде и форме торговли либо промышленного промысла, которые предполагалось осуществлять.

Формуляр этого документа (заявления) составлялся авторами таким образом, чтобы получить максимум необходимых сведений о потенциальном частном торговце с целью предметного рассмотрения вопроса о выдаче ему (ходатаю) патента-разрешения на право занятия частным торговым предпринимательством. А сам по себе документ был предназначен для документального обеспечения процедуры выдачи разрешения на право осуществления частной торговой деятельности, с одной стороны, а с другой – для организации системы внутренней и внешней отчетности в соответствующем государственном учреждении.

Заявления, имея единый формуляр, могли быть созданы различными способами. На основании тех документов, которые отложились в фонде губфинотдела, можно выделить три подвида этого источника. Первый подвид – заявления оформлялись на типограф-

ском бланке (вопросы), а ответы вписывались заявителем при его заполнении от руки. Второй подвид – заявления (бланки) печатались на пишущей машинке, а ответы вписывались заявителем также собственноручно. К третьему подвиду следует отнести заявления полностью рукописные, но составленные строго по определенной форме.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, вероятно, последние два подвида данного источника имели местное происхождение, т. е. печатались на пишущей машинке или писались от руки непосредственно в финансовом отделе соответствующего органа власти. Это делалось, скорее всего, по причине недостаточного количества типографских бланков.

Особенностью второго и третьего подвидов заявлений было отсутствие (в отличие от типографского бланка) вопросов, касающихся промышленных предприятий, если заявление заполнялось лицом, которое собиралось осуществлять частную торговую деятельность. И наоборот, отсутствие вопросов, связанных с торговлей, если заявитель должен был заниматься промышленным промыслом.

Итак, в этом документе содержатся сведения о видах и формах частной торговой деятельности, осуществляемой отдельными лицами или совместно с кем-либо в Тверском регионе в период НЭПа, что позволяет выявить, но с привлечением уже и других видов и разновидностей документов (патентов, документов свидетелей, заявлений-ходатайств торговцев) определенные тенденции развития частного торгового предпринимательства в исследуемый период. И соответственно эта разновидность документов позволит решить задачи при исследовании такой проблемы, как развитие государственной налоговой системы в период НЭПа.

Достоверность информации, вписанной потенциальным крупным и средним торговцем в заявление, в целом не вызывает у автора научного исследования сомнений. Так как в данном случае ходатаю (потенциальному торговцу) не было смысла включать в этот документ недостоверные сведения, потому что, помимо этого документа, в ходе процедуры оформления разрешения на осуществление частной торговой деятельности работниками соответствующего государственного учреждения, например, производился еще осмотр торгового помещения с целью проверки последнего на предмет пригодности.

Хотя следует иметь в виду, что это не касалось мелких торговцев, т. е. тех, которые торговали непосредственно с рук мелочным товаром. В данном случае процедура оформления и получения

разрешения была гораздо проще и соответственно контроль над осуществлением мелкой частной торговли был менее строгим, чем над крупной и средней. Соответственно у потенциального мелкого торговца была возможность в тексте заявления, например, снизить показатели объема товарооборота или указать неполный перечень товаров, которые он предполагает реализовывать в ходе осуществления своей деятельности и т. п. Такие факты можно выявить при сопоставлении текстов анализируемой разновидности с документами свидетелей и справками финансового отдела, входящими в состав личного дела торговца.

Следующая разновидность – *акт осмотра торгового помещения*², который является важным и наиболее информативным источником по изучению частной торговли в период НЭПа.

С целью получения разрешения на право осуществления торговой деятельности ходатай, согласно Положению о государственном промысловом налоге (август 1921 г.), должен был обратиться с прошением в соответственный орган власти. На этом основании формировалась комиссия из должностных лиц, состоящая, как правило, из трех человек, в нее входили представители от губернского отдела управления, губфинотдела и губгоркоммунотдела – работники Тверского губисполкома.

Комиссия осматривала помещение, в котором предполагалось производить торговлю. По его результатам составлялся акт, в котором члены комиссии старались достаточно полно и четко описать осмотренное помещение. Иначе говоря, авторы текста документа (члены комиссии) ставили перед собой цель – объективно и непредвзято провести анализ проведенного ими мероприятия. Причем, имея в виду, что составленный членами комиссии документ предназначен, во-первых, для использования его при составлении отчетов для соответствующих центральных государственных учреждений; во-вторых, будет служить элементом в системе внутреннего документооборота того органа власти, в котором он возник.

Акты осмотра торговых помещений имели, несомненно, определенный перечень сведений, который в них должен был наличествовать. С другой стороны, не было единой строгой формы их составления, т. е. последовательности указания определенных фактов. Представляется целесообразным разделить эту разновидность источников на две подгруппы: рукописные и машинописные, но с оговоркой, что среди выявленных в фонде губфинотдела государственных архива Тверской области преобладают машинописные формы этого источника.

Акт составлялся комиссией и подписывался в конце собственноручными подписями с указанием должностей, но с той разницей, что вначале шла подпись председателя комиссии (это, как правило, был представитель «Губернского отдела управления»), но без указания должности. Затем шли подписи членов комиссии, но уже с указанием их должностей.

В ходе анализа была выявлена еще одна особенность. В акте указывалась только дата осмотра помещения, но не обозначалась дата составления. Это делалось, вероятно, по причине того, что этот документ должен был составляться в день осмотра помещения, причем в четырех экземплярах: по одному экземпляру каждому члену комиссии с целью предоставления в соответствующий орган власти и ведомство, а четвертый экземпляр предоставлялся хозяину или арендатору осмотренного помещения. Но это еще не означает, что так и было на самом деле. Имея в виду в данном случае подобный порядок – составление акта в день осмотра.

Введение в научный оборот этой разновидности источников позволит решить задачи, связанные с проблемами исследования частной торговли в период НЭПа. Так, из этих произведений (актов) исследователь может выявить необходимые сведения о видах, формах и характере торговли, а также о видах и характере помещений, в которых производилась торговля в исследуемый период. Наконец, акт осмотра торгового помещения может оказаться как раз недостающим элементом в цепочке с точки зрения исследования правового механизма обеспечения государственного контроля над частной торговлей.

Уровень достоверности данных, изложенных в акте осмотра торгового помещения, зависит от меры субъективности, привнесенной авторами документа в его текст. Субъективность же информации документа заключается в том, что члены комиссии описывали факты так, как они их себе представляли. Но, правда, следует учитывать, что текст данного произведения является продуктом коллективного творчества комиссии, состоящей из трех человек. Последнее как раз служит залогом того, что факты, описанные в тексте документа, вполне достоверны.

Итак, совокупность документов, обеспечивающих внутреннюю систему отчетности государственных учреждений, представляет исследователю достаточно полный и достоверный материал (информацию), который дает возможность реконструировать горизонтальные информационные потоки с точки зрения функционирования документооборота в отдельно взятом государственном учреждении в отношении осуществления контроля над частной торговлей.

Первая разновидность данной совокупности источников – «Сведения о взимаемых в губернии местных налогах и сборах». Документ представляет собой типографский бланк, оформленный в виде анкеты³. Смысл вопросов, сформулированных ее авторами, заключался в том, чтобы выяснить ситуацию, сложившуюся в определенном регионе относительно своевременности и полноты сбора налогов. Иначе говоря, финансовые отделы местных органов власти отчитывались перед НКФ РСФСР посредством указания в документах, относящихся к этой разновидности данных, о ставках налоговых сборов, которые были установлены местным органом власти «ниже предельных», т. е. установленных Постановлением ВЦИК и СНК, причем с обозначением размера каждой из этих ставок.

Итак, анализируемая разновидность делопроизводственной документации была предназначена с точки зрения функционирования для использования ее в системе документооборота государственных учреждений с целью организации нисходяще-восходящего информационного потока документов, имеющих контрольно-отчетную функцию.

Формуляр документа имеет следующую особенность. «Лицевая» сторона его содержит циркуляр НКФ РСФСР, отпечатанный типографским способом – «О периодическом доставлении сведений по местным налогам и сборам», а «оборотная» – анализируемый в данном случае документ. Причем на обеих сторонах (документах) отсутствуют подписи и печати, но, правда, указаны фамилии и инициалы должностных лиц и обозначено «м.п.» (место печати), а в циркуляре указана дата составления этого документа⁴. Дело в том, что эти «специальные» бланки сначала рассылались непосредственно начальникам губфинотделов, а после их заполнения в соответственном отделе местного органа власти отправлялись обратно – в НКФ РСФСР.

Формуляр документа состоит из пяти вопросов, расположенных с левой стороны листа, а справа было оставлено место для ответов. При заполнении анкеты прежде всего нужно было внести в документ данные о видах налогов и сборов вообще, установленных местным органом власти за отчетный период. После этого составитель «Сведений» должен был указать виды налогов и сборов, установленных местным органом власти по собственной инициативе, но вопреки соблюдению соответственного законодательного акта, причем необходимо было описать, кем и когда они (налоги) были введены и какие меры принимались с точки зрения отмены этих незаконных налогов и сборов. Пятый вопрос анкеты пред-

лагал обозначить «законные виды налогов и сборов», которые не были введены в губернии, с указанием причины этого явления.

Информационная емкость совокупности данной разновидности делопроизводственной документации достаточно полно отражает нормотворчество местных органов власти в отношении реализации государственной налоговой политики периода НЭПа в Тверской губернии, так как факты, выявленные из этих документов, позволяют исследователю провести компаративный анализ, сопоставив их с данными текстов законодательных и подзаконных актов центральных органов власти.

В достоверности данных, содержащихся в документах исследуемой разновидности, следует сомневаться в том случае, когда обнаружится несоответствие этой информации аналогичным свидетельствам, заключенным в текстах других документов. В этой ситуации необходимо в рамках компаративного подхода привлечь соответственные законодательные акты. Прежде всего «Положение о государственном промысловом налоге» за соответственный год и нормативные правовые акты соответствующих местных органов власти. Иначе говоря, применив в этих условиях экономический метод, автору научного исследования предоставляется возможность выявить уровень достоверности сведений, которые местные государственные учреждения, в частности Тверской губисполком, подавали в качестве отчетных в соответствующие центральные органы власти.

Следующая разновидность делопроизводственной документации – «Анкетный лист», содержащий восемь вопросов. НКФ РСФСР в данном случае циркулярно предлагал подать сведения о нарушениях и злоупотреблениях, имеющих место в частной торговле на местном (региональном) уровне, в частности в Тверском регионе. В этом как раз и состояла цель создания этих документов, а предназначение авторы-составители видели в обеспечении организации системы отчетности нижестоящих государственных учреждений вышестоящим.

Анализируемый документ имел вполне определенный формуляр, в целом аналогичный предыдущей разновидности. Различие их состоит в том, что формуляр документа первой разновидности содержит в себе два документа, а второй не имеет содержания текста циркуляра, а только обозначение в правом верхнем углу номера самого циркуляра и входящего номера, т. е. присвоенного при регистрации в момент получения его адресатом.

Таким образом, исследуемая разновидность делопроизводственной документации предоставляет возможность выявить необходимые факты с точки зрения решения поставленной научной

проблемы – это «Анкетный лист по вопросу о борьбе с незаконной выделкой и продажей подакцизных предметов (кормчество)»⁵, так как в ходе проведения анализа информативных возможностей текста этой разновидности автор научного исследования выяснил, что НКФ РСФСР интересовало, где и в каких пунктах наблюдались случаи тайной незаконной выработки и продажи подобного рода товаров: «кропеного табаку кустарного производства, свечей восковых и парафиновых, спичек, патоки, спирта и пр.».

В результате изучения и анализа текстов источников этой разновидности представляется возможным получить ценные сведения об имеющихся нарушениях в сфере осуществления частной торговли в рамках действующего законодательства и меры борьбы с ними, предпринимаемые местными и центральными органами власти.

Последняя разновидность делопроизводственной документации в местных учреждениях – *«Информационные письма»*. Наименование разновидности дано не по названию документов, а исходя из их содержания, так как само по себе название, как правило, на документе не обозначалось. В формуляре документа указывался только «адресат», т. е. орган власти, в который данное письмо направлялось. Формуляр также предусматривал оформление документов на листе с угловым штампом (не гербовым), с обязательным указанием исходящих и входящих номеров и дат получения и отсылки. Кроме этого, формуляром еще было предусмотрено удостоверение «Информационных писем» подписями двух должностных лиц, ранг которых зависел от статуса государственного учреждения, составившего документ и соответственно от статуса того органа власти, куда оно (письмо) должно было быть послано.

В том случае, если письмо предназначалось для НКФ РСФСР, оно подписывалось так: «Предгубисполкома» и «Секретарь»⁶. Если же письмо, предназначенное местному органу власти, составлено аналогичным учреждением, только иного статуса, а точнее, работниками соответственного отдела, например, губфинотдела в Президиум губисполкома, то комбинация подписей на документе была такова: «Зав. Губфинотделом» и «Зав. Налог. П/отд.»⁷.

Посредством этих писем нижестоящие органы власти, как правило, информировали вышестоящие об имеющихся недостатках в системах местного и центрального налогообложения и предлагали принять конкретные меры по их устранению. В чем собственно и заключалось предназначение этих документов с точки зрения их авторов. Иначе говоря, эта разновидность делопроизводственной документации являлась одним из элементов, обеспечивающих горизонтальные и вер-

тикальные информационные потоки в системе документооборота центральных и местных государственных учреждений.

Тексты «Информационных писем» позволяют исследователю выявить информацию о явных и скрытых недостатках формирующейся системы налогообложения частной торговли как на местном (региональном) уровне, так и по стране в целом. Иначе говоря, данные, содержащиеся в «Информационных письмах», расширяют информационное поле исследования в отношении информации о недостатках системы налогообложения частных торговцев, об их видах, размерах (суммах) и полагающихся льготах, которыми должны были пользоваться последние. Достоверность данных, изложенных в «Информационных письмах», можно подвергнуть сомнению с той точки зрения, что местные власти могли несколько неадекватно оценить сложившуюся обстановку и вследствие этого немного ее «приукрасить» в отношении имеющихся недостатков в системе налогообложения и осуществления контроля над частной торговлей, прежде всего на местном (региональном) уровне и, конечно же, по стране в целом.

Таким образом, проверить достоверность фактов, содержащихся в такого рода документах, представляется целесообразным, сопоставляя их с соответствующими законодательными и подзаконными актами с точки зрения нахождения в них (законодательных актах) подобных «пробелов». А также с нормативными правовыми документами местных органов власти на предмет наличия в них факта обращения внимания на тот или иной недостаток или полного игнорирования оных, или выявления факта обыкновенного невладения информацией по этому вопросу. Опять-таки здесь требуется выяснение всех внутренних и внешних причин, приведших к такому положению.

Однако проанализированные делопроизводственные документы дают представление о видах и формах внешней и внутренней отчетности, применяемой в местных государственных учреждениях, в частности в Тверской губернии, что вносит определенный вклад в исследование в целом эволюции отчетной документации в России.

Примечания

¹ Известия. 1921. 16 дек.

² Государственный архив Тверской области. Ф. Р-520. Оп. 6. Д. 447. Л. 11.

³ Там же. Л. 17.

⁴ Там же. Оп. 5. Д. 36. Л. 26.

⁵ Там же. Л. 26 об.

⁶ Там же. Д. 34. Л. 293.

⁷ Там же. Ф. Р-291. Оп. 10. Д. 1. Л. 218.

Источники по истории православной церкви в архиве Российского императорского дома в изгнании и их введение в научный оборот

В статье дается краткий анализ конституирования положения Российского императорского дома Романовых в изгнании после революции 1917 г., характеризуются взаимоотношения глав династии с духовенством трех юрисдикций Русской православной церкви в эмиграции и иерархами других поместных церквей, рассказывается о церковно-династических отношениях на современном этапе, приводится обзор источников по истории церкви, хранящихся в архиве Российского императорского дома, и рассматриваются вопросы их введения в научный оборот. Основные положения статьи были изложены в докладе на Международной научной конференции «Отечественная и зарубежная архивоведческая мысль в XVIII–XXI вв.: Состояние и перспективы» (К 80-летию со дня рождения Е.В. Старостина)», состоявшейся в декабре 2015 г. в Историко-архивном институте Российского государственного гуманитарного университета.

Ключевые слова: Российский императорский дом Романовых, Русская православная церковь, поместные церкви, исторические источники, археография, монархия, легитимизм, социокультурный суверенитет, традиционные институты.

Российский царский (с 1721 г. – императорский) дом Романовых воцарился в 1613 г. и вплоть до 1917 г. обладал статусом государственного учреждения – рода, из которого в установленном законом порядке происходили носители верховной власти в государстве.

Акт о престолонаследии императора Павла I, изданный в 1797 г., Учреждение о императорской фамилии и ряд других законодательных актов регламентируют вопросы преемственности

власти и главенства в династии, прав и обязанностей, внутренней иерархии, титулования, символики, бюджета и функционирования системы учреждений, обеспечивающих жизнь и деятельность Российского императорского дома.

После революции 1917 г. Российский императорский дом лишился политической власти и утратил статус государственного учреждения, но сохранился в качестве исторической институции – фамильной корпорации, имеющей несомненную преемственность с момента своего основания и продолжающей свое существование на основе исторически сложившихся правовых установлений и традиций.

Наличие династического законодательства, системы принципов и ценностей, а также взаимоотношений правового и общественного характера с другими царственными династиями Европы (как правящими, так и лишенными престолов), религиозными и иными традиционными историческими институциями обеспечили социокультурный суверенитет дома Романовых, то есть его самодостаточность, самостоятельность и независимость, а следовательно, возможность продолжения его бытия в сфере идейной, духовной, общественной и культурной жизни независимо от изменений политических обстоятельств¹.

Процесс конституирования положения Российского императорского дома в изгнании в ходе и после революции 1917 г. происходил следующим образом. Император Николай II 2 марта 1917 г. подписал акт об отречении от престола за себя и за наследника цесаревича Алексея Николаевича в пользу следующего в порядке престолонаследия великого князя Михаила Александровича (своего родного брата). Великий князь Михаил Александрович 3 марта 1917 г., в свою очередь, подписал акт, в соответствии с которым он не отрекался от своих прав на престол (как иногда ошибочно интерпретируют), а отложил принятие верховной власти до решения Учредительного собрания об образе правления. Таким образом, Российский императорский дом признал право народа избрать государственный строй, но не отрекся от своих прав на престол в случае сохранения или восстановления монархии².

В 1918 г. император Николай II, цесаревич Алексей и великий князь Михаил, то есть все мужское потомство императора Александра III, были казнены. Права на главенство в Российском императорском доме и сопутствующие обязанности в соответствии с законом перешли в род следующего сына императора Александра II великого князя Владимира Александровича (1847–1909), старшим сыном которого был великий князь Кирилл Владимирович (1876–1938).

В 1922 г. Кирилл Владимирович, находясь в эмиграции, как старший в династическом отношении из выживших в ходе революции и Гражданской войны членов дома Романовых, принял звание «блюстителя государева престола» (регента), а в 1924 г., убедившись в несомненной гибели предшествовавших ему в порядке престолонаследия членов династии, принял титул императора всероссийского в изгнании³.

Тем самым Кирилл Владимирович зафиксировал, что Российский императорский дом продолжает существовать на основе своих духовных, идейных и юридических установлений и наследование главенства в нем осуществляется в строгом соответствии с нормами династического права. Фундаментом идеологии и мировоззрения императорского дома и ориентирующихся на него традиционалистских общественных сил является легитимизм, т. е. признание продолжения действия исторического права, обеспечивающего законное наследование прав и обязанностей глав династии (включая права на престол в случае реставрации), а также общая система принципов, ценностей и традиций православной российской монархии.

После кончины Кирилла Владимировича в 1938 г. ему наследовал его сын, Великий князь Владимир Кириллович. Он решил не принимать официально титул императора в изгнании и пользовался титулом главы Российского императорского дома его императорского высочества государя великого князя.

В ноябре 1991 г. великий князь Владимир Кириллович вместе с супругой великой княгиней Леонидой Георгиевной посетил СССР. Этим визитом начался процесс реинтеграции Российского императорского дома в общественную жизнь современной России и других государств, возникших на территории бывшей Российской империи после распада СССР.

В 1992 г. Владимир Кириллович скончался и был погребен в родовой усыпальнице Российского императорского дома – Петропавловском соборе Санкт-Петербурга. Его отпевание совершил патриарх Московский и всея Руси Алексий II. Поскольку на тот момент не осталось представителей дома Романовых мужского пола, которые имели бы династические права, новой главой династии в силу статьи 30 Основных государственных законов Российской империи⁴ стала дочь покойного великого князя Владимира великая княгиня Мария Владимировна⁵.

В настоящее время Российский императорский дом Романовых как историческая институция состоит из двух человек – великой княгини Марии Владимировны и ее сына от брака с великим

князем Михаилом Павловичем (принцем Францем-Вильгельмом Прусским) цесаревича и великого князя Георгия Михайловича. Великая княгиня и цесаревич являются гражданами Российской Федерации (с 1992 г.), часто бывают в России, занимаются благотворительной и общественной деятельностью, избегая любых форм участия в какой бы то ни было политической борьбе. Право хранить свои убеждения и распространять их любыми незапрещенными законом способами Российскому императорскому дому и его единомышленникам гарантирует 13 статья Конституции, закрепляющая принцип идеологического многообразия.

За годы проживания в изгнании и за последний период возвращения в общественную жизнь своего Отечества у императорской семьи сложился архив, основу которого составляет фонд Канцелярии глав Российского императорского дома.

Значительная часть хранящихся в нем документов связана с церковно-династическими взаимоотношениями и освещает драматическую историю Русской православной церкви в XX в., жизнь возникших после революции 1917 г. юрисдикций русского православия и полемику между ними, связь с другими поместными православными церквями.

Положение Русской православной церкви после революции 1917 г. оказалось во многом аналогичным положению Российского императорского дома (хотя, разумеется, со всеми свойственными ее статусу и роду деятельности отличиями). Из господствующей государственной церкви она превратилась в гонимую религиозную организацию и вплоть до 1991 г. не имела в СССР статуса юридического лица. Но при этом Церковь также сохранила все элементы своего социокультурного суверенитета – апостольскую преемственность, вероучение, каноническое право и внутреннюю иерархию.

Взаимная поддержка, особенно в условиях кризиса традиционных ценностей, особенно важна для всех исторических институций. Поэтому сотрудничество Русской православной церкви и Российского императорского дома во все времена представляет собой естественный и органичный процесс. Одновременно исторические обстоятельства, личностные человеческие отношения, внешние вмешательства и другие факторы привносили в это сотрудничество различные нюансы. Все эти явления представляют огромный интерес и для историков династии, и для историков церкви. Кроме того, без глубокого и всестороннего изучения церковно-династических отношений в русском зарубежье невозможно воссоздать правильную картину истории российской эмиграции.

Архивоведческое описание фонда Канцелярии глав Российского императорского дома (ф. 8) и введение хранящихся в нем документов в научный оборот началось в 1997 г. Фонд прошел первичное описание (в соответствии с тем, как он складывался и хранился в практической работе Канцелярии). Составлена схема систематизации, делам за период с начала изгнания до первой половины 1940-х гг. присвоены постоянные номера. Впереди еще предстоит осуществить много технической работы, но нынешнее состояние фонда дает возможность предоставить исследователям информацию о том, какие в нем имеются источники по истории Православной церкви.

Главный комплекс документов о церковно-династических отношениях содержится в разделе 9 оп. № 1 фонда 8 (Канцелярии Е.И.В.). Здесь сформированы дела № 72 (Письма митрополита Антония (Храповицкого)), № 73 (Письма митрополита Анастасия (Грибановского)), № 74 (Письма архиепископа Иоанна (Максимовича)), № 75 (Письма других иерархов Православной церкви). Отдельным вопросам посвящены дела № 76 (Проект Законоположения о Православной Российской Церкви, одобренный императором Кириллом Владимировичем 23 февраля 1926 г. и принятый затем Архиерейским собором РПЦЗ 1926 г.; переписка по этому поводу великого князя Андрея Владимировича с митрополитом Антонием (Храповицким) и управляющим делами Архиерейского синода РПЦЗ (Е.И. Махароблидзе), № 77 – всеподданнейший доклад графа Ю.П. Граббе по церковным делам и № 78 – Акт Архиерейского собора Русской православной церкви за границей о признании и поддержке великого князя Владимира Кирилловича как главы Российского императорского дома.

Эти документы демонстрируют, как складывались отношения Императорского дома с отдельными иерархами русского православия и с церковными юрисдикциями в целом, какие архиереи и священнослужители изначально безоговорочно стояли на позициях легитимизма, а какие в этом вопросе проявляли колебания и сомнения, как от первоначально абстрактного признания неизбежности прав дома Романовых на престол⁶ большинство иерархов пришли к убеждению о необходимости следования четким нормам закона о престолонаследии и солидарности с легитимными главами династии, как состоялся переход от личного признания отдельными архиереями к соборному признанию Кирилла Владимировича и Владимира Кирилловича неоспоримыми и единственными обладателями прав и обязанностей глав Российского императорского дома.

Также документы о церковно-династических отношениях имеются в следующих разделах.

В разделе 1 описи № 1 «Высочайшие акты и обращения» содержатся обращения и заявления императора в изгнании Кирилла Владимировича и великого князя Владимира Кирилловича по церковным вопросам, свидетельствующие о том, что, несмотря на бóльшую близость с Архиерейским синодом Русской православной церкви за границей, главы Российского императорского дома в изгнании не связывали себя ни с одной из существующих юрисдикций⁷, а всегда стремились к восстановлению церковного единства. Особое историческое значение имеют совместный акт императора в изгнании Кирилла Владимировича и председателя Архиерейского синода Русской православной церкви за границей митрополита Антония (Храповицкого) от 11 июля 1929 г., объявляющий день казни императора Николая II, его семьи и их служителей «Днем всеобщей скорби русских людей», и последнее обращение императора Кирилла Владимировича, адресованное II Всезарубежному собору с участием клира и мирян от 10 августа 1938 г. (дело № 1). В деле № 7 хранится письмо митрополита Антония (Храповицкого) от 29 декабря 1922 г., свидетельствующее о его признании законных династических прав великого князя Кирилла Владимировича и проливающее свет на причины колебаний иерархов в вопросе недвусмысленного признания этих прав.

В разделе 3 «Высочайшие рескрипты и письма» имеются личные письма глав династии, в том числе адресованные русским архиереям и иерархам поместных Православных церквей, например патриарху Сербскому Варнаве (Росичу).

В делах раздела 4 «Документы о событиях в Российском императорском доме» находятся поздравления и соболезнования первоиерархов и архиереев Русской православной церкви и других поместных Церквей в связи с соответственно радостными или печальными событиями (династическое совершеннолетие цесаревича Владимира Кирилловича (1933), кончина императрицы в изгнании Виктории Феодоровны (1936), бракосочетание великой княжны Киры Кирилловны с принцем Луи-Фердинандом Прусским (май 1938), кончина императора в изгнании Кирилла Владимировича и восприятие прав и обязанностей главы Российского императорского дома великим князем Владимиром Кирилловичем (октябрь 1938).

В деле № 82 «Походный журнал Канцелярии его императорского величества и Управления по делам главы Российского им-

ператорского дома (раздел 10 описи № 1 «Документы учреждений при Российском императорском доме в изгнании»)» зафиксированы даты встреч глав династий с первоиерархами, архиереями и другими священнослужителями.

Дела № 102–106 характеризуют работу «Совещания по вопросам устройства императорской России (Государева совещания)», учрежденного императором Кириллом Владимировичем 19 ноября 1924 г., членами которого из видных церковных деятелей были митрополит Антоний (Храповицкий), князь А.Н. Волконский, Е.И. Махароблидзе и в составе коего была Комиссия по церковному вопросу.

В разделе 11 «Исходящие письма» (дела № 109–126) имеются копии ответов Канцелярии Российского императорского дома на письма из разных стран за 1929–1944 гг., в том числе ответы на письма священнослужителей.

В разделах 12 «Письма верноподданных из Европы», 13 «Письма верноподданных с Ближнего и Среднего Востока», 14 «Письма верноподданных в Дальнего Востока», 15 «Письма верноподданных с Американского континента», 16 «Письма верноподданных из Африки» в числе общей переписки есть немало писем от духовенства, содержащих разностороннюю информацию о жизни приходов и о проблемах церковно-общественной жизни.

Единый комплекс документов представляет переписка императорской семьи и Канцелярии его императорского величества с афонскими монахами (дела № 228–239) за 1926–1940 гг.

Информация о Церкви и ее представителях в зарубежье и СССР имеется в делах по наградным вопросам в разделе 22 «Переписка и документы по поводу пожалования и учреждения Российских императорских орденов и иных наград Российского императорского дома», в разделе 24 «Всеподданнейшие доклады, информационные сводки и справочные материалы», в разделе 25 «Русская эмигрантская и иностранная пресса».

В части архива за послевоенный период, прошедшей лишь первичную обработку, делам присвоены временные номера. Их разбор и описание продолжают. Эта часть также содержит обширную переписку с архиереями и священнослужителями русской диаспоры.

С 1980-х – начала 1990-х гг. возобновляется в полной мере постоянная связь Российского императорского дома с Русской православной церковью Московского патриархата. Переписка великого князя Владимира Кирилловича, великой княгини Марии Владимировны, великой княгини Леониды Георгиевны и велико-

го князя Георгия Михайловича и их Канцелярии с патриархами Алексием II и Кириллом, патриархом Грузинской православной церкви Илией II, русскими и зарубежными православными архиереями и священнослужителями постоянно пополняется новыми документами.

Среди церковных корреспондентов императорской семьи в период изгнания, помимо уже названных, следует упомянуть иерусалимских патриархов Дамиана, Тимофея, Венедикта и Диодора, первоиерархов РПЦЗ митрополитов Филарета (Вознесенского), Виталия (Устинова), Лавра (Шкурлу) и Илариона (Капрала), митрополита Евлогия (Георгиевского), митрополита Серафима (Лукьянова), митрополита Антония (Блюма), архиепископов (затем митрополитов) Камчатского Нестора (Анисимова), Брюссельского и Бельгийского Александра (Немоловского), Харбинского и Маньчжурского Мелетия (Заборовского), архиепископов Екатеринославского и Новомосковского Гермогена (Максимова), Челябинского и Троицкого Гавриила (Чепура), Курского и Обоянского Феофана (Гаврилова), Вашингтонского и Флоридского Никона (Рклицкого), Сан-Паульского и всея Бразилии Феодосия (Самойловича), Восточно-Американского и Джерсийского Виталия (Максименко), епископов Западно-Канадского и Калагрыйского Иоасафа (Скородумова), Алеутского и Аляскинского Алексия (Пантелеева), архиепископа Бейрутского Илию (Салиби) и митрополита Гор Ливанских Илию (Карама), председателя Братства русских обителей-келий на Афоне иеромонаха Симеона (Дементьева), выдающихся представителей афонского монашества иеросхимонаха Герасима (Попова), иеросхимонаха Феодосия (Харитонова) Карульского, иеромонаха Никона (фон Штрэндмана), игумена русского Пантелеимонова монастыря священноархимандрита Илиана (Сорокина), архимандрита Евгения (Жукова), известную на Дальнем Востоке игумению Руфину (Кокореву), начальника Русской духовной миссии в Иерусалиме архимандрита Димитрия (Биакая) и игумению Тамару (в миру княгиню императорской крови Татиану Константиновну), архимандрита Спиридона (Ефимова), протопресвитеров Константина Изразцова, Александра Шабашева, протоиереев Василия Тимофеева, Павла Крахмалева, Павла Адамантова, Василия Виноградова, Иоанна Слюнина, Иоанна Григор-Ключко, Бориса Крицкого, Стефана Ляшевского, мирян И.А. Ильина, П.Н. Шабельского-Борка, князя Н.Д. Жевахова, поэта С.С. Бехтеева, графа Ю.П. Грабе (впоследствии епископа Григория), писателя М.В. Зызыкина. Большинство из перечисленных лиц являлись убежденными легитимистами, а некоторые прошли

путь от первоначального антилегитимизма или двойственного отношения к дому Романовых до выражения своей преданности легитимным главам династии (напр., архиепископы Мелетий (Заборовский) и Серафим (Лукьянов), И.А. Ильин, М.В. Зызыкин).

По итогам работы в архиве Российского императорского дома в изгнании подготовлена трехтомная публикация «Святая Гора Афон, Русская Православная церковь и Дом Романовых в изгнании». Историческое и социокультурное значение церковно-династических отношений после революции 1917 года. Переписка афонских монахов и иерархов Православной церкви с императорской семьей и Канцелярией глав Российского императорского дома. Исторические источники (1921–2013)⁸.

В это издание включены все выявленные на настоящий момент в Архиве Российского императорского дома и, за редчайшим исключением, ранее не публиковавшиеся письма афонских монахов императорской семье и публичные обращения и заявления Монашеской монархической организации на Афоне. Отпуски (копии) писем членов императорской семьи и Канцелярии его императорского величества, к сожалению, в большинстве случаев в Архиве Российского императорского дома не обнаружены, но об их содержании, как правило, можно получить представление по текстам публикуемых документов.

Помимо писем и обращений афонских монахов в публикацию включен также ряд других документов о деятельности Российского императорского дома в изгнании и о его взаимоотношениях с Русской православной церковью и вселенским православием, поскольку это необходимо для полноты информации и установления исторического контекста. Некоторые из этих документов публикуются также впервые, а некоторые представляют собой уточненные научные публикации, исправляющие неточности, опечатки и пропуски, допущенные при предыдущих обнародованиях (осуществленных как в общественно-политических, так и в научных целях).

Тексты приведены в полном соответствии с оригиналом по современной орфографии с сохранением особенностей пунктуации и написания отдельных слов.

Археографические заголовки выделены жирным шрифтом. В заголовках приводятся данные об авторстве, адресате, кратком содержании, типе письма документа, месте написания, исходящем номере (если имеется) и дате создания. Размещение собственных заголовков (если они имеются), абзацев и подписей соответствует оригиналу либо указано в подстрочных примечаниях. Все даты в

заголовках указаны и по юлианскому и по григорианскому календарям.

В текстах документов даты приведены по тому календарному стилю (или обоим стилям), который используется автором (афонские монахи в большинстве случаев использовали юлианский календарь без каких-либо оговорок).

При нумерации документов, для удобства поиска и взаимных ссылок используется трисоставный номер, включающий в себя год, месяц и число, соответствующий датировке документа по григорианскому календарю: 0000-00-00. Если за одно календарное число следует несколько документов, к номеру добавляется дополнительное цифровое обозначение: 0000-00-00/00.

Включенные в текст публикуемого документа примечания составителя помещены в косых скобках и выделены курсивом.

Грамматические и пунктуационные ошибки и явные опiski и опечатки исправлены без комментария; в некоторых случаях в примечаниях указывается – «Так в тексте». Славянизмы сохранены полностью. Стилистические ошибки в большинстве случаев сохранены и оговариваются в примечаниях только тогда, когда неудачный речевой оборот может исказить понимание сути написанного.

Сокращенные в тексте слова приводятся полностью. Отсутствующие буквы, части слов и прочие обозначения приведены в квадратных скобках.

В примечаниях указываются сведения о внешнем виде документа, а также поясняются затронутые в нем вопросы и приводятся данные об упомянутых событиях, явлениях и персоналиях. В ряде случаев в тексте примечаний повторяется информация, содержащаяся в историческом очерке, что позволяет пользоваться основной частью книги, не возвращаясь каждый раз к ее вступительной части для получения сопутствующих сведений. Сборник документов снабжен именованным указателем.

В настоящее время по образцу этого первого крупного издания источников из Архива Российского императорского дома ведется работа над подготовкой публикации переписки императорской семьи с архиепископом Шанхайским (затем Сан-Францисским) Иоанном (Максимовичем), верным духовным другом и наставником императора Кирилла и великого князя Владимира, ныне причисленным к лику святых. Затем планируется введение в научный оборот переписки глав Российского императорского дома с первоиерархами Русской православной церкви за границей митрополитом Антонием (Храповицким) и Анастасием (Грибановским).

- ¹ Подробнее: *Закаатов А.Н.* Социокультурный суверенитет исторических институций: истоки и современность // Ценности и смыслы. 2016. № 1 (41). С. 36–47. [Электронный ресурс] URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnyy-suverenitet-istoricheskikh-institutsiy-istoki-i-sovremennost> (дата обращения: 01.06.2016).
- ² Подробнее: *Александров М.А.* Отречение от прав на престол. Что следует из законов Российской империи // Российские вести. 2015. № 15 (2166). [Электронный ресурс] URL: <http://rosvesty.ru/2166/upravlenie/10029-otrechenie-ot-prav-na-prestol/> (дата обращения: 01.06.2016).
- ³ Подробнее: *Закаатов А.Н.* Становление династии Романовых в изгнании – Исторический вестник. – Т. 3 (150): Романовы: династия и эпоха. 2013. апр. С. 208–253; Т. 6 (153): История – свидетельница времен. 2013. дек. С. 146–237. [Электронный ресурс] URL: <http://www.runivers.ru/doc/historical-journal/published/> (дата обращения: 15.08.2016.)
- ⁴ «Когда пресечется последнее мужское поколение сыновей императора, наследство остается в сем же роде, но в женском поколении последнецарствовавшего, как в ближайшем к престолу, и в оном следует тому же порядку, предпочитая лицо мужское женскому; но при сем не теряет никогда права то женское лицо, от которого право непосредственно пришло».
- ⁵ *Думин С.В.* Романовы. Императорский дом в изгнании. Семейная хроника. М.: ЗАХАРОВ-АСТ, 1998.
- ⁶ О чем публично заявил Всезарубежный собор в Сремских Карловцах в 1921 г., несмотря на особое мнение меньшинства, считавшего вопрос о приверженности династии политическим. См.: Деяния Русского Всезарубежного Собора, состоявшегося 8–20 ноября 1921 года (21 ноября – 3 декабря) в Сремских Карловцах в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. Сремски Карловци: Српска манастирска штампарија, 1922. С. 50–52.
- ⁷ Русской православной церкви за границей («карловчанами»), Русского экзархата Константинопольской патриархии («евлогийцами») и приходами Русской православной церкви Московского патриархата
- ⁸ *Закаатов А.Н.* Святая Гора Афон, Православная Церковь и Дом Романовых в изгнании. Историческое и социокультурное значение церковно-династических отношений после революции 1917 года. Переписка афонских монахов и иерархов Православной церкви с императорской семьей и Канцелярией глав Российского императорского дома. Исторические источники (1921–2013) / Ассоциация Российско-Эстонский диалог культур: В 3 т. Таллинн, 2013. «Русская Православная Церковь, Святая Гора Афон и Российский Императорский Дом в изгнании. Историческое и социокультурное значение церковно-династических отношений после революции 1917 года. Переписка афонских монахов и иерархов Православной церкви с императорской семьей и Канцелярией глав Российского императорского дома. Исторические источники (1921–2012)».

Информационное пространство в трудах болгарского ученого-мыслителя Александры Кумановой

В статье анализируются научные труды известного болгарского ученого Александры Кумановой. Рассмотрены этапы ее творческого пути и профессиональной деятельности. Рассказывается о просветительской и научной деятельности ученого. Показано, что А. Куманова внесла крупный вклад в мировую библиографию и в целом в мировую культуру, являясь автором фундаментальных новаторских трудов по библиографоведению, где представила библиографоведческую картину гуманитарной библиографии и философскую концепцию содержательной структуры единого информационного пространства.

Ключевые слова: Александра Куманова, юбилей, болгарский библиографовед, гуманитарная библиография, библиографическая информация, вклад в мировую науку.

В 2016 г. автор фундаментальных трудов по библиографоведению и библиографии¹, являющихся значительным событием не только болгарской, но и мировой науки, профессор Софийского университета библиотековедения и информационных технологий Александра Куманова отметила юбилей.

Библиограф – абсолютно незаменимая для всех научных работников профессия. Именно библиографы трудятся для того, чтобы весь поток новых изданий предстал перед потребителями в наиболее удобной форме, а нужная работа была найдена за кратчайшее время. Составленные людьми этой профессии описи, каталоги, указатели служат своего рода маяками в необъятном пространстве информации.

В юбилейные дни поразмышляем о вкладе А. Кумановой в мировую науку, ее новаторском труде «Введение в гуманитарную библиографию»², представляющем картину гуманитарной библиографии и философскую концепцию содержательной структуры единого информационного пространства. Научные труды А. Кумановой отличает умение автора сформулировать концептуальное видение проблем и найти их решение. В результате мы получаем все более полную и целостную историю разработки не только библиографии и библиографоведения, но и мирового информационного пространства в целом. Особый интерес представляет успешная попытка показать проявление общеисторических закономерностей и особенностей зарождения, становления и развития библиографии в контексте истории и культуры.

Целостной систему гуманитарного знания, как известно, делает ее объект, то есть Человек, существующий и действующий во времени и пространстве. Благодаря данной методологической платформе автором исследования воссоздана панорама гуманитарного знания планетарного масштаба, в котором Человек является одновременно и субъектом общественно-исторической деятельности и культуры. В центр исследований А. Кумановой – самоценный документ как феномен бытия Человека в непрерывном пространственно-временном континууме.

Книга I рассматриваемого исследования А. Кумановой впервые в культурном ареале воссоздает картину гуманитарного знания, посвященную практическому становлению содержательной структуры инфосферы, имеющей принципиальное значение для моделирования ее вторично-документального уровня. Одновременно с этим формируется целостное представление о содержательной структуре информационного пространства, причем содержательная структура гуманитарного знания в целом проанализирована не только языком библиографоведа, но также решена в плоскости и философского науковедения, структурализма, семиотики, системологии.

Как социокультурный феномен, сохраняющий документы и идеи, и таким образом преодолевающий время, библиография не только спасает от забвения информацию прошлых лет, но и предоставляет доступ пользователей к ней при непрерывном потоке новой информации. Преодоление времени в значении сохранения ценностей культуры и обеспечивает связь времен (преемственность), при этом чем современнее информационная служба в технологическом плане, тем эффективнее она преодолевает пространство и время.

Отметим, что бурные процессы изменения традиционных границ между научными отраслями, их многоплановая интеграция привели к гуманитаризации общенаучного знания, в том числе информатики. Будучи областью отражения документов и имеющейся в них информации о различных фактах – «проявления философского принципа единства многоярусного, диалектически единого мира» (А. Куманова), – библиография, как вторично-документальная область, владеет присущим ей одной уникальным механизмом моделирования документальных потоков и информационного пространства в целом.

Библиографоведение же является порождением необходимости упорядочить хаос не только документов, но и знания, в них имеющегося, так же как и наук, объясняющих разные феномены: все эти его свойства позволяют устанавливать связи со структурной теорией науки.

Ноосферическая картина библиографической области планеты именована ученым гуманитарной библиографией, ибо она является результатом проникновения в форму библиографических реалий, благодаря чему можно наблюдать их на достаточно тонком уровне ментального строения, познавать и целенаправленно воздействовать на механизмы поиска, сбора, составления, хранения и распространения библиографической информации.

В связи с антропологизацией всего научного знания А. Куманова детально рассматривает понимание отдельными национальными историко-культурными традициями и разными авторами термина «антропология» как науки (физическая антропология, этнография / этнология, социальная антропология, культурная антропология, философская антропология). Эти направления, вместе взятые с гуманитарным в сути своей космизмом в России, являются определяющими для современного семиосферизма (культурологии) планеты (ноосферы) в качестве единого целого (Ю.М. Лотман – Т.А. Себеок – У. Эко). Работа А. Кумановой дает синтез характера, состава и места гуманитарного знания не только в прошлом, но и в современной системе знания, который достигнут на базе анализа философско-научного движения и концепций гуманитарного знания XX–XXI вв.

Таким образом, представленный в книге I культурологический и феноменологический эскиз проблемы Человека в истории философской и в целом научной мысли, равно как и в современном документальном потоке, интерпретирован как контур содержательной структуры библиографической информации по гуманитарному знанию (= гуманитарной библиографии).

Особую актуальность сегодня приобретают универсальные системы библиографической (и первично-документальной) информации. Именно поэтому важны исследовательские задачи и связанный с ними поиск информации, находящийся на стыке разных областей и подходов, в основе которых лежит междисциплинарность и генерализация знаний. В связи с этим библиографоведение рекомендует создание информационно-документальных систем, удобных в первую очередь пользователям, поскольку ориентация человека в современном информационном пространстве является серьезной проблемой. Пользователь предпочтет процесс поиска с элементами творчества и возможностью непосредственного знакомства с живым образом документа (библиографическое описание) при условии его семантической глубины, полноты и точности. Автоматизированный же поиск информации позволяет достигнуть построения единого древа концепций гуманитарного знания, в котором можно легко ориентироваться и устанавливать связи. Классификационная и библиографическая метаинформация позволяют включить свои знания в новые связи, интегрировать полученные знания в уже известные, облегчают выбор и использование документов, содействуют критическому осмыслению текстов. Многоуровневость и диалогичность информационной среды, усиленные современными технологиями, позволяют каждому пользователю найти свою информацию, расширить интеллектуальный мир, культурный потенциал, приблизиться к пониманию новых идей. Переход информации в знание и знания в информацию пользователь, таким образом, включает в собственное знание и определяет алгоритм поиска информации, являющейся уникальным ресурсом, создаваемым человеческим обществом в процессе деятельности.

Учитывая тот факт, что все коммуникации – в том числе и первично-документальные, и вторично-документальные – нуждаются в максимальной полноте и должны предоставить максимальную свободу пользователям информации в получении нужных знаний, в книге А. Кумановой дано рабочее определение понятия «библиографическая информация в области гуманитарного знания», которое для краткости можно именовать тождественным по смыслу понятием «гуманитарная библиография»:

Любая вторично-документальная информация о человеке и/или об отдельных сторонах (духовной, физической и т. д.) его природы и жизни или другое знание, которое может быть использовано в процессе его жизнедеятельности, или о любом подходе к вскрытию природы человека и его жизни с присущими им проявлениями³.

Многоуровневость же информационной среды создает условия для постепенного вхождения пользователя в мир информации, и в целом в мир системной картины познания. Информационная среда – это поле диалога, диалога разных авторов, точек зрения, даже разных позиций в одной книге. Диалог современного пользователя с культурами прошлого, заложенными в документах информационного фонда – есть, по выражению М.М. Бахтина, диалог разновременных культур⁴.

В многоуровневой среде пространственная организация тесно связана с параметрами времени⁵. Исследуя информационную деятельность во временном аспекте, можно увидеть в ней проявление времени в разных значениях. Применительно к информационной деятельности как социокультурному феномену, справедливо отмечает ученый, следует говорить о социальном культурно-историческом времени.

В поиске необходимой информации пользователю помогает метаинформация, т. е. информация об информации – это система знаков и символов, содействующих доступу к информационным фондам, ориентированию в информации и созданию благоприятной среды. Информационный поиск – это действия, методы или процедуры, позволяющие осуществить отбор определенной информации из массива данных⁶.

Однако существует и опасность: при информационном поиске возникают семантические проблемы, связанные с неправильным выражением в запросе потребности и с идентификацией запроса и текста. Именно поэтому, когда человеку нужна информация, встает вопрос, где и как ее можно найти, и человек начинает свою навигационную деятельность в океане информации, выбирая алгоритм поиска. Совокупность знаков и символов позволяет организовать документную информацию – т. е. информацию, содержащуюся в документах. Благодаря этому она становится более доступной пользователям. Язык знаков и символов – вместе с естественным языком – служит ориентации пользователей в информационной среде, содействует коммуникационному процессу. Следовательно, информационная среда есть прежде всего пространство, где происходят личные коммуникации пользователей, а современные технологии этому способствуют. Таким образом, информационная среда – это мир информации вокруг человека и мир его информационной деятельности.

В связи с этим задачей информационной культуры является обеспечение функционирования такой информационной системы, которая представляет свободу поиска информации благодаря мак-

симальному использованию накопленных человечеством знаний, раскрывая тем самым пройденные пути познания, возможные отношения между ними и т. д. и т. п. При этом одно из свойств информационной среды – рассеяние в ней информации – приводит к тому, что сведения по одному вопросу могут находиться в разных, иногда тематически не связанных источниках. Поэтому так важна информационная компетентность пользователя.

А. Куманова подчеркивает, что выявление семантики информационного (интеллектуально-духовного) явления, продуктов человеческой интеллектуальной деятельности в условиях вторично-документальной обработки и поиска информации – это нравственный культурно-ценностный императив формирующейся современной информационной культуры.

Библиографоведческая картина гуманитарной библиографии дает возможность поставить и вопрос о форме библиографической информации. В книге А. Кумановой показаны трудности систематизации, заключающиеся в том, что представление системы многоуровневой информационной реальности требует установления достаточности составляющих его компонентов для бытия данного множества как целостности.

Автор обоснованно отмечает, что для информационно-поисковой практики систематизация информационных объектов не может быть сведена к их группировке в какой-то произвольно взятой плоскости. Она должна обеспечивать все направления организации информационной среды, необходимые и достаточные для адекватного описания системы в целом, установления координационных и субординационных связей выделенных направлений и анализа внутреннего строения подсистем на каждом из ее уровней.

Выявление формы библиографической информации в работе А. Кумановой проведено как способ, содействующий адекватному представлению семантического плана информации. Концептуальная, интеллектуально-духовная нагруженность информации, имеющаяся в библиографических объектах и ими распространяемая, таким образом, связывается не столько с их содержанием, сколько с философскими картинами связей между вещами, отраженными в этих объектах.

Сами интеллектуально-духовные свойства информации высвечиваются культуролого-феноменологическим взглядом на вещи. Значима для культуры и трансляционная функция, осуществляемая через информационное обслуживание, которая обеспечивает преемственность культурного наследия, его доступность потребителям. Еще одним аспектом информационного обслуживания, поз-

воляющим говорить о нем как о сфере культуры, является система его ценностей. Информация признается ценностью культуры и одновременно ценностью в системе информационного обслуживания.

В книге I автором определена продуктивность проблемы совместного изучения библиографии и библиографоведения для получения знания, необходимого для сопоставления и разграничения множества взглядов, концепций и т. п. Таким образом расширяется видение мира, через множественность точек зрения, произведений открывается многомерность мира культуры⁷. И что особенно ценно, теоретический уровень работы А. Кумановой нашел на ее страницах зеркальное отражение в систематике обильного индуктивного эмпирического материала – ряда схем, таблиц, подготовленных для прямого введения результатов исследования в информационно-поисковую практику.

При описании содержательной структуры гуманитарного знания и адекватной библиографической информации, призванной отображать его своей вторично-документальной моделью, представительна такая информационно-документальная система, отражающая первичные и вторичные источники, которая включает весь комплекс культурной, научной, философской и религиозной проблем человека (каждую в отдельности и все вместе в синтезе). Кроме того, информационно-документальная система вбирает каждый из возможных подходов к освещению перечисленных проблем, зафиксированных в документальных потоках или возникающих на базе синтеза содержащейся в них информации.

Кроме того, содержательная структура гуманитарной библиографии соответствует потребностям в информационно-документальном обеспечении, имевшимся в прошлом, имеющимся в настоящем и которые можно предвидеть в обозримом будущем.

В книге II автором сформулированы философские проблемы вторично-документального информационного моделирования: понимание природы информации, процесса информирования, поиска информации, сути информационного пространства, времени в контексте культуры, причинности многоуровневого информационно-многообразия.

Автор отмечает, что форма библиографической информации – это целостное обобщенное ментальное представление о библиографических реалиях (библиографических потребностях, библиографической деятельности, библиографической информации во всех ее видах, библиографических системах, библиографических потоках, библиографических ресурсах) библиографии,

составляющей неотъемлемую часть единого информационного пространства.

Автор определяет библиографическую информацию в качестве основного продукта библиографической деятельности, с помощью которого библиография осуществляет свои функции в информационном пространстве.

При этом автор справедливо отмечает, что информационное пространство – не готовая, законченная, статическая среда; оно – идеальное, ментальное, семантическое, интеллигентное порождение ноосферы, постоянно трансформирующееся; в нем продолжается и развивается творческий и информационно-коммуникативный процесс через Человека. При этом скорость современных каналов распространения информации при наличии такого свойства информационного пространства, как массовое тиражирование информации, приводит к тому, что информация практически одновременно достигает пользователей в разных точках информационного пространства, что и позволяет говорить о едином информационном пространстве.

Автор определяет задачи и информационного моделирования, заключающиеся, по ее мнению, в свертывании (создании, поиске, хранении, распространении, фильтровании, уплотнении, структурировании) информации; в установлении связей между информационными феноменами, в том числе – и различной природы (материальной, идеальной), и различного порядка (реальности, сознания).

Следовательно, цель гуманитарной библиографии – интерпретация тонкого мира библиографии как гуманитарно-научного феномена установления разветвленных связей вторично-документального уровня инфосферы. Задачи же гуманитарной библиографии заключаются в объединении и разграничении общенаучоведческих, сущностно-библиографоведческих и гуманитарных аспектов мира библиографии.

Таким образом, комплексность многоуровневого многомерно исследованного А. Кумановой потребовала одновременного интердисциплинарного анализа нескольких взаимосвязанных сфер познания: библиографического фундамента гуманитарно-научного знания; библиографической когнитологии; культурологической феноменологии; философского науковедения, что и было успешно решено в ее новаторском труде.

Согласно концепции А. Кумановой, собственно-гуманитарным в гуманитарной библиографии является вовсе не предметный (содержательный; даже гуманитарный по предмету) аспект вторично-документального знания, воплощаемый ею, а идеальное (реальное)

сопряжение выявляемых в информационном моделировании ментальных структур информации.

Проблема выявления идеальных (ментальных) структур библиографической сферы планеты (гуманитарной библиографии) – суть истории библиографического мышления. Вереницей архитекторов библиографической ментальности планеты предстают в рецензируемой работе труды Ж.Ф. Нэ де ля Рошель, А.Г. Камю, Э.Г. Пеньо, Ш.Ф. Ашар, Ф.А. Эберт, Р.О. Гилд, Р.К. Дэвис, Г. Шнейдер, М.Н. Куфаев, К.Р. Симон и др. Автором проведен сравнительно-исторический анализ теоретических взглядов и опыта индивидуальной работы ученых-библиографоведов и практиков-библиографов. Сравнительно-исторический анализ, как известно, является одним из самых сложных методов научного исследования, он требует максимальной объективности, широкой эрудиции и скрупулезности труда при сопоставлении взглядов ученых. С этой задачей А. Куманова блестяще справилась, она показала, что интеллектуально-духовная сторона библиографической информации интерпретировалась в библиографоведении в качестве витка ментальной природы вторично-документального информационного моделирования. Автором разработана концепция библиографического информационного моделирования планетарного ноосферного феномена, инфосферы как формы бытия гуманитарной библиографии, в основе которой лежит авторский взгляд на ее развитие как неотъемлемой части общей системы гуманитарных знаний. При таком подходе динамика развития библиографии рассматривается как целостное интеллектуально-психологическое поле последовательной разработки ее основ. Практическая ценность труда А. Кумановой заключается в выработке ретикулярного способа выявления природы поиска, составления, хранения и распространения вторично-документальной информации.

В книге II библиографоведческая картина гуманитарной библиографии, опираясь на методологию, представленную в книге I, развивает идею полифонической структуры библиографической сферы: документальной, читательской, деятельностной, сущностно-видовой, содержательной, функциональной, организационной.

Метасистемный уровень информационного пространства выступает в качестве естественной ноосферической культурно-информационной системы, а ризоматическая структура гуманитарной библиографии – в качестве культуролого-феноменологического, сущего переплетения дорог лабиринта, в котором фиксированы

пересекающиеся сложным образом потоки информации. При этом отмечается самостоятельность философских картин мира как культурологических феноменов свертывания информации.

Автором впервые предложена «ризомно-ретикулярная модель» построения хронологической классификации в системе международных универсальных библиографических указателей с охватом гуманитарного знания от глубины веков – с III в. до н. э., символизирующего времена Каллимаха Александрийского, до современности. При этом определяется, что ризома меняется нашим взглядом на нее; смысл «моего» бытия – ризомой – внимать «другому», вбирать в себя его «другость» в качестве процесса – диалогического инобытия «моего» я.

Все рассматриваемые положения, концепции точно документированы: включенные в «Списке...» описания на вторично-документальные работы снабжены поясняющими справочно-библиографическими аннотациями, которые раскрывают характер, содержание, историю и проч. данные о соответствующих библиографических источниках информации; аннотации – в случаях необходимости – снабжены взаимными ссылками, что увеличивает справочный и документальный уровень ее труда. Все это увеличивает ценность грандиозного труда А. Кумановой. Принципиальная новизна ее научных разработок состоит в том, что она написана ученым, в котором неразделимы качества историка-исследователя, библиографоведа-практика и педагога. Ученый-мыслитель А. Куманова охватила целые пласты бытия «мира книги», раскрыла закономерности развития мировой универсальной библиографии и ноосферного «измерения» информационно-библиографического комплекса, отражающего в себе мировую библиотечную сеть в виде библиосферы. Таким образом, исследования А. Кумановой представили научно обоснованную целостную историю становления, эволюции и современного состояния библиографии как составной части мировой культуры.

Примечания

- ¹ А. Куманова является автором более 1500 научных публикаций, в том числе 54 монографий и учебников.
- ² *Куманова А.В.* Введение в гуманитарную библиографию [CD-ROM]: Библиографовед. исслед.: Курс лекций по общему библиографоведению: [Ч. I–II] София: Гутенберг, 2007. Ч. I [Кн. I]. Философско-научковедческая картина гуманитарного знания: Библиографовед. исслед.: [Курс лекций]. СПб.:

ЛенНИИводоканалпроект, 1995. Ч. II [Кн. II]. Библиографоведческая картина гуманитарной библиографии: Библиографовед. исслед.: Курс лекций по общему библиографоведению культуры и искусств (Россия).

- ³ *Куманова А.* Введение в гуманитарную библиографию. Кн. 1: Философско-наукоеведческая картина гуманитарного знания: Библиографическое исследование. София: Гутенберг, 2007. С. 100.
- ⁴ См.: *Дворкина М.Я.* Информационное обслуживание: социокультурный подход. М., 2001. С. 67.
- ⁵ Одним из первых пространственно-временные параметры по отношению к книжному делу – оно включается в информационное – выделил Н.А. Рубакин в работе «Психология читателя и книги» (М., 1929).
- ⁶ См.: *Дворкина М.Я.* Указ. соч. С. 72.
- ⁷ См.: Там же. С. 68.

А.А. Бастрон, Е.В. Желудева

Медиаконвергенция в СМИ: проблемы и перспективы их решения в журналистском образовании

В статье проанализированы проблемы использования информационных технологий в работе журналиста, дана оценка современному процессу медиаконвергенции, происходящему в средствах массовой информации. Рассмотрены задачи подготовки «универсальных журналистов» и перспективы их решения в журналистском образовании.

Ключевые слова: медиаконвергенция, универсальный журналист, журналистское образование, информационные технологии, процессы трансформации, конвергенция, контент.

Журналистика эпохи глобального информационного поля постепенно начинает приобретать все более универсальный (всепроницающий, полифункциональный, супероперативный, технологичный, интерактивный, саморегулируемый, совмещающий разные тенденции, ценностно разностильный), или синтезный, характер¹.

В докладе Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям был дан прогноз развития печатных СМИ до 2020 г. Отмечалось, в частности, что «платформ будет все больше и больше, и читатели станут получать новости едва ли не из каждой: телефонов, плееров, терморегуляторов, экранов в лифтах, из всех устройств, на которые можно передать новости»². Подчеркивался и тот факт, что под влиянием новых технологий, в недалеком будущем ожидаемых на мировом рынке, будет формироваться процесс превращения печатных органов в мультимедийные конгломераты, будет активно развиваться мобильная журналистика.

На сегодняшний день технологические процессы в средствах массовой информации кардинально меняются. Информационная и коммуникативная среда стала более разнообразной и индивидуализированной, она включает в себя самые разные средства: печать, аудио, статичное и движущееся изображение, вещание, телекоммуникации, компьютерно-опосредованные видео и другие режимы и каналы коммуникации и информационного обмена. Цифровые технологии открывают альтернативы для совместного развития разных каналов, расширяя тем самым возможности для аудитории выбирать то, что ей нравится, удобнее или привычнее. С одной стороны коммуникативной ситуации, у профессиональных коммуникаторов появился выбор площадок для представления широкой аудитории своего контента, а с другой – невиданное ранее расширение возможностей не только для выбора каналов и их контента, но для участия в его создании. И теперь потребитель может выбирать самые разные источники информации в рамках единой медийной среды.

Новые медиа являются многосторонними. Меняются формы массовой коммуникации, основанные на новых технологиях, ее каналы. Коммуникация становится массово-самодетельной, поскольку достигает потенциально глобальной аудитории. Она мультимодальна, так как цифровизация контента и развивающийся софт, который обслуживает общество, базируются на открытом, свободно загруженном ресурсе, позволяющем переформатировать почти любой контент и практически в любой форме.

Благодаря новым информационным технологиям модифицируются и ранее существовавшие медиа. Так, канадский социолог и теоретик медиакультуры и массовых коммуникаций Д. Маккейл выделяет общие признаки новых медиа, указывая на их особенности.

- В них сочетаются не только создание и распространение, но и обработка, обращение, накопление и хранение информации.
- Это институты как приватной, так и публичной информации.
- Новые медиа не являются профессиональной или бюрократической организацией в той мере, как традиционные массмедиа.
- Власть коммуникатора убеждать или информировать значительно уменьшается за счет того, что аудитория фрагментируется, так как ей доступны альтернативные источники идей и знания.
- Индивиды теперь не ограничиваются своей социальной группой и средой или несколькими каналами, контролируруемыми властями или другими социальными агентами, они могут включаться в новые группы и сообщества в любом пространстве.

• Нет унитарной системы сообщений, передаваемых всем и повседневно, что приводило в прошлом к общим стереотипам и единым ценностным представлениям.

• Индивиды могут вступать в контакт с властными фигурами, активно участвовать в обмене информацией и мнениями по поводу важных социальных и политических вопросов³.

Технологическая конвергенция СМИ нашла свое выражение в процессе слияния технологий распространения и производства информации, получив импульс для развития в результате перевода содержания в цифровую форму. В настоящее время цифровой формат содержания позволяет осуществлять распространение контента в различных формах вне зависимости от конкретной индустрии СМИ и технологических платформ.

Под влиянием конвергенции медиатексты, продуцированные разными СМИ, приобретают свойства мультимедийности и интерактивности. Но существует и системное измерение медиаконвергенции, а также и профессиональное измерение, поскольку под влиянием этого процесса происходят изменения в организации и содержании труда журналистов и других коммуникаторов, в характере предъявляемых к ним профессиональных требований⁴.

Медиаконвергенция соединяет и переплетает «традиционные» СМИ между собой, внедряет их в Сеть, перемежает письменную речь с устной, комбинирует текст, звук и изображение; она рождает новые качества журналистики, которая становится мультимедийной, интерактивной и гипертекстовой.

В исследованиях, посвященных теории и практике СМИ, проблема конвергентности СМИ является одной из самых актуальных. Среди исследований, затрагивающих ее, можно выделить работы А.С. Багаутдинова, С.Д. Балмаевой, Д. Белла, Л.П. Шестеркиной, П. Бредшоу, Е.Л. Вартановой, Я.Н. Засурского, Л.В. Земляновой, А.А. Калмыкова, М. Кастельса, А.Г. Качкаевой, Р. Керли, Ю.В. Костыгова, Б. Лонга, Л. Майкла, Д. Макквейла, В. Портера, Д. Рэндалла, С.Л. Уразовой, В.С. Хелемендика и многих других.

Так, в исследованиях А.Г. Качкаевой по проблемам журналистики и конвергенции отмечается, что конвергентная журналистика имеет такие основные отличия от традиционной журналистики, как новые подходы к содержанию, формированию редакций и распределению ролей, а также использование инструментария на основе интернет-технологий⁵.

По мнению В.С. Хелемендика, важным признаком системы средств массовой информации выступает динамический характер взаимоотношений между ее составными частями, поскольку они

находятся в тесной взаимосвязи, обуславливая не только развитие, но и эффективность друг друга⁶.

Е.Л. Вартанова в своих работах, посвященных состоянию медиаэкономики на современном этапе, отмечает, что конвергенция как понятие доминирует в медиаменеджменте, включая и производство контента.

Существенным фактором, определяющим развитие конвергентной редакции, помимо всеобщности функций, обеспечивающих координацию и взаимодействие средств массовой информации на современном этапе, являются технологии, дающие возможность один раз создать информацию и распространить ее различными способами – через газеты, сетевые порталы, мобильные телефоны, телевидение и радио. Такие технологии заложены в широкодиапазонных соединениях и описываются в статье Пола Бредшоу «СМИ 21 века»⁷. Автор указывает, что онлайнное СМИ оперирует в своей работе двумя взаимодополняющими и взаимопротиворечащими факторами: скоростью и качеством. Новые технологии позволяют распространять новости быстрее, чем прежние средства коммуникации – радио и телевидение. Одновременно неограниченное пространство и время Всемирной паутины, природа гипертекста, возможность увязывать все СМИ воедино увеличивают их потенциал для более качественного, широкого и глубокого описания реальности. При таком взаимодействии скорости и качества онлайнных СМИ основная суть работы конвергентной редакции заключается в том, чтобы создавать контент для всех видов СМИ и управлять этим информационным потоком из единого центра. Имеется в виду объединение различных информационных каналов в единой творческой конвергентной редакции, в которой достигается максимальная синергия всех СМИ⁸.

Сегодня для наук о СМИ как никогда актуален вопрос о влиянии невиданно быстрого расширения круга медиа на общество и личность, на структуру общения, свободного времени, информационного потребления, социального участия.

В сознании аудитории был определенный образ разных средств информации с точки зрения качества доставляемой ими информации, способности влиять на действительность. И если в последнее десятилетие газета, бывшая лидером системы СМИ, уступила место телевидению, то это говорит лишь о том, что «визуализация» заняла ведущие позиции в рейтинге информационного потребления.

Кроме того, всякий раз с появлением нового СМИ возникает вопрос: будут ли при этом жизнеспособны «старые» медиа? Сходные опасения получили широкое распространение с середины

прошлого века, когда мир узнал о телевидении. Ему отводилась роль «могильщика» печатной прессы. Позже те же свойства и возможности стали приписывать Интернету, забывая о том, что компьютер сам выступает средством письменности, возвращая аудиторию в Гуттенбергову эпоху. И интернетовский текст по традиции разделен на страницы, которые можно перелистнуть. Не говоря уже об электронной почте – современном источнике эпистолярного общения или мобильном телефоне. Коммуникации изменчивы: они переходят из одного вида в другой. Так, например, одна из самых «юных» на сегодняшний день часть Всемирной паутины – блогосфера – представляет собой яркий пример сочетания и взаимоперехода блогов, частично отнесенных и к СМИ, и к групповым коммуникациям, и к межличностным.

Перестройка редакции из традиционной в конвергентную ведет за собой изменение принципов планирования и продвижения материалов; изменение цикла производства материалов и их публикации; производство как отдельных фото, видео, аудио, инфографики, текстовых и других сообщений, так и собранных мультимедиа-материалов; кросс-продвижение; использование новых источников мультимедийной информации; внедрение новых бизнес-моделей, сервисов, услуг, форматов прямой рекламы и другие изменения.

В работах Я.Н. Засурского, Л.П. Шестеркиной, Л.Г. Свитич и других исследователей, занимающихся проблемами журналистского образования в современном информационном обществе, отмечаются тенденции к универсализации журналистской профессии, базирующейся на конвергенции информационного процесса, что ведет к новым подходам в обучении студентов.

В подобной ситуации возникает необходимость в дополнительном обучении журналистов, оснащении новой техникой, овладении новыми журналистскими ролями. Конвергенция обязывает будущих «акул пера» овладеть современными профессиональными знаниями, связанными с освоением определенных мультимедийных навыков, а именно: умением создавать материалы для любого СМИ.

Следует отметить, что данная ситуация открывает новые возможности для освоения различных областей образовательной деятельности, что, в свою очередь, по мнению ведущих специалистов в области журналистского образования, позволяет решать следующие важные задачи⁹:

- обеспечивать благоприятные условия для развития личности прежде всего в рамках получения образования и специальности;

- оптимально использовать имеющиеся в распоряжении ресурсы всех видов и типов;
- комплексно решать образовательные и социально-воспитательные проблемы;
- выбирать наиболее эффективные и разрабатывать новые технологии и модели для решения возникающих проблем.

Кроме того, базовым умением для студентов должен быть навык съемок, записи и редактирования фото-, видео-, радиоматериалов. И еще к этим конкретным умениям и качествам, которыми должны обладать конвергентные журналисты, должен предъявляться ряд общих требований, которые необходимы и журналисту-газетчику, и журналисту-телевизионщику, и журналисту-радийщику, и интернет-журналисту. Конвергентный журналист должен:

- уметь находить и излагать факты;
- владеть большим объемом информации, что отражено в материале;
- отображать в журналистских материалах разные точки зрения;
- учитывать, что содержание журналистских материалов должно напрямую затрагивать интересы общества и читателей в целом и каждого человека в отдельности;
- делать так, чтобы каждая деталь, каждое слово в материалах всех СМИ были абсолютно понятными;
- от начала и до конца создавать интересные журналистские материалы.

Таким образом, совокупность образовательных, педагогических и информационных технологий, базирующаяся на личностно-деятельностном и компетентностном подходах и функционирующая как основной механизм образования и воспитания профессионала медийной сферы, может стать искомой технологией современного журналистского образования.

Поскольку новые технологические возможности редакций и медиаконвергентные процессы кардинально влияют на труд журналистов, темп и характер работы в редакции, исследователи в области массмедиа, особенно в последние годы, стали уделять особое внимание данной проблеме¹⁰.

Так, серьезно исследуются общие проблемы медиамодернизации, информационные стратегии, конвергентные процессы в контексте экономики и менеджмента, динамика развития общей современной ситуации в сфере подготовки универсальных журналистских кадров и других отраслей.

Путем социологических опросов отмечены как позитивные, так и негативные стороны изменений в списке профессиональных требований к журналистской работе. Например, журналисты чаще, чем руководители редакций, отмечают такие позитивные изменения в своей работе, как облегчение поиска информации в Интернете и ее проверки, оперативность и интерактивность. Однако журналисты острее, чем редакторы, ощущают негативы новых условий работы: потогонность, вторичность информации и нетворческий характер труда. И потому так важен совместный выход из создавшейся ситуации – поиск журналистами и редакторами путей оптимизации работы и минимизации негативных последствий перехода на новые технологии. Лозунг «Кадры решают все» по-прежнему не теряет своей актуальности. Так, по статистике, всего 25% опрошенных журналистов обучались новым технологиям¹¹. И, следовательно, тезис о том, что настоящему специалисту и профессионалу необходимо постоянно повышать свой уровень знаний, никогда не устареет.

Кардинально изменяется работа журналиста: повышается оперативность, увеличивается интенсивность труда, интерактивность связей с аудиторией, возможности взаимодействия с населением и общественным мнением при помощи социальных сетей и другими способами; меняется характер работы журналистов с источниками информации при использовании возможностей Интернета. Но, как подчеркивает Л.Г. Свитич, возникает чрезвычайно высокий ритм работы, увеличивается масса «клонированной», вторичной информации, сокращаются возможности творческой реализации журналистов. В условиях технологизации, интенсификации и универсализации труда журналиста при сокращении штатов и хроническом недостатке времени возникают негативные психологические явления: повышенная напряженность, стресс, что требует внимания со стороны менеджмента редакций и учредителей, а также изучения этой проблемы медиапсихологами.

Поэтому уже в вузе следует воспитывать и тренировать остро востребованные сегодня динамические адаптационные качества журналиста и журналистской профессии: способность работать в условиях конвергентной редакции для разных медиаплатформ одновременно, в условиях жесткой организации труда и дефицита времени; трудиться в команде, взаимодействовать с коллегами и техническими службами, иметь корпоративное чувство сопричастности к результатам коллективной работы; эффективно работать в условиях конкурентной медиасреды, в условиях гиперпроизводительности, непрерывного временного цикла, в условиях точного хронометража редакционной работы, дефицита времени

и сложности работы в новых условиях цифровой медиасреды; адаптироваться к языку электронных СМИ, быстро осваивать новые цифровые технологии, мультимедийные способы получения информации для продуктивной и оперативной работы над медиаконтентом; использовать инновационные технологии работы (в том числе в общении с окружающей медиасредой – краудсорсинга, облачных технологий, баз данных и т. п.); общаться с аудиторией в социальных сетях; привлекать внимание аудитории креативным, выразительным, ориентированным на потребности и интересы аудитории контентом; оценивать и использовать при необходимости форматные особенности СМИ для продвижения медиапродукта; справляться с постоянными изменениями, быть готовым к неопределенности и нелинейности в условиях профессиональной деятельности; соблюдать баланс между работой на результат и сохранением творческой индивидуальности; обладать стрессоустойчивостью, уметь работать в нестандартных условиях без ущерба для психики и здоровья, обладать помехоустойчивостью; уметь оперативно и точно оценивать изменения в профессиональных условиях, иметь способность к транспрофессиональной коммуникации.

Одним словом, журналистская профессия сегодня – это универсализм, транспрофессионализм и полифункциональность. Современное журналистское образование обеспечивает воспроизводство и совершенствование кадрового потенциала журналистики не только в границах практики прессы, но и в рамках теоретико-исследовательской деятельности, способствуя развитию теории и практики журнализма, а также личностному становлению специалиста СМИ¹².

В настоящее время уже сформировалось представление о деятельности «универсального журналиста», предъявившее новые задачи и требования в организации и содержательном наполнении образовательного процесса журналистов.

Этот специалист должен владеть требующимися в медийной среде профессиональными знаниями и инструментальными навыками, умениями, компетенциями, которые позволяют ему одновременно готовить материалы для передачи по различным каналам информации: через периодическую печать, телевидение, радио, Интернет и мобильные СМИ. Это рождает необходимость перехода от подготовки «узких специалистов» к подготовке высокообразованных личностей.

Интегративное построение учебного процесса обуславливает большие технологические возможности для развития универсальности знаний и умений студентов, интеллектуального и

творческого развития в процессе профессиональной подготовки. В Западной Европе потребность в создании универсальных специалистов, подготовленных в равной степени к работе как в газетно-журнальных, так и в аудиовизуальных СМИ, возникла значительно раньше, чем в России. В 1990 г. участники первого Конгресса европейской ассоциации преподавателей журналистики признали такое направление в подготовке специалистов наиболее перспективным.

В послании президента «О стратегии развития России до 2020 года» уделено особое внимание роли национальных систем образования как элементу глобальной конкуренции и одной из важнейших жизненных ценностей; ставится вопрос о необходимости обеспечения скорейшего перехода к образованию, совмещающему в себе современные знания и технологии. «Образовательная система должна вобрать в себя самые современные знания и технологии, – отметил В.В. Путин. – Уже в ближайшие годы необходимо обеспечить переход к образованию по стандартам нового поколения, отвечающим требованиям современной инновационной экономики»¹³.

Уйдя от «универсального» журнализма XVIII в., журналистика проделала тернистый путь становления. Парадоксально «расширяясь» и «разделяясь» одновременно в течение XX в., она вновь вернулась к универсальному журнализму, только уже на цифровой платформе. Процессы интеграции СМИ в единую медийную систему требуют от журналиста умения эффективно использовать новые информационные технологии. Усиливающиеся процессы глобализации обязывают его быть образованным, владеть иностранными языками и уметь ориентироваться в глобальном информационном пространстве.

Подготовка журналистов в условиях конвергенции – процесс многокомпонентный и требующий немалых усилий. Изменения и корректировки должны касаться теоретических подходов к пониманию журналистики и ее роли в современном обществе. Успешная реализация планов по подготовке специалистов СМИ должна основываться на современной, отвечающей требованиям времени материально-технической базе, включая в себя баланс между теоретическими и практическими знаниями, умениями и навыками, соответствующими требованиям времени.

Таким образом, исследование этих направлений теории и практики журналистского образования в условиях медиаконвергенции СМИ станет одной из главных задач последующих научных изысканий в ближайшей исследовательской перспективе.

- ¹ *Свитич Л.Г.* Изменение журналистской профессии в процессах медиаконвергенции // Вестник Челяб. гос. ун-та. 2015. № 5 (360). Филология. Искусствоведение. Вып. 94. С. 406.
- ² Российский рынок периодической печати: Состояние, тенденции и перспективы развития: Отраслевой доклад / Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, 2009. [Электронный ресурс] URL: https://docviewer.yandex.ru/?url=http%3A%2F%2Fwww.gipp.ru%2Fzip%2F27801_Rospechat_Press_2009.pdf&name=27801_Rospechat_Press_2009.pdf&lang=ru&c=56e5d3646a35 (дата обращения: 04.03.2016).
- ³ McQuail's Mass Communication Theory. L.: Sage, 2010. P. 138, 545.
- ⁴ *Засурский Я.Н.* Журналистское образование // Вестник Моск. ун-та. Серия 10. Журналистика. 2006. № 4. С. 3–8.
- ⁵ *Качкаева А.Г.* Журналистика и конвергенция: Почему и как традиционные СМИ превращаются в мультимедийные. М.: Аспект Пресс, 2010.
- ⁶ *Хелемендик В.С.* Система средств массовой информации и пропаганды и особенности ее функционирования в условиях развитого социалистического общества: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1982.
- ⁷ *Бредшоу П.* СМИ 21 века. [Электронный ресурс] URL: https://docviewer.yandex.ru/?url=http%3A%2F%2Fwww.sibirp.ru%2Fattachments%2Fmod_catalogue%2F64%2Ffile_1896.doc&name=file_1896.doc&lang=ru&c=56e5e18969eb (дата обращения: 04.03.2016).
- ⁸ *Вырковский А.* Менеджмент СМИ в условиях конвергенции // Вестник Моск. ун-та. Серия 10. Журналистика. 2013. № 3.
- ⁹ Журналистское образование в условиях конвергенции СМИ: Монография / Шестеркина Л.П. и др.; Под ред. Л.П. Шестеркиной. Челябинск: РЕКПОЛ, 2012. С. 16–17.
- ¹⁰ *Копылов О.В.* Особенности творческой деятельности журналиста в условиях медиаконвергенции: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013.
- ¹¹ *Свитич Л.Г.* Изменение журналистской профессии в процессах медиаконвергенции // Вестник Челяб. гос. ун-та. 2015. № 5 (360). Филология. Искусствоведение. Вып. 94. С. 411.
- ¹² *Лукина М.М.* Современная концепция и структура журналистского образования в России // Современное журналистское образование: технологии и особенности преподавания / Под ред. Е.Л. Вартановой. М.: МедиаМир, 2008.
- ¹³ Выступление Владимира Путина на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года» 8 февраля 2008 года. [Электронный ресурс] URL: <https://regnum.ru/news/954426.html> (дата обращения: 04.03.2016).

Abstracts

A. Bastron, E. Zheludeva

Media convergence in the media. Issues and prospects of their solution in journalistic education

The article analyzes the problems of using information technologies in the work of a journalist, assesses the current process of media convergence occurring in the media. The article considers objectives of preparing the “universal journalists” and prospects of their reaching in journalistic education.

Key words: media convergence, universal journalist, journalistic education, information technologies, transformation processes, convergence, content.

I. Gordeeva, O. Zaslavskaya

Hippies challenge historians. Issues of collecting and publishing documents on the history of new social movements

The article focuses on the perspectives for preserving documentary heritage of the new social movements (NSM) in the former USSR based on the history of the grass-root peace movement. It is especially important because the specific nature of such movements does not contribute to the proper documentation of their history and greatly complicates the work of professional historians. The article shows in particular by the example of the participants in NSM themselves the “virtual archive” of the new social movements, the relevance of the development of information technology, digital humanities and network civil science and their application in archival and archeographic practice.

Key words: digital humanities, new social movements, grassroots peace movement, pacifism, public archives, Soviet hippies, crowdsourcing, network civil science.

S. Guliyeva

Historical and documentary heritage of peoples of the Northern Caucasus. Collecting and using the documents in 19th century

The article considers the history of formation, collecting and using of the documentary heritage of the peoples of the Northern Caucasus in XIX. The author of the article analyzes activities of military scientific organizations aiming at preservation of the archival documents and analysis of the archives. Publishing activity of military departments and commissions, as well as of statistical committees of the Northern Caucasus is considered.

Key words: archives of the Northern Caucasus, military and historical commission, military and historical department, statistical committees, destruction of archival documents, analysis of archives.

I. Kapran

Are the publications of family archives needed?

Family archives deserve attention from specialists, since they contain not only documentary sources (documents, photos), but also the reflection of the people who have become parties to the events in our country. The author by the example of archive publications of his family in the form of book, presents information characterizing lives of civilians and soldiers during the Great Patriotic War.

Key words: personal and family archives, historical source, memory dominant memoirs, cultural heritage.

E. Karpycheva

Documents of the local public institutions ensuring internal and external systems of the reporting on private trade in the Tverskaya province (1918–1936)

The article is devoted to the analysis of accounting documents of state institutions in Tver province (1918–1936). In the State archive of the Tver region documents represented by the internal and external reportings of local government institutions for private trade are iden-

tified. The author analysed the major forms and varieties of reporting documentation identified informative features of those documents. The analysis of the enclosed in them information credibility and authenticity was carried out. The interrelation and complementarity for office documents of reporting nature, regulating the process of government control over private trade in state institutions were educed.

Key words: the workflow of state institutions; report; handwritten document; typewritten document; printed document.

T. Khorkhordina

Information space in the works of Bulgarian scientist and thinker Alexandra Kumanova

The article deals with the scientific works of the prominent Bulgarian scholar Alexandra Kumanova. The stages of her creative and professional activity are analyzed. The article describes the educational and scientific activity of the scholar. It is shown that A. Kumanova made a great contribution to world bibliography and, on the whole, to world culture since she is the author of the main innovatory works on bibliography research in which she presented the bibliographical picture of Humanities bibliography and the philosophical conception of the subject matter of the integrated Information space.

Key words: Alexandra Kumanova, jubilee, Bulgarian bibliography researcher, Humanities bibliography, bibliographical information, contribution to world science.

A. Malinovskaya

Pride of the three states. Marc Chagall documentary heritage in Russia, Belarus and France

The article is devoted to the great avant-garde artist's biography, career, museum and archival heritage. It concerns the collections of Russian State Archive of Literature and Art, National Historical Archives of Belarus, the National Archives of France, Department of manuscripts of the State Tretyakov Gallery, and several museums of Russia, Belarus and France, containing documents related to Marc Chagall.

Key words: Marc Chagall, artist, Russian State Archive of Literature and Art, National Historical Archives of Belarus, emigration, avant-garde.

N. Neroznikova

From the history of formation and development
of the National Archive of the Republic
of Tatarstan in 1928–1938 years

The publication tells about the history of the organization and formation of the first republican archives: Historical archive and Archive of the October revolution, and about a contribution of their heads to the development of archival work in the republic.

Key words: the Tatar central archive, Historical Archive, Archive of the October Revolution, “great resettlement of archives”, National Archive of the Republic of Tatarstan.

D. Raskin

Archive of the Ministry of education (1803–1918).
From appendage to the office towards the establishment
of a scientific institute

The article discusses the history of the formation and activity of one of the most interesting departmental archives of Russia of the 19th century: An Archive of the Ministry of Public Education. The author shows how during the 19th century, a badly organized securities storage was evolving into one of the country’s best storages in the organization, description and use of the archives. The paper shows the role of some individual archivists in the organization of the work of archives, as well as their role in the organization and carrying out of the archival reform in 1918.

Key words: archive, Ministry of Education, ministerial reform, an essay on the history of the Ministry, N.P. Barsukov, A.S. Nikolaev.

R. Sadykova

The contribution of the historian-archivist
D.R. Sharafutdinov to the development
of archives in the Republic of Tatarstan
in the end of 20th – beginning of 21st century

The article is devoted to the memory of famous historian and archivist, doctor of historical sciences, the winner of the Republic of Tatarstan State Prize in Science and Technology, the chief editor of the

magazine “Gasyrlar Avazy – Echo of Centuries”, honored worker of culture of Russia and the Republic of Tatarstan Sharafutdinov Damir Raufovich, his activities as Head of the Main archive Department under the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan.

Key words: Archival service of the Republic of Tatarstan, Tatarstan history of archives of the 20th century, scientific and documentary magazine “Gasyrlar Avazy – Echo of Centuries”.

O. Shashkova

Russian army combat experience.
Pages of military archeography history
in the late 19th – early 20th century. Part 2. 1920s.

A series of articles devoted to the organization of military and historical service of the Russian army and the use of combat experience of the Russian Empire in the period of the World War I in the beginning – the mid-twentieth century, as well as the fate of archeographical project, related to military documents publicatoin. The focus is on activities and editions of military history commissions Main (later General) Headquarters of the Empire during the Soviet period – the All-Russian General Headquarters of the Red Army are traced. The fates of military editors and prepared by them military documents publications, primarily on the history of the World War I. Particular emphasis is placed on the issues of the organization of work and the issues of documentary publications and source studies of military history associated with the research in the history of the “Great War”.

Key words: military archeography, World War I, military history source study.

A. Zakatov

Sources on the history of the Orthodox Church
in the archives of the Russian Imperial House
in exile and introducing them into the scientific circulation

This article provides a brief analysis of the status and history of the Imperial House of Romanovs in exile after the Revolution of 1917. Specifically, it examines the relations between the Heads of the dynasty and the hierarchies of three jurisdictions of the Russian Orthodox Church in emigration, as well as the hierarchies of other local Orthodox

Churches. The article also surveys the present relationship between the dynasty and the Church, offers a descriptive overview of the sources for the history of the Church preserved in the archives of the Russian Imperial House, and explores the issue of their introduction into the scientific circulation. The substance of the article was delivered as a talk in December 2015 at the international conference “Archival Studies in Russia and Abroad in the 18th – 21st Centuries: The Current State of the Question and Future Prospects”, which took place at the History and Archives Institute of the Russian State University for the Humanities in Moscow, which was held to mark the 80th anniversary of the birth of the great Russian archivist, Evgenii Vasil’evich Starostin (1935–2011).

Key words: Russian Imperial House of Romanovs, Russian Orthodox Church, Local Orthodox Churches, historical sources, archeography, monarchy, legitimism, social and cultural sovereignty, tradition and traditional institutions.

F. Zakirova (Gareeva)

Theorists and practitioners of archive-keeping in the pre-revolutionary period in Russia and Bashkir region

The article is devoted to the coverage of activities of theorists and practitioners of archive-keeping in Russia and in the republic during the pre-revolutionary period: N.V. Kalachov, R.G. Ignatiev, P. Samokvasov, the members of Orenburg scientific archive committee (OSAC), their contribution to the development of archive-keeping. In the conclusion the author talks about the necessity of modern archivists to study and to adopt the experience of predecessors.

Key words: archive-keeping, theory and practice of archive-keeping, N.V. Kalachov, R.G. Ignatiev, P. Samokvasov, the members of Orenburg scientific archive committee (OSAC).

Сведения об авторах

Бастрон Алевтина Алексеевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры фундаментальной и прикладной математики, Институт информационных систем и технологий безопасности, РГГУ, bastron-aa@inbox.ru

Гордеева Ирина Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Средневековья и Нового времени, РГГУ, gordnepl@gmail.com

Гулиева Сацига Гурбаниевна – аспирант, Историко-архивный институт, РГГУ, gulieva.satsita@mail.ru

Желудева Елена Вадимовна – кандидат философских наук, доцент кафедры русского языка, литературы и журналистики, Московский государственный гуманитарно-экономический университет, academia_mv@mail.ru

Закатов Александр Николаевич – кандидат исторических наук, доцент Московского государственного университета геодезии и картографии, директор канцелярии и завархивом Российского императорского дома, an_zakatov@mail.ru

Закирова (Гареева) Фатыма Губайдулловна – кандидат исторических наук, заместитель начальника отдела, Национальный архив Республики Башкортостан, nugaeva@gasrb.ru

Заславская Ольга Владимировна – кандидат культурологических наук, Центрально-европейский университет (Будапешт), zaslavsk@gmail.com

Капран Инесса Константиновна – кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения и русского языка, Морской государственный университет имени адм. Г.И. Невельского, ikkapran@mail.ru

Карпычева Елена Вячеславовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения и документационного обеспечения управления, Московский государственный университет путей сообщения, elena.evsk2012@yandex.ru

Малиновская Анна Владимировна – аспирант кафедры истории и организации архивного дела, ИАИ РГГУ, ann.malinovsk@yandex.ru

Нерозникова Наталья Дмитриевна – заместитель директора Национального архива Республики Татарстан, заслуженный работник культуры Республики Татарстан, nart.archive@tatar.ru

Раскин Давид Иосифович – доктор исторических наук, профессор кафедры источниковедения истории России, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет, d.raskin@mail.ru

Садькова Римма Барыевна – кандидат исторических наук, заместитель директора, Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан, rimmer231265@yandex.ru

Шашкова Ольга Александровна – кандидат исторических наук, доцент Учебно-научного центра археографии, ИАИ РГГУ, главный специалист, РГАСПИ, o-shashkova@yandex.ru

Хорхордина Татьяна Иннокентьевна – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и организации архивного дела ИАИ РГГУ, ioad@yandex.ru

General data about the authors

- Bastron Alextina A.* – Ph.D. in Education, associate professor of the Department of Fundamental and Applied Mathematics, Institute for Information Sciences and Security Technologies, Russian State University for the Humanities, bastron-aa@inbox.ru
- Gordeeva Irina A.* – Ph.D. in History, associate professor of the Department of Medieval and Modern History of Russia, Russian State University for the Humanities, gordnepl@gmail.com
- Guliyeva Satsita G.* – postgraduate student, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, gulieva.satsita@mail.ru
- Kapran Inessa K.* – Ph.D. in History, associate professor of the Department of the Russian Language and Records Management of Maritime State University named after ADM. G.I. Nevelsky, ikkapran@mail.ru
- Karpycheva Elena V.* – Ph.D. in History, associate professor of the Department of Records Management and Documentation Support, Moscow State Railway University, elena.evkh2012@yandex.ru
- Khorkhordina Tatyana I.* – Dr. in History, professor, head of the Department of the History and Structure of Archives Administration, History and Archives Institute, Russian State University for the Humanities, ioad@yandex.ru
- Malinovskaya Anna V.* – postgraduate student of the Department of the History and Structure of Archives Administration, History and Archives Institute, Russian State University for the Humanities, ann.malinovsk@yandex.ru
- Neroznikova Natalya D.* – deputy director of the National archive of the Republic of Tatarstan, the honoured worker of culture of the Republic of Tatarstan, nart.archive@tatar.ru
- Raskin David I.* – Dr. in History, professor of the Department of Russian History Source Study, History Institute of St. Petersburg State University, d.raskin@mail.ru
- Sadykova Rimma B.* – Ph.D. in History, deputy director, Central State Archive of Historical and Political Documents of the Republic of Tatarstan, rimma231265@yandex.ru
- Shashkova Olga A.* – Ph.D. in History, associate professor of the Educational and Scientific Center of Archeography, History and Archives Institute, Russian State University for the Humanities, chief specialist, Russian State Archive of Socio-Political History, o-shashkova@yandex.ru
- Zakatov Alexander N.* – Ph.D. in History, associate professor of the Moscow State University of Geodetic Surveying and Cartography, director of the Chancellery and head of the Archives of the Russian Imperial House, an_zakatov@mail.ru
- Zakirova (Gareeva) Fatima G.* – Ph.D. in History, deputy head of the department, National Archive of the Republic of Bashkortostan, nugaeva@gasrb.ru
- Zaslavskaya Olga V.* – Ph.D. in Cultural Studies, Central European University (Budapest), zaslavsk@gmail.com
- Zheludeva Elena V.* – Ph.D. in Philosophy, associate professor of the Department of Russian Language, Literature and Journalism, Moscow State University for the Humanities and Economics, academia_mv@mail.ru

Художник серии *В.В. Сурков*
Корректор *О.К. Юрьев*
Компьютерная верстка *Е.Б. Рагузина*

Подписано в печать 20.12.2016.
Формат 60×90¹/₁₆
Усл. печ. л. 9,5. Уч.-изд. л. 10,0.
Тираж 1050 экз. Заказ № 124

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rgggu.ru
www.knigirgggu.ru

Журнал «Вестник РГГУ»
«Документоведение и архивоведение. Информатика.
Защита информации и информационная безопасность»
выходит 4 раза в год.
Подписка принимается всеми отделениями связи
без ограничений.
Подписной индекс в каталоге «Газеты. Журналы»
ОАО Агентства «Роспечать» – 71128
Не забудьте своевременно подписаться на наш журнал!
